ScienceFiction

КАУЗАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

ХАННУ РАЙАНИЕМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жан ле Фламбер, самый знаменитый вор в Солнечной системе, способен украсть что угодно и любого обвести вокруг пальца. Он невероятно изобретателен и поразительно везуч. Жану удалось выбраться из тюрьмы, вырваться из пекла апокалипсиса и проникнуть в разум живого бога. На этот раз перед ним стоит новая задача: отыскать и выручить из беды наемницу Миели, которая когда-то спасла ему жизнь. Но в разгар жестокой войны между богами сделать это совсем непросто. К тому же для осуществления своего плана ле Фламберу необходимы весьма необычные инструменты: яйцо из компьютрониума, пара физических тел, несколько водородных бомб и, конечно, космический корабль — незаменимый «Леблан», не раз помогавший вору вовремя унести ноги. Сумеет ли Жан и на этот раз выйти сухим из воды?

- Ханну Райаниеми
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Интерлюдия
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Интерлюдия
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Интерлюдия
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Эпилог

- Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37

Ханну Райаниеми
КАУЗАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

Он оборвал фразу и топнул ногой.

— Вы сбили с толку Люпена! Неужели вы никогда не изменитесь, неужели до конца своей жизни не откажетесь от цинизма и злобы? Поговорим серьезно, черт побери! Время пришло, пора стать серьезным, сейчас или никогда!

Морис Леблан. 813

Представить конец света, будучи ребенком, скорее всего, невозможно. Худенькая девочка, несмотря на разразившуюся войну, больше, чем смерти, больше, чем конца света, боялась беспредельной скуки, никчемности бытия и однообразных, проходящих один за другим дней.

А. С. Байетт. Рагнарек. Гибель богов

Вот тогда Ситон усмехнулся.

— Что ж, ты всегда знал, что сильнее всего на свете я люблю делать вещи больше и лучше.

Э. Э. «Док» Смит. Жаворонок ДюКеси

Пролог

Жозефина Пеллегрини в одиночестве стоит на неподвластном времени пляже; конец света ее разочаровал.

Солнце почти село, лишь над безбрежной гладью моря остался оранжевый отблеск. Земной шар висит в небе. Вокруг него на бело-голубом фоне, словно разлитые чернила, тянутся навстречу друг другу темные щупальца. Драконы Матчека Чена растут, поглощая материю, энергию и информацию. Скоро они начнут вгрызаться в кору умирающего мира, чтобы высосать остатки подземной бактериальной биосферы. Когда падет этот последний бастион жизни, драконы сожрут друг друга, и останется только мертвый шар из пыли и камня.

Как в день Рагнарека. Но тогда он ознаменовал блистательное рождение нового, а сейчас происходит окончательная гибель древней, давным-давно увядающей плаценты.

И все же ради Матчека Жозефина продолжает наблюдать: это его последний шаг перед торжеством Абсолютного Предателя. Прекрасный, гениальный и опасный Матчек. С его грандиозными и в то же время немного детскими поступками, за которые она его и полюбила. Некоторое время Жозефина позволяет себе с тоской вспоминать его огненный взгляд и спокойную улыбку.

Она даже прощает ему, что он заключил ее в этой мыслеформе. Она *стара*, как кокон плоти, из которого Жозефина появилась на свет несколько столетий назад. Мелкий белый песок холодит босые, изрезанные венами ноги. Она обхватывает плечи руками, защищаясь от холода, и видит, как обвисли мышцы покрывшихся гусиной кожей рук. Острая боль клешнями краба пронзает поясницу. *Самая жестокая тюрьма — это старость*.

А она в своей победе проявила бы милосердие. Она ведь только хотела показать Матчеку, как надо управлять Вселенной. И освободила бы его через некоторое время.

Но ее подвели инструменты. Вероломная и неблагодарная Миели взбунтовалась в самый критический момент, отказавшись от блестящего будущего, уготованного ей Жозефиной.

И еще ее Жан.

Вор предал ее. Камень Каминари, ключ к замкам Планка, ради похищения которого Жозефина вытащила его из преисподней, оказался подделкой — вор создал ее несколько десятков лет назад, чтобы посмеяться над ней. Он дорого за это заплатит. Дикий код поглотил его на корабле Миели, но это слишком слабое наказание.

Инструменты всегда ломаются. Она должна была помнить об этом.

И вот она в плену у Абсолютного Предателя. Он оставил ее здесь, после того как обнаружил послание внутри камня.

В конце концов я заберу все, сказал он. *Но ты пока еще мне нужна.*

Как будто она тоже инструмент, которым можно воспользоваться, а затем выбросить. Ведь это Жозефина послала Миели вызволить Абсолютного Предателя из тюрьмы «Дилемма», это она позаботилась, чтобы неблагодарное существо спряталось в разуме вора и было готово освободиться, если Жана поймают. И все шло великолепно, пока он не завладел Матчеком и не заразился манией величия.

Его необходимо проучить.

Глубокий вдох морского воздуха помогает Жозефине раздуть искру обжигающей ярости, зародившуюся в груди.

Она не останется в плену извращенного существа, появившегося в результате неудачного эксперимента в одной из теплиц для гоголов Саши. Она разрушит эту ничтожную тюрьму детских воспоминаний Матчека, как он разрушил Землю.

Абсолютный Предатель совершил глупость, оставив ее в одиночестве.

Она медленно садится, не обращая внимания на ломоту в костях. Руки зарываются в песок. Он еще хранит дневное тепло. Она пропускает песок между пальцами. Мелкие кристаллы ловят последний отблеск солнца. Она пристально смотрит на них, стараясь разглядеть контуры песчинок, все неровности.

Ни один вир, ни один механизм защиты не может быть идеальным — это она прекрасно усвоила благодаря Жану. А это всего лишь вир-сон, слепок с древнего аль-Джанна, эта камера не предназначена для заключения Основателя. Если присмотреться внимательнее, в здешних пустотах должны быть гоголы-демиурги, творцы виртуального мира.

Все верно. Под ее пристальным взглядом ткань вира едва заметно вздрагивает. В образовавшуюся трещину Жозефина посылает свой код Основателя: *маленький красный предмет, и еще ложе, и клятву*. Вуаль реальности слегка приподнимается, и под ней прощупывается твердь, жесткие ребра, скрывающиеся под мягким песком. Да, конечно, она заключена кодом Матчека. Но она уже слышит шепот.

Кто? Основатель! Сяо! Страшно! Демиурги дрожат и разбегаются от ее прикосновения, но она обращается к ним, уговаривает их. *Подождите. Стойте. Играем!*

Этот копиклан ей знаком. Его гоголы трудолюбивы, по-детски непосредственны и очень, очень одиноки.

Они проявляют любопытство и слушают ее. Она улыбается. Пусть ее поместили в ветхую мыслеформу, пусть ее лишили статуса Прайма, но она все еще Жозефина Пеллегрини, она прожила невероятно долгую жизнь и умеет обращаться с гоголами. Она остается в заключении, но если она сумеет подчинить демиургов, возможно, ей удастся создать собственную частичную тень, способную проскользнуть в трещину.

Сначала испытание.

Нарисуйте мне небо, говорит она. *Широкое и далекое. Нарисуйте Систему.*

Гоголы радостно бросаются выполнять задание. Именно это и приказал им их хозяин: создавать вир, как создают сны, наполнять его историями, собранными другими гоголами во внешнем мирю, и историями, рассказанными внутри.

Появившееся небо полыхает огнями войны.

Жозефина видит, как Система бурлит, словно растревоженный муравейник.

Демиурги представляют ее в виде галактики, где каждая звезда — это корабль. По Магистрали, гравитационной артерии Системы, движется поток беженцев — это незначительные цивилизации Пояса, которые давным-давно толпились вокруг сияющей Соборности, греясь в ее лучах. Они бегут, считая, что настало время великой интеллектуальной жатвы. Жозефина усмехается: они должны быть счастливы служить Великой Всеобщей Цели.

Все это предстает перед ней тенями на стене пещеры по сравнению с тем, что она могла бы разглядеть миллиардами глаз, находясь в статусе Прайма, но Жозефина уверена, что демиурги видят ее сияющей от радости.

Хорошо поработали. Теперь покажите мне моих сестер.

Небосвод расширяется, на нем появляется Солнце, забранное сетью солнцедобывающих машин Соборности и заводов интеллектуальной материи, проявляется многомерная карта *районов, областей* и *губерний,* а в них — многогранных виров и бесчисленных множеств гоголов, напоминающих нейронные узлы в колоссальном мозге Соборности. Космическая паутина мысли. Мозг в состоянии войны с самим собой.

Ее сестры сражаются с василевами и сянь-ку. Это исчерпавшее себя противостояние, которому предшествовали столетия и субъективно воспринимаемые эпохи интриг и вероломства. Она знает, что копиклан пеллегрини проиграет. Воинствующие разумы и оружие Основателей равны между собой,

и только количество имеет значение.

Но еще не все потеряно. В голове Жозефины уже разворачивается схема. План, способный объединить всех Основателей, — то, к чему она стремится в первую очередь. Абсолютный Предатель еще может остаться ее инструментом, этот противник заставит примкнуть к ее лагерю даже василевов и сянь-ку. Саша последует за ней, а потом подтянутся и остальные...

Жозефина хмурится. В ходе битвы что-то не так. Отражение мириад ее сущностей искажается в небе, словно в кривом зеркале.

Внезапно перед ней проявляются контуры замысла Абсолютного Предателя. Это апокалипсис, о котором Матчек не мог и мечтать, катаклизм, сотканный из орбит, сражений и мыслевихрей.

Долгое время она наблюдает за ходом войны. Это все равно что смотреть в дуло револьвера, видеть, как неотвратимо поворачивается барабан, слышать щелчок, предшествующий грохоту и вспышке, стирающей все цвета, кроме черного и белого.

И только тогда она понимает, что представляет собой Абсолютный Предатель.

Она закрывает глаза, ложится на холодный песок и вытягивает руки вдоль тела, словно труп. Она вслушивается в равномерный шум моря.

Он хотел, чтобы я это увидела, думает она. *Он знал, что я собираюсь сделать. И потому оставил меня здесь.*

Впервые за много столетий внутри нее растет пустота и желание покончить со всем и сразу.

Ты грустишь? спрашивают ее демиурги. *Мы покажем тебе что-нибудь еще! Мы художники неба, строители мира, певцы и преобразователи!*

Она сжимает руки в кулаки так, что ноют костяшки пальцев. Затем садится и смотрит на темнеющий берег. Ее следы ровной цепочкой повторяют изгиб прибоя.

Жозефина поднимается.

Теперь моя очередь вам кое-что показать, говорит она. *Если вы мне поможете, мы сумеем создать вам друга.*

Мы слушаем! Мы сделаем! Мы создадим! раздается ей в ответ хор демиургов.

Она идет вдоль берега, устало ступая по собственным следам. У ног плещутся холодные волны.

В небе начинается настоящее светопреставление. Жозефина не обращает внимания. Она занята. Из песка и воспоминаний она строит свою последнюю надежду.

Глава первая
ВОР И ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Мы едва успеваем пройти орбиту Марса, как Матчек познает все истины Нарнии и помогает мне отыскать след Миели.

— История не может на этом закончиться! — говорит он, откладывая книгу.

Это большой потрепанный том с фиолетовой обложкой, где на круглой, похожей на окно иллюстрации изображены сражающиеся армии. Матчек поднимает фолиант обеими руками четырехлетнего мальчика, но не справляется, и в результате книга шлепается на стол передо мной.

«Последняя битва», К. С. Льюис, читаю я, сдерживая вздох. *Это вызовет серьезные вопросы.*

Последние несколько субъективно воспринимаемых дней в крошечном вире нашего корабля под названием «Шкаф» прошли довольно спокойно. Я создал этот мир на основе рассказанного Матчеком сна. Это пропахший ладаном лабиринт высоких книжных стеллажей, хаотично заполненных томами самых разных цветов и размеров. Обычно мы с Матчеком сидим за грубо сделанным деревянным столом маленького кафе в ярком свете рассеянных солнечных лучей, проникающих сквозь витрину.

Снаружи — нарисованная на воображаемом стекле — бурлит бесконечным движением Магистраль. Тысячи световихрей, скал-кораблей, штиль-кораблей, лучевых ракет и прочих разнообразных судов в сиянии солнечных парусов «Шкафа» сверкают мириадами фрагментов. А в глубине, в тени, синие и серебристые книги с фрактально сжатыми мыслями людей, джиннов и богов Сирра перешептываются между собой шелестящими голосами.

До сих пор Матчек спокойно читал книги, подперев подбородок кулаками. Меня это вполне устраивало: я был занят тем, что в предсмертной агонии Земли отыскивал следы Миели.

— Они просто не могут погибнуть! Это несправедливо! — заявляет Матчек.

Я перевожу взгляд на него и заставляю свою личную Магистраль — камень зоку, изумрудный диск с тонкими молочными прожилками внутри, подаренный дружелюбным китоморфом, — вращаться вокруг пальцев.

— Послушай, Матчек, — говорю я. — Хочешь, покажу фокус?

Мальчик отвечает неодобрительным взглядом. У него честные и яркие глаза, и этот пронизывающий голубой взгляд

совсем не сочетается с его округлым детским лицом. Он вызывает у меня неприятные воспоминания о том, как взрослая сущность Матчека схватила меня и разобрала мой мозг на отдельные нейроны.

Он складывает руки на груди.

— Нет. Я хочу знать, нет ли в этой истории другого финала. Этот мне не нравится.

Я закатываю глаза.

— Обычно существует только один финал. Почему бы тебе не почитать другую книгу, раз эта пришлась не по вкусу?

Сейчас у меня нет настроения продолжать разговор. Мои слуги — рой агентов в общедоступных источниках, дистанционно выпущенных из крыс и круглых червей, — прочесывают спаймскейпы Системы в поисках информации о разрушении Земли. В голове у меня нескончаемая вереница кват-образов, холодные брызги информации из потока кораблей, проплывающих за старинными стенами нашего судна.

И каждый образ — словно движение стрелки, отсчитывающей время, которое отпущено Миели.

Живой сигнал от вакуум-ястреба с Цереры. Зернистое изображение, записанное светочувствительным бактериальным слоем на солнечных крыльях хрупкого космического не обладающего разумом существа, которое преследует самку своего вида в окрестностях Земли. Слишком нечеткое. Следующее.

<СПАЙМ>, перехваченный с комплексной развернутой антенны зоку на Ганимеде, общедоступный канал.

У меня замирает сердце. *Неплохо.* Гиперспектральная запись событий, произошедших несколько дней назад, вспыхивает у меня перед глазами сполохами полярного сияния, многоцветные полотна радужного света в мельчайших деталях отображают одновременно поверхность Земли и окружающее пространство. Драконы мрачными провалами темнеют в каждом слое, но я не обращаю на них внимания. Мысленно приказываю приблизить участок, соответствующий второй точке Лагранжа и облаку технологического мусора, где должна быть «Перхонен». *Давай же!*

— Но я хочу знать, — доносится издалека настойчивый голос. — Кто был Императором? Что было за морем? И почему Аслан уже не лев?

Спайм-изображение достаточно четкое, чтобы отследить пространственно-временной след и историю каждого синтбиотического фрагмента и мертвого наноспутника в этом космическом Саргассовом море. Вот только «Перхонен» здесь тоже нет, хотя корабль Миели должен был находиться где-то

поблизости. Я шепотом произношу проклятья.

— Ты сказал плохое слово!

Где-то далеко-далеко Матчек дергает меня за рукав.

Я разочарован. Вся доступная информация носит следы искажений, даже те данные, которые содержат исключающие возможность подделки опознавательные знаки сенсоров зоку. Этому нет разумных объяснений, если только искажения не вносятся умышленно. Мне остается только гадать, не слишком ли поздно предпринимать поиски.

Черт побери, где же она?

Я тру глаза и отправляю разведчиков проверить избранные сети на Магистрали, чтобы узнать, не заметил ли это явление кто-то еще. Потом позволяю полученным кват-образам таять в пелене фоновых помех. Внезапно накатывает приступ острой тоски по разумным гоголам «Перхонен». Но но самому кораблю я тоскую намного сильнее.

— Зачем им понадобилось в самом конце смотреть ему в лицо?

В подобной ситуации необходимо точно знать, что ответить.

— Послушай, Матчек, я очень-очень занят. Мне надо работать.

— Я могу тебе помочь. Я умею работать.

— Боюсь, тебе будет скучно, — осторожно возражаю я. — Это занятие для взрослых.

Мои слова не производят должного впечатления.

— Мама тоже всегда так говорила, но однажды я пошел с ней на работу, и получилось очень весело. Я обрушил рынок квантовых ценных бумаг.

— У меня не такая интересная работа, как у твоей мамы.

Не успев договорить, я осознаю свою ошибку.

— Я тебе не верю. Я хочу попробовать!

Он тянется к моему камню зоку. Я поднимаю руку, верчу его в пальцах, и камень исчезает.

— Матчек, чужие вещи нельзя брать без разрешения. Помнишь, что я тебе говорил? Помнишь, почему мы здесь?

Он опускает взгляд.

— Мы спасаем Миели, — бормочет он.

— Правильно. Красивую леди с крыльями, которая тебя навещала. Поэтому я к тебе вернулся. Мне нужна была твоя помощь. И поэтому мы оказались на борту «Шкафа». Я ведь позволил тебе выбрать название для корабля, верно?

Он кивает.

— А от кого мы спасаем Миели?

— От всех, — отвечает Матчек.

Позаботься о ней. Ради меня. Обещай. Так говорила «Перхонен».

После атаки Охотника Соборности корабль пытался спасти Миели, выбросив ее в космос. В тот момент, насколько я понимаю, это было неплохой идеей.

Проблема в том, что Миели уже два десятка лет служит Соборности, и в ее голове живет гогол Основателя. В Системе слишком много желающих заполучить эту информацию, тем более сейчас. К примеру, разведка зоку, которую они называют Большой Игрой. Они неплохие ребята, но когда найдут Миели, очистят ее разум, как апельсин. Пеллегрини, василевы, сянь-ку или чены и вовсе не склонны проявлять какую-либо деликатность. Не говоря уже о компании наемников на Земле, куда Миели проникла.

Мы должны ее отыскать, пока ее не нашел кто-то другой. И прошло уже несколько базовых суток.

Даже если я узнаю, где она, добраться туда будет нелегко. Наш прекрасный корабль, наш «Шкаф», — это всего лишь клубок карбоновых нанотрубок внутри капсулы из интеллектуальной материи размером с косточку вишни, который движется по Магистрали к Сатурну вдоль Пояса благодаря солнечным парусам не больше воздушного змея. Корабль вырвался из пули Вана, снаряда весом три тысячи тонн. Для того чтобы оторваться от погибающей Земли, потребовался ядерный заряд в сто пятьдесят килотонн. Осколки защитной оболочки до сих нор парят вокруг нас, составляя трехмерную головоломку из стали и бора — и легких клочков использованного тормозного геля, который тянется за кораблем, словно лента туалетной бумаги, брошенной из окна автомобиля. Для высокоскоростной погони по всей Системе я выбрал бы другое судно.

А если я отыщу Миели и она узнает о судьбе «Перхонен», прольется много крови. По большей части моей.

Я легонько сжимаю плечи Матчека.

— Все правильно. От всех.

— Я тоже хочу помочь Миели.

— Знаю. Но сейчас ты можешь помочь только тем, что будешь сидеть тихо и читать книжки. Ты можешь это сделать?

Он хмурится.

— Принцесса обещала, что нас ждут приключения. Она ничего не говорила о том, что тебе все время придется работать.

— Что ж, Принцесса не знает всего.

— Я *понимаю*. Вот поэтому я и хотел с тобой поговорить. Я

думал, ты мой друг.

У меня в груди внезапно возникает пустота.

Не хотелось бы в этом признаваться, но я взял его с собой исключительно из эгоистичных побуждений: его аль-Джанна был единственным местом на Земле, которое Драконам Чена запрещено трогать.

И есть еще одно обстоятельство: не так давно я был готов похитить его душу.

— Конечно, я твой друг, Матчек. Что же тебя так расстроило в этой книге?

Он подпрыгивает на одной ноге, потом на другой, и снова обращает на меня свой чистый взгляд.

— Это место похоже на Нарнию? — спрашивает он. — И на самом деле мы оба мертвы?

Я удивленно таращу глаза.

— Почему ты так говоришь?

— Если подумать, то так и получается. Я помню, как вошел в белую комнату мистера Перенны. Я как будто был болен. Там была кровать, а потом я оказался на пляже, и опять хорошо себя чувствовал. Я никогда не думал об этом, пока был там. Я просто играл. Папа и мама сказали, что я могу остаться и поиграть подольше. Они обещали вернуться, но так и не пришли. Я как будто спал, а Миели появилась и разбудила меня.

Так, может, в реальном мире я умер, а пляж — это Нарния, и ты — мышь Рипичип?

Матчеку было четыре года, когда копию его разума спрятали в аль-Джанна. И его последнее воспоминание относится к посещению загрузочной страховой компании вместе с родителями; все остальное — это только бесконечный день на берегу. Сейчас он считает, что один из его вымышленных друзей, которого он называл Принц-цветок, вернулся и взял его с собой в путешествие. Я не могу заставить себя сказать ему, что его родители умерли несколько веков назад, а мир, в котором он жил, пожирают Драконы, созданные его же взрослой сущностью.

— Матчек...

Я на мгновение задумываюсь, прикидывая различные варианты. Я мог бы вернуть его гогола на несколько дней назад, заставить забыть все обо мне и Последней Битве. Я мог бы воссоздать пляж, и мальчик играл бы там еще целую вечность.

Я глубоко вздыхаю. На этот раз Миели оказалась права. Есть черта, которую невозможно переступить. Я не посмею превратить Матчека в управляемого гогола, каким был сам. И я не собираюсь строить для мальчика тюрьму.

Я беру маленькую ладошку Матчека в свою руку и легонько

сжимаю ее, подыскивая подходящие слова.

— Ты не умер, Матчек. Смерть — это совсем другое, я-то знаю. Но реальность может быть различной. Твои родители ведь не верили в нас? В меня, в Принцессу, Солдата и Кракена?

Мне трудно спокойно произносить эти имена. Вымышленные друзья Матчека — или их далекие потомки, Аун, вызывают у меня сильное беспокойство. Они считают меня одним из них и спасли от дикого кода в атмосфере Земли, но «Перхонен» не спасли.

Матчек качает головой.

— Это из-за того, что мы живем в невидимом для них мире. Но это не Нарния. Как только мы отыщем Миели, обещаю вернуть тебя в реальный мир. Но сначала мне необходима твоя помощь. Договорились?

— Ладно.

Он шмыгает носом, а я с трудом сдерживаю вздох облегчения.

Затем он снова заглядывает мне в глаза.

— Принц?

— Да?

— Я всегда забываю истории, увиденные во сне. Дети всегда забывают Нарнию. Я буду тебя помнить, когда вернусь?

— Конечно. Ты будешь меня помнить.

Слово эхом отзывается в моей голове. Помнить. С безумной улыбкой я подхватываю Матчека и крепко обнимаю его.

— Матчек, ты гений!

Я искал следы Миели в общедоступных источниках, информация в которых искажена неизвестными мне силами. Но есть в Солнечной системе место, где помнят все. И секреты там хранятся лучше, чем где бы то ни было.

Установить анонимный кват-канал с Королем Марса нелегко, но теперь у меня появился план, и я стараюсь изо всех сил. Матчека я убедил заняться алгоритмически сгенерированной нейроадантивной фантастической книгой конца двадцать первого столетия, и надеюсь, что на некоторое время она его отвлечет.

От Марса нас отделяют несколько световых минут, поэтому я замедляю субъективную скорость времени, чтобы симулировать разговор в реальности. Я создаю субвир и вхожу внутрь: никаких изысков, просто фрагмент моего визита к предкам сянь-ку старой Земли, обычный парижский бар для эмигрантов, где царит мирная дружеская суета.

В первое мгновение я только наслаждаюсь вкусом коктейля «Отвертка». Строго говоря, мы с сыщиком были противниками, и я не хотел бы обращаться к нему за помощью, даже если бы он не

был сыном Раймонды, моей бывшей возлюбленной. Я еще раз оцениваю свои возможности, но иного варианта не вижу, и отправляю первый кват, не забыв присоединить к посланию дружескую усмешку.

Как поживаешь, мой Король?

Не называй меня так, приходит ответ. **Ты себе не представляешь, что это такое.** Кват приносит ощущение сердито сжатых зубов, и это вызывает у меня улыбку.

Ты заслужил этот титул, Исидор. И должен ему радоваться.

Жан, что тебе нужно? Я не ожидал, что снова тебя услышу. Только не говори, что хочешь вернуть свои Часы.

Да, парень явно научился показывать зубы.

Часы можешь оставить себе. Как я помню, тебе приходилось опаздывать на свидания, по крайней мере, так говорила Пиксил.

Я даю ему немного времени, чтобы это обдумать, но мне некогда долго ждать.

Мне нужно нечто другое. Твоя помощь. Это срочно.

Что произошло на Земле? В его вопросе чувствуется нетерпение. **Ты имеешь к этому какое-то отношение?**

Тебе лучше не вдаваться в подробности. А относительно происшедшего — я и сам не прочь бы это выяснить.

Я отсылаю ему сведения о попытках отыскать Миели, адаптированные к марсианским разделенным воспоминаниям.

Исидор, кто-то искажает все источники информации, которые мне только удается найти. Экзопамять Ублиетта, вероятно, избежала общей участи. Если уж ваши коды представляют трудности для Соборности, то и остальным пришлось бы с ними повозиться. Мне надо просмотреть все имеющиеся у вас воспоминания, которые касаются наблюдений за Землей и Магистралью за этот период.

Ответ Исидора полон лихорадочного энтузиазма.

Это напоминает мне Царство — создание прошлого, только в большем масштабе! Чтобы получить эти воспоминания, мне придется воспользоваться Ключом Криптарха. Кто же решился на такие колоссальные усилия?

Возможно, тот, кто действительно боится вторжения Драконов. Это единственное стоящее объяснение, найденное моими миньонами в болтовне на Магистрали.

Или тот, кто не хочет, чтобы нашли Миели, мысленно добавляю я. Хотя и не имею представления, кому могло прийти в голову задействовать огромные ресурсы, чтобы спрятать одну оортианку, даже если она и служит Жозефине Пеллегрини.

Поторопись, пожалуйста, Исидор. И не вмешивайся в это дело. Тебе надо править своей планетой.

В Соборности вспыхнула гражданская война: обычные законы уже не действуют. Если обнаружат, что у тебя есть Ключ, придут и к тебе. Не нарывайся на неприятности.

Я так и думал. Ты ничего не понимаешь, отвечает Исидор. **Вот, получи.**

Канал кват-связи заполняет плотный поток сжатых разделенных воспоминаний. Я сбрасываю их в архив и радуюсь, что сохранил в экзопамяти все инструменты и ключи василевов, полученные во время последнего короткого визита в Ублиетт.

Спасибо, Исидор. Я твой должник. Передай от меня привет Раймонде. Я стараюсь скрыть горьковато-сладкое чувство за вкусом водки с лимоном, который и посылаю вместе с кватом.

Передам. Но, Жан, зачем ты пытаешься отыскать Миели? Она сражалась вместе с Раймондой, ее корабль спас нас от фобоев, и мы благодарны ей за это. Но чем ты ей обязан? Ты ведь теперь свободен, и можешь идти куда захочешь. На этот раз горечь чувствуется в его послании. **Насколько я знаю Миели, она сама может о себе позаботиться. Почему ты так стараешься ее спасти?**

Вопрос застает меня врасплох. Я возвращаю время к обычной скорости, чтобы иметь возможность немного подумать. Исидор прав. Я могу пойти куда угодно. Я могу стать кем угодно. Могу отправиться на Сатурн или еще дальше, найти кого-нибудь, кто позаботился бы о Матчеке, а потом снова быть Жаном ле Фламбером.

Однажды «Перхонен» спросила меня, что я буду делать после окончания миссии. Сейчас, когда я об этом думаю, мне кажется, что я стою на вершине отвесной скалы. В животе все сжимается от страха. После освобождения из тюрьмы во мне мало что сохранилось прежним. Что мне осталось, кроме обещаний?

И потом, у Миели еще есть шанс. Всю жизнь она стремилась вернуть свою утраченную любовь, и все напрасно. Так всегда бывает с теми, кого коснулась рука Жозефины Пеллегрини, и мне это прекрасно известно.

Потому что это то, что должен сделать Жан ле Фламбер, шепчу я через канал кват-связи. **Остерегайся неприятностей, Исидор.**

После этого я закрываю канал и погружаюсь в изучение информации, и в конце концов обнаруживаю Миели в памяти цветов.

Эта информация получена рассредоточенным телескопом

Ублиетта. Как и большая часть местных технологий, телескоп скорее похож на произведение искусства, чем на научное оборудование: синтбиотические цветы с фоточувствительными лепестками, образующими полномасштабное изображение, сеются по пути следования марсианского города. Подобно широко раскрытым глазам, они изучают небо до тех пор, пока их не съедают фобои.

Сведения поступили в виде фрагмента экзопамяти Ублиетта, и потому воспринимаются как воспоминания. Я внезапно вспоминаю, что увидел в небе крошечную точку. В отличие от настоящих воспоминаний, как только я фокусирую взгляд, изображение становится все отчетливее, и вскоре я уже различаю похожие на паутину солнечные паруса «Перхонен». Потом происходит вспышка, и от корабля отделяется какой-то мелкий предмет.

Вот и она. Я слежу за Миели глазами цветов.

Миели парит в пустоте, переворачивается и кувыркается, пока к ней не подходит другой корабль, корабль зоку, построенный в виде стеклянной модели планетной системы. Зоку в своем истинном обличье — облака фоглетов вокруг человеческих лиц со сверкающими ореолами — высыпают наружу и окружают ее. А потом Миели исчезает, а корабль с приличным ускорением направляется к Магистрали.

Я созываю своих миньонов. Для идентификации спасителей Миели через спаймскейпы Магистрали им требуется всего несколько мгновений. «Боб Говард», судно зоку Радужной Таблицы, — один из кораблей-администраторов, используемых для поддержания сети маршрутизаторов. И, что очень странно, в данный момент он держит курс на Сатурн вдоль килоклик-луча, требующего немалых затрат. До города Супра он доберется примерно через семнадцать дней. Не слишком эффективное использование ресурсов для системного администратора зоку, особенно если учесть непредсказуемую ситуацию во Внутренней Системе.

Я соединяю перед собой кончики пальцев и размышляю. Миели забрала Большая Игра зоку, теперь сомнений в этом быть не может. Один из их агентов на Радужной Таблице, вероятно, увидел возможность получения информации и приказал доставить Миели на Сатурн. Конечно, они могли пропустить ее через Врата Царства, превратить в кванты информации и переправить туда при помощи маршрутизатора почти со скоростью света, но у Миели имеются боевые имплантаты Соборности, и при прохождении через Врата Царства они могли самоуничтожиться. Нет, они решили доставить ее всю, до

последнего атома, возможно, в биостазисе.

Я осушаю свой стакан, откидываюсь назад и погружаюсь в волны неумолкающих в баре разговоров. *Время еще есть.* План уже зарождается у меня в голове. Жаль, что «Шкаф» не в состоянии так быстро добраться до Сатурна. Недостатки корабля из аль-Джанна касаются не только эстетической стороны.

Но Исидор прав. Теперь я *действительно* свободен: если не считать раздражающе навязчивой защиты от копирования, когнитивные оковы, наложенные Жозефиной, почти полностью исчезли. С тех пор как мы покинули Землю, я все время думаю о *другом* моем корабле, *настоящем корабле* под названием «Леблан», который спрятан в Арсенале Ганклуба на Япете. Если бы я только смог вовремя туда добраться...

Или если бы смог замедлить развитие событий.

Неопределенность закончилась. Я снова стал самим собой. И погружаюсь в разработку плана. Мне потребуются инструменты. *Схема квантовой пирамиды. Пара физических тел, крупица компьютрониума, группа связанных ЭПР-пар и несколько особых водородных бомб...*

Я намерен забрать ее у тебя, Жозефина. Я хочу ее похитить.

К моему удивлению, схема пирамиды получается довольно просто.

Вы стали Навигатором четвертого уровня!

Вместе с этим кватом я получаю приятное ощущение сцепленности с Магистраль-зоку — это награда за открытие нового координационного баланса, который помог разрешить конфликт траекторий при прохождении юпитерианской точки Лагранжа. Стоит ли говорить, что сначала я сам создал этот конфликт, воспользовавшись ботнетом.

Предлагаем контракт по проводке масс-потока: сбор фрагментов, обозначенных в <СПАЙМ>, и доставка их к Япету. Предложение: комбинаторный тендер на коридор до Япета или эквивалентного пункта Магистрали.

Корабль китоморфов — огромный водяной пузырь, удерживаемый синтбиотической мембраной, с экипажем из гибридов гоминидов и китов — выразил желание принять предложение по сбору фрагментов пули Вана и доставке их к Сатурну. Я оставляю себе мысленное напоминание рассмотреть предложение позже: сейчас я еще не готов с ними расстаться.

Выражение. Пожелания. Коллектив. Присоединяйтесь.

Этот кват сопровождает гул тысяч скоординированных голосов. Крупный игрок: венерианский парящий город, временно преобразованный в космический корабль, «Вепайя», перевозящий

высококачественный компьютрониум Соборности. Я трачу несколько миллисекунд, чтобы привлечь его внимание, и высылаю квантовый контракт. Город не читает то, что написано мелким шрифтом. Это трудно — точнее, NP-трудно, — подлинность контракта не поддается проверке путем вычислений в пределах срока существования Вселенной.

Земная катастрофа убедила обитателей миров Пояса в том, что Соборность начала кампанию активного поглощения. Магистраль перегружена, и беженцы, покидающие Внутреннюю Систему, оспаривают друг у друга скоростные и экономичные траектории. Я один из предприимчивых разумов, предлагающих проходящим неподалеку кораблям результаты вычислений для поиска лучших коридоров, выводящих за пределы Внутренней Системы, и преимущества сцспленности с Магистраль-зоку. Суть в том, чтобы внедрить в контракт простейшую квантовую программку, которая позволяет мне урвать малую толику от всего, что получают члены коллектива, — и внести алгоритмические предложения для некоторых траекторий, что сделает их весьма соблазнительными.

Корабль-скала урсоморфов «Йог-14» атакует «Веспера» и «Целомудрие» с Цереры.

Я морщусь. Нежелательный побочный эффект. Урсоморфы на своем корабле-скале, по форме напоминающем кремневый топор длиной несколько километров, созданном при помощи синтбио и ядерного пламени, отказываются признать, что сбились с курса. Над этим судном парят расплывчатые корабли-медузы церерианцев. Магистраль-зоку предпринимают все меры, чтобы минимизировать последствия, посылают собственные ку-корабли и перемещают световые вертушки, чтобы направить поток в обход расширяющейся сферы боевых действий.

Разрыв масс-потока в коридоре на Сатурн. Корабль-струя «Бабл Бобл» покупает место в масс-потоке.

Световая вертушка на орбите Марса недоступна.

Запрос доступа сатурнианского килоклик-луча к инвариантной поверхности Пуанкаре.

Предложение о покупке контракта на прохождение по сатурнианскому килоклик-лучу.

Я перестаю дышать. Вот в чем прелесть работы с зоку — камни заставляют их действовать по воле большинства. И вот я уже с удовлетворением наблюдаю, как Магистраль-зоку переводят «Боба Говарда» на менее скоростной луч. Выигрыш невелик — возможно, еще одна неделя, — но мне этого достаточно, чтобы добраться до Сатурна почти одновременно с зоку Радужной Таблицы. Будем надеяться, что Большой Игре не удастся за это

время окончательно сломить Миели.

И теперь у меня достаточная степень сцепленности, чтобы выторговать инструменты, необходимые для работы на Япете.

В вир «Шкафа» я возвращаюсь с улыбкой.

В книжном магазине идет снег. Большие белые снежинки плавно слетают из тени, скрывающей потолок. Книжные стеллажи стали похожи на заснеженные деревья, вместо столика появился высокий столб с чугунным газовым фонарем и пятном дрожащего желтоватого света под ним. Дыхание мгновенно превращается в пар. Холодно. Матчека нигде не видно.

Откуда-то издалека доносится звон маленьких колокольчиков. Цепочка мелких следов ведет в сумрак за стеллажами. На снегу ярко выделяется красная с серебром обертка от конфеты. *Рахат-лукум*.

— Матчек! — кричу я, но голос теряется в снегу.

Никакого ответа. *Как, черт побери, ему удалось настолько изменить вир?*

Я прячу ладони под мышками, чтобы согреться, и неуверенно верчу в памяти код Основателя, надеясь устранить изменения, внесенные будущим богом-императором Солнечной системы.

В затылок ударяет снежок.

Пока я удивленно моргаю, за шиворот течет холодная слякоть. Где-то в темноте смеется Матчек. Я все еще потираю шею, когда приходит кват. Исидор?

Жан, ты себе представить не можешь, что я обнаружил!

Я старательно сосредоточиваюсь на фрагменте экзопамяти: быстро мелькающие вспышки в марсианском небе, яркая звезда между чьими-то пальцами.

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен увидеть…

Голос сыщика теряется в мелькании изображений. Фобос падает с неба. Столб света на горизонте. Землетрясение, вся планета гудит, словно колокол, Ублиетт теряет равновесие.

А потом тишина.

Глава вторая
МИЕЛИ И ГОРА

Ты должна подняться на гору и отыскать ведьму.

Крутые склоны и чашевидная вершина скрываются за кружевными облаками. Гора стоит одиноко в своем совершенстве и не обращает внимания на узкую тропинку, проложенную людьми и извивающуюся перед тобой, словно нить, скрепляющая рану.

Ты обдумываешь путешествие, перебираешь все варианты. Один за другим, как бусинки на нитке, как драгоценные камни в ожерелье.

Ты поправляешь катану на поясе и начинаешь подъем. Ветер доносит струйку дыма. Где-то позади к небу поднимается белый столб.

Твоя деревня еще горит.

Гаки[1] нападают ранним вечером, когда ты поднимаешься на отрог горы.

Ты уже стоишь выше облаков, и последние лучи солнца окрашивают их верхние слои синим и пурпурным. С заснеженного склона горы налетает холодный ветер, несущий крошечные снежинки. Дыхание Юки-онна[2], белой ведьмы. Она знает о твоем приближении.

Наверху склон горы изрыт углублениями. Гаки медленно встают из них, словно бледные языки из черных ртов.

Это истощенные и морщинистые существа с раздувшимися животами, полными черной крови. Они принюхиваются, потом начинают спускаться, сначала неуверенно, но вскоре пускаются вприпрыжку.

Катана по собственной воле покидает ножны и сверкает серебром.

Первый гаки шипит и протягивает к тебе скрюченные руки. Доносится тошнотворный запах: экскрементов, мокрой земли и гнили. Твоя катана описывает в воздухе молниеносную дугу. Из обрубка руки гаки плещет пепельно-серая кровь. Он пятится, злобно щелкая зубами и сверкая желтыми глазами.

А потом ты видишь двоих его сородичей, поднимающихся по склону справа. Они торопливо бегут назад вниз и готовы напасть сбоку.

Недалеко внизу есть скальный выступ с огромным камнем, который мог бы защитить от нападения сзади. Но добраться туда

можно только по крутому заснеженному склону.

Решение заставляет принять гаки. Он бросается прямо на тебя, словно желая напороться на лезвие катаны. Ты с легкостью уклоняешься и подрубаешь ему ноги.

Гаки катится вниз по склону, и ты следуешь за ним безумными прыжками по перекатывающимся под ногами камням. И только молишься, чтобы не подвернуть лодыжку.

Ты едва не падаешь с обрыва, но вовремя останавливаешься и, тяжело дыша, разворачиваешься лицом к врагам. Спину защищает камень, но спереди сужается полукруг гаки, шипящих, щелкающих зубами и брызжущих слюной. Ты ждешь. Поднимается ветер. Неплохое место, чтобы умереть. Ты жалеешь лишь о том, что Юки-онна избежит твоей мести и удержит при себе душу твоей возлюбленной. Ты легко взмахиваешь катаной, словно каллиграфической кисточкой, и готовишься написать хокку смерти.

В шею стоящего в центре гаки вонзается оперенная стрела. Следом за ней сверху по дуге летят еще стрелы, поражая его соседей. Ты быстрыми танцующими шагами бросаешься вперед, рубишь направо и налево. Головы гаки скатываются вниз по склону горы.

Из-за упавших гаки появляется ронин[3]. Он — или, судя по изящной фигуре, она — держит в руке нагинату[4], а лицо закрыто маской усаги[5], перечеркнутое крестом белое лицо демона-кролика. Она чертит клинком полукруг, расчищая вокруг себя пространство, затем делает выпад и пронзает грудь гаки. Она останавливается, чтобы взглянуть на тебя. Из-под маски сверкают ее глаза.

Твоя стремительная катана и длинная нагината дополняют друг друга, и битва быстро заканчивается.

Ты как будто вернулась в додзё[6], и даже на неровном склоне самые сложные приемы получаются легко, и гаки падают вокруг, словно снопы. В конце концов они разбегаются, оставив обезглавленные тела товарищей и скользкий от крови склон.

И тогда ты первой отвешиваешь поклон.

— Благородный ронин, — говоришь ты. — Я обязана тебе своей жизнью.

Она тоже кланяется и снимает маску. У нее смуглое лицо и слипшиеся от пота длинные черные волосы.

— Это честь для меня, — отвечает она. У нее мягкий негромкий голос, словно шелест шелка, стирающего кровь с клинка. — Без тебя я и сама пала бы жертвой гаки.

Ты снова кланяешься.

— Что же ты здесь ищешь, усаги-сама?

— Ведьму Юки-онна, причинившую мне зло, — отзывается она.

Ветер усиливается.

— Недоброе имя. Я тоже ее ищу.

— Может, мы объединим наши усилия и вместе осуществим свою месть?

Ты в нерешительности молчишь.

— Я должна сама пройти свой путь, — говоришь ты после паузы. — И преодолеть опасности горы.

— Я понимаю. Но мы обе прошли немало. Давай будем охранять сон друг друга этой ночью, а утром каждая пойдет своей дорогой.

Ты киваешь. Вы возвращаетесь на тропу и продолжаете восхождение, и усаги-ронин идет впереди. Ты стараешься не обращать внимания на звучащий в голове шепот, от которого остается привкус огня и серы, и щека горит, словно к ней только что прикоснулся раскаленный металл.

Миели, ты сглупила, произносит голос. *Миели, проснись.*

В рощице жалких низких сосен вы останавливаетесь на ночлег. Ты долго сидишь молча за скудным ужином из рисовых хлебцев.

— Не окажешь ли мне честь, позволив нести дозор первой? — спрашивает усаги-ронин, как только ты заканчиваешь есть.

Принять ее предложение означает признать собственную слабость, и ты качаешь головой. А может, она создание ведьмы, и послана, чтобы сбить тебя с пути? Говорят, что на склонах этой горы все в ее власти. Но и ты сама в ее глазах можешь быть точно такой же. Возможно, она оказывает тебе честь своим предложением. Вы долго смотрите друг на друга, но затем она отводит взгляд и готовит постель. Ты киваешь, кладешь катану на колени и смотришь на огонь, а она ложится спать.

Вокруг тебя шелестят ночные голоса горы. Крики птиц, шорох ветра и далекий вой других, более опасных существ сливаются в один голос, и он обращается к тебе.

Не доверяй ей, Миели. Она одна из них.

Ты отмахиваешься от него. Это наверняка голос баку, пожирателя снов, слуги Юки-онна.

Но у тебя в груди пустота, и тело спящего ронина каким-то образом заполняет ее. Пламя пляшет, словно стремительный и яркий веер гейши. Мелькающие тени рисуют перед тобой крылья бабочки. А может, это сердце.

Спустя некоторое время ты вдруг обнаруживаешь, что усаги-ронин сидит на своем коврике и смотрит на тебя.

— Ты выглядишь усталой, — говорит она. — Теперь твоя очередь отдыхать. Я разбужу тебя при первых признаках рассвета.

Ты ложишься и засыпаешь, глядя на нее.

Во сне к тебе приходит Юки-онна. Она выглядит совсем не так, как рассказывают легенды, но в них же говорится, что она способна принимать множество обличий. К тебе она является женщиной-гайдзин[7] в странной белой одежде, с золотисто-каштановыми волосами и с бриллиантовым ожерельем на шее.

— Миели, у меня мало времени, — говорит она. — Они пытаются меня отыскать. Не доверяй кролику. Это Царство зоку, игра. Если бы это был вир, я могла бы тебе помочь, но здесь я бессильна. Они пытаются тебя разыграть. Они создают условия, чтобы манипулировать тобой и добиться доверия. Мой брат Основатель у них этому научился. Не важно, что они тебе наговорят, это Большая Игра зоку. Во время Протокольной войны ты воевала против них за меня. Они этого не забыли. Ты должна выбраться из их Царства, как только сможешь, пока они меня не обнаружили.

Ее лицо становится суровым.

— Ты предала меня, но я тебя никогда не предавала. Я могла бы самоустраниться и оставить тебя им. Помни это. Помни.

Потом она растворяется, и продолжается сон. В пустоте летит гигантская бабочка. Проходит пронырливый человек с усмешкой Царя обезьян. Лихорадочные иллюзии, навеянные ведьмой.

Ты просыпаешься под взглядом усаги-ронин. Она предлагает тебе кружку с водой; костер уже погас, небо посветлело. Ты вздрагиваешь от холода, набираешь в рот тепловатой жидкости и смотришь на спутницу. Конечно, это ведьма горы обладает множеством лиц и обманов, а не женщина-ронин, которая так благородно сражалась с тобой плечом к плечу?

Сон оставил странный горьковатый привкус во рту. Как будто ты съела персик.

— Я приняла решение, — говоришь ты. — Мы вместе будем взбираться на гору.

Склон горы продувается всеми ветрами. Они приносят дождевые капли, жалящие, словно осколки стекла. Усаги-ронин разматывает с пояса шелковый шнур, и ты штурмуешь отвесную скалу в связке с ней. В одном месте камень осыпается под твоей ногой, и ты повисаешь над бездной на тонкой веревке. Усаги вытягивает тебя. Шелк режет ее ладони, но она не жалуется.

После восхождения в словах уже нет необходимости. Ваши судьбы теперь связаны между собой шелком и кровью.

По мере подъема ощущение чьего-то враждебного присутствия становится все сильнее; возможно, его поддерживает злобный ветер и неизменно угнетающий ландшафт. Громада горы вызывает страх и страстное желание взлететь. В голове не утихает шепот о том, что все твои действия обусловлены не волей, а Книгой Перемен, поворотом игральных кубиков, что вы с ронин ничего не способны достигнуть, что вы должны быть сломлены и повержены. Ты пытаешься игнорировать этот шепот, но заглушить его все труднее.

К полудню небо становится серым. Начинается сильная снежная буря, и вам приходится искать укрытие в руинах древнего синтоистского храма.

Налетает стая тэнгу. Птицелюди с черными крыльями, грубыми лицами, с носами-клювами и загнутыми железными мечами. У них пустотелые кости и легкие тела, и твои удары раскидывают их, словно тряпичных кукол. Но их много, и вам приходится отступать в глубину храма.

Пока усаги-ронин сдерживает их натиск, ты находишь свиток у ног статуи Будды, читаешь вслух священный текст, и его сила прогоняет тэнгу. Ронин ранена, коготь тэнгу прошелся по ее ребрам. Ты старательно перевязываешь ее, но теперь при ходьбе она опирается на свою нагинату.

Перед закатом вы взбираетесь на край кратера и видите дворец Юки-онна.

Люди говорят, что он меняет свои очертания и не похож ни на одну крепость, возведенную человеческими руками. Он впивается в дно кратера каменными когтями. Стены белые, как кость. Три стены, одна выше другой, покоятся на сером каменном основании. На стенах растут изломанные голые деревья, а на тебя смотрят темные щели бойниц. К стенам прилепились низкие сторожевые будки. Все это напоминает гнездо гигантской хищной птицы.

Железные входные ворота распахнуты, ждут тебя. Ты идешь по длинному коридору через первый двор, чувствуя себя совершенно беззащитной. Потом поднимаешься по узкой крутой лестнице, проходишь через маленький внутренний дворик и пустые башни. За тобой наблюдают лица, и тебе кажется, что в них ты узнаешь мертвых врагов.

Внутри третьего кольца стены стоит огромный дворец. Его охраняют темные самураи с заржавевшими мечами, но они пропускают тебя внутрь.

Тронный зал освещен бледно-голубым пламенем факелов. И вот, наконец, Юки-онна, белая, красивая и невероятно опасная. У

ее ног притулилась знакомая фигурка в шелковом платье. Ее лицо закрыто распущенными волосами, рядом на полу кучка зерен. Она пересчитывает их. При виде нее у тебя замирает сердце.

— Тебе не следовало сюда приходить, — холодно произносит Юки-онна.

Ты снова ощущаешь во рту привкус горечи.

— Я уступаю тебе эту честь, сестра, — говорит ронин. — Своей отвагой ты заслужила право забрать ее жизнь.

У тебя во рту что-то перекатывается: это косточка от персика, ее неровные края царапают язык.

Ты плавным движением обнажаешь катану и вонзаешь клинок в живот усаги-ронин. Свет в ее глазах меркнет, а в твоем сердце вспыхивает боль сожаления.

— Я пришла не для того, чтобы забрать ее жизнь, — говоришь ты, — я хочу предложить ей свой меч. Я хотела бы, чтобы тебя забрала гора, или я могла бы умереть за тебя, но теперь слишком поздно.

— Отличная работа, дитя мое, — отвечает ведьма. — А теперь подойди и получи свою награду.

По ее знаку фигурка медленно поднимается с пола. Ты бросаешься вперед и обнимаешь ее. Она шуршит в твоих руках. В ней нет ни плоти, ни костей.

Это кукла, сделанная из ткани.

Смех у Юки-онны резкий и холодный, и голубой, словно солнечный свет на снегу. Ты выпускаешь из рук куклу своей возлюбленной и падаешь на колени.

Катана с жадностью и без сопротивления входит в твое тело. К твоему удивлению, ее лезвие вовсе не холодное, а горячее. Раскаленный металл замирает чуть ниже сердца. Ты сжимаешь рукоять обеими руками и поворачиваешь клинок вверх.

Ведьма исчезает, и вместе с ней исчезает весь мир. А потом ты снова становишься Миели, дочерью Карху. Миели стоит на балконе, внизу тянется в туманную даль голубая лента канала. Лицо овевает теплый ласковый ветерок. А наверху простирается бескрайнее небо Сатурна, рассеченное надвое лезвием кольца.

Глава третья
СЫЩИК И СВЕТЛЯЧКИ

Король Марса может видеть все, но бывают моменты, когда он не хочет, чтобы видели его. Он идет по улицам Шагающего города Ублиетта невидимкой, под покровом гевулота. И, как обычно, Король опаздывает: на этот раз он не сразу смог ускользнуть от своих наставников-телохранителей. Небо над Марсом бледное, и яркое пятно за острыми зубьями кратера Эллада еще только предвещает появление Фобоса. И воздух холодный. В тени высоких зданий вдоль широких бульваров Края зажигаются жаровни, на тротуарах появляются желающие поужинать и выпить. Город мягко покачивается на ходу, и отдаленный гул его шагов успокаивает, словно размеренное сердцебиение. На поверхности все идет своим чередом.

Но Король — Исидор Ботреле — не верит в это. Он ощущает резкий и горький привкус страха, видит особую осторожность в походке людей, уже не доверяющих анонимности своего гевулота. Мимо рука об руку проходит улыбающаяся пара. Высокая женщина с красновато-смуглой кожей привлекает взгляд Исидора.

Он нечаянно задевает ее воспоминания и видит, как она, портниха Джеки, плакала навзрыд вместе с толпой, собравшейся на Устойчивом проспекте, наблюдая за гибелью Земли, мира, где она родилась.

Исидор встряхивает головой. Он способен слышать и помнить любой разговор, любую мысль в Ублиетте. Этот обоюдоострый дар достался ему от его отца-криптарха, искаженной копии Жана ле Фламбера, теперь заключенного в игле Тюрьмы и обреченного играть в бесконечную игру. Исидор может размышлять и дышать, лишь спрятавшись, но и тогда Ублиетт постоянно присутствует в его мыслях. Он понимает, как испуганы люди. В небесах появились гиганты, и мягкий свет уже не так успокаивает, как прежде.

Цель Исидора находится на южном краю города. Это маленький домик в обнесенном забором саду. Его круглые окна и янтарно-желтые бетонные стены выглядят довольно необычно, но их почти полностью скрывают сильно разросшиеся кусты белых мечевидных роз «Торис»[8].

У самых ворот его настигает фрагмент разделенных воспоминаний, словно навеянных ароматом роз, вызвавшим в

памяти строгий взгляд матери, Раймонды. Исидор вспоминает, что должен присутствовать на встрече с ней и другими наставниками — группой особых городских стражей порядка — и старейшинами зоку, чтобы обсудить проблему беженцев. Он вспоминает тщетные усилия орбитальных Спокойных, смятых потоком иммигрантов из Внутренней Системы. И Лоялистов — членов новой политической партии, которые настаивают на том, что Царство реально, а все, кто утверждает обратное, созданы зоку, и Исидор — только инструмент в их руках. Он вспоминает и о том, что мать намерена серьезно поговорить с ним и что он еще не настолько взрослый, чтобы не подвергаться порке.

Исидор вздыхает и сбрасывает воспоминание. В последние несколько месяцев заседания и обсуждения проходят постоянно. Он в них разочаровался: никаких решений не принимается, и каждый участник настаивает на своем. Ничего похожего на холодную красоту преступлений, головоломок или архитектуры. Теперь и это для него утрачено: он способен обнаружить самого хитроумного преступника, стоит только обратиться к воспоминаниям.

А вот в кват-послании Жана ле Фламбера, пришедшем три часа назад, содержится настоящая загадка.

Исидор посылает короткий вежливый фрагмент воспоминаний обитателю домика, подходит к двери и ждет. Его рука сжимает в кармане Часы вора.

Дверь открывает моложавый темнокожий мужчина. С первого взгляда его можно принять за собирателя Времени, который накапливает нематериальную валюту Ублиетта для продолжения жизни в теле Достойного, вместо того чтобы тратить ее на самоусовершенствование и предметы роскоши. Но у него гладкая блестящая кожа, что указывает на недавнее возвращение из состояния Спокойствия после прохождения через лабораторию Воскресителей.

— А, — произносит мужчина, Марсель Изольд, — Исидор Ботреле. Знаменитый детектив. Какая честь.

В его голосе звучит нотка иронии, а взгляд остается откровенно скучающим.

Исидор откашливается. Даже до недавних событий в нелегальных аналоговых изданиях Ублиетта его изображение появлялось довольно часто, а теперь и вовсе нельзя остаться неузнанным, если не пользоваться недопустимо плотным гевулотом.

— Я понимаю, время уже позднее, но нельзя ли…

Человек закрывает дверь. Исидор вздыхает, снова стучит и посылает очередной фрагмент воспоминаний. Дверь медленно

открывается.

— Извините, что приходится вас беспокоить, но я надеюсь на вашу помощь, хотелось бы получить некоторые ответы.

— Здесь нет никаких ответов. Только тишина.

— По своему опыту могу сказать, что именно в тишине чаще всего можно их отыскать.

В карих глазах Марселя вспыхивает искра любопытства.

— Отлично, — говорит он. — В таком случае, вам лучше войти.

Похоже, что раньше дом принадлежал художнику, но теперь помещение больше напоминает гробницу. Здесь стоят скульптуры, покрытые пыльной парусиной, рабочий стол, заваленный десятилетиями копившимся хламом, старыми моделями из клейтроника, эскизами и причудливыми объектами. Единственными предметами искусства, представленными должным образом, остались картины, к которым прикреплены небольшие фрагменты ускользающих воспоминаний. Они посылают Исидору вспышку информации о любви двух молодых людей.

— Все равно уже пора пропустить стаканчик, — произносит Марсель. — Могу я вам что-нибудь предложить? Похоже, вам не помешает выпить. Ничего удивительного, ведь вы так заняты улучшением этого мира.

— Вы так говорите, словно не одобряете этого.

— О, я думаю, ваши усилия достойны высших похвал, только они сейчас немного значат. Скоро всех нас проглотят, и надо наслаждаться оставшимся временем. Вот как сейчас.

Марсель открывает бар из красного дерева и достает бутылку коньяка и пару бокалов. Он до краев наполняет их темно-янтарной жидкостью и протягивает один бокал Исидору. В глубине комнаты слышится тихое журчанье арс нова[9].

— Это очень мрачная точка зрения, — отвечает Исидор. — Но я выпью за сохранение мира.

Марсель молча поднимает свой бокал и улыбается. Исидор вдыхает пары коньяка, начинает кашлять и делает маленький глоток. До сих пор он не пробовал избавиться от постоянного давления экзопамяти при помощи наркотиков. Кроме того, алкоголь делает его разговорчивым, а в данных обстоятельствах это может ему навредить.

— Это реалистическая точка зрения, — отзывается Марсель. — С тех пор как произошел Коллапс, мы играли незавидную роль. И я почти не удивился твоему открытию, узнав, что наше драгоценное Царство — это всего лишь задуманный зоку обман.

Да и теперь мы недалеко продвинулись. Мне кажется, мы всегда были игрушками, экспериментальными моделями в некоторой точке Омега[10], где выигрывает Соборность.

— Но Соборность не выиграла. Пока еще не выиграла. Вот потому я сюда и пришел.

— А. Идеализм. Геройство. Отлично. Чем же я могу помочь вам спасти мир?

— Сегодня утром один... один человек попросил моей помощи. Похоже, что информация о неком важном событии, произошедшем за пределами Ублиетта, утраченная во всех других архивах, сохранилась в экзопамяти. Я пытаюсь выяснить, есть ли там еще уникальные сведения, которых больше нигде не осталось.

— Понимаю.

Марсель задумчиво проводит по губам указательным пальцем.

— К вам нередко заходил Поль Сернин, не так ли? Он отдал вам Часы.

Слова вылетают быстрее, чем он успевает задуматься. Когда вор попросил о помощи, Исидор вставил еще один фрагмент в старую нерешенную головоломку. *Что обнаружил на Марсе Поль Сернин?* Этого не смог узнать даже сам вор, и Исидору очень хотелось бы увидеть лицо ле Фламбера, когда он даст ему ответ на этот вопрос.

Марсель со стуком ставит бокал на стол. Коньяк при марсианской гравитации лениво плещется по стенкам.

— Да. Да, он так и сделал. А потом забрал мое Время, забрал просто потому, что это доставляло ему удовольствие, потому что это было частью его плана. И он притворялся моим другом, потому что ему было удобно.

Исидор вздыхает. ле Фламбер — в облике человека по имени Поль Сернин — двадцать лет назад спрятал что-то в воспоминаниях своих друзей, а недавно вернулся, чтобы забрать это. В результате девять человек были преждевременно отправлены в загробную жизнь Ублиетта, и Раймонде с Исидором стоило больших трудов убедить Воскресителей позволить им вернуться.

— Советую быть осторожным, когда разговор заходит о Поле Сернине, — произносит Марсель, прищурившись. — Раньше я этого не замечал, но вы похожи на него. Только не говорите, что это очередной эпизод его игры.

— Нет, я могу дать слово, что это не так, — отвечает Исидор. — Совсем наоборот. Я пытаюсь понять, почему он это сделал. Мне важно знать, почему он к вам приходил. Может, хотел получить

доступ к воспоминаниям вашего друга?

— Совенка? А он-то какое к этому имеет отношение?

— Вот это я и пытаюсь выяснить. Прошу вас, это очень важно. Не только для меня, но и для всего Марса.

— Понимаю. — Марсель проводит рукой по выбритой голове. — Думаю, это возможно. Я не давал ему разрешения, но он действительно оставил мне эти проклятые Часы. Наставник говорил, что он каким-то образом умудрился спрятать что-то и в моих воспоминаниях. А с Совенком мы делились абсолютно всем, у него не было от меня секретов. Так что Поль Сернин мог добраться до воспоминаний Совенка через мой гевулот. Но что ему это давало, мне непонятно.

Исидор глубоко вздыхает.

— С вашего разрешения, я хотел бы на них взглянуть. Я имею в виду воспоминания. В особенности касающиеся той ночи, когда произошла Вспышка. Я хочу понять, зачем вернулся сюда человек, которого вы называете Полем Сернином, что он здесь искал. Существует какая-то связь, я чувствую ее, и она затрагивает гражданскую войну Соборности, Вспышку и то, что произошло с Землей. Если мы хотим, чтобы Марс выжил, мы должны в этом разобраться.

— Гм. — Марсель невесело усмехается. — И вы считаете, дело того стоит? Спасать мир, даже если он построен на обмане?

— Да, стоит, — отвечает Исидор. — Не все иллюзии несут зло. Иногда они просто необходимы. Меня научил этому мой отец — мой приемный отец.

Марсель долго смотрит на Исидора, потом поднимает бокал.

— Хорошо. Проходите и познакомьтесь с моим возлюбленным. Его зовут Совенок.

Совенок, окутанный лечебной ценой, сидит у окна и смотрит наружу. В комнате стоят свежие цветы, а ароматизированные свечи испускают слабый запах лаванды. Это определенно самое чистое помещение в доме. Из окна открывается вид на марсианскую пустыню. Город проходит через кратер Эллада и оставляет за собой длинные щупальца оранжевой пыли.

Из горла Совенка вырываются гулкие металлические звуки, словно кто-то щелкает ногтем по жестяной банке. Тело Достойного сохранило свою молодость, но у него лицо немощного старика, и челюсть немного отвисла. В глазах пустота. И гевулот вокруг него разорванный, как клочья тумана.

Марсель целует его в щеку.

— Как я понимаю, вам известно его состояние?

— Я получил некоторые сведения. Изменения в его мозгу,

произошедшие в момент Вспышки, непонятны Воскресителям: в микроканальцах остался квантовый конденсат, наводящий на мысли о древних теориях сознания, но это искусственно вызванное явление. Его нельзя перевести в состояние Спокойствия, поскольку конденсат может разрушиться, и Воскресители не в силах предсказать, к чему это приведет.

— Он такой уже двадцать лет. — Марсель вздыхает. — Я живу надеждой. Квантовое состояние не может быть вечным. Возможно, он еще выкарабкается, а я подожду. И я живу скромно, чтобы растянуть свои дни.

— Вы ведь знаете, мы пытаемся изменить ход вещей, — говорит Исидор. — Возможно, ему сумеют помочь зоку. Я мог бы поговорить с...

Марсель печально улыбается.

— Я больше не могу доверять богам, — отвечает он. — Прошу вас, делайте то, зачем пришли. Ему скоро ложиться спать.

Исидор кивает, крепко сжимает Часы вора и извлекает из своего сознания Ключ, который открывает все двери памяти.

Экзопамять Совенка проходит перед ним, но Исидор оставляет без внимания большую часть воспоминаний и сосредоточивается лишь на полете на планере над Лабиринтом Ночи. На времени Вспышки.

И вот он вспоминает, как пролетает над каньоном Ио и смеется над страхами Марселя.

Совенок считает, что Марсель порой ведет себя совсем как *девчонка*. Чтобы его успокоить, он поднимает планер выше, и они любуются звездами. Прекрасная ночь. Иногда он не может понять Марселя, его одержимости работой и его стремления остаться в одиночестве. Но в ночном небе кажется, что им суждено всегда быть вместе.

И конечно же, именно этот момент Марсель выбирает для своей новости.

— Я подумывал о том, чтобы уехать, — говорит Марсель.

— Хочешь уехать? — переспрашивает Совенок. Где-то глубоко-глубоко в его груди Исидор чувствует укол разочарования. — И куда бы ты направился?

Марсель разводит руками.

— Не знаю. Куда-нибудь. — Он прижимает ладонь к гладкой, прозрачной стенке планера. — Тебе не кажется, что глупо придерживаться здешнего цикла? Здесь все какое-то нереальное.

Совенок начинает злиться. *Что же я для него? Часть глупого цикла? Временное развлечение перед более важными и большими делами?* Он позволяет себе выплеснуть раздражение в словах.

— Разве не в этом заключается твоя работа? Ощущать нереальное?

— Нет, — отвечает Марсель. — Я делаю нереальные вещи реальными и реальные вещи более реальными. И там это было бы проще. У зоку имеются устройства, обращающие идеи в предметы. Соборность утверждает, что зоку намерены сохранять все когда-либо возникающие мысли. А здесь...

Вот оно, думает Исидор, переходя к собственной сущности. За время своего царствования он научился сохранять струи личных мыслей в потоках чужих воспоминаний. Он просматривает застывшие мысли Совенка одну за другой. *Не из-за этого ли Марсель так привязан к Совенку? Не из-за того ли, что перед самой катастрофой сказал о своем намерении уехать?*

Время в воспоминаниях замедляет свой ход. Пальцы Марселя прижаты к стеклу. Между ними мерцает яркий ореол Юпитера. И вот следующее воспоминание, внезапный разрыв, словно клинком рассекающий нить мыслей Совенка.

Марсель порой ведет себя совсем как девчонка. Юпитер сияет между его пальцами. Внезапный разрыв...

Исидор вспоминает воспоминания, он погружается в память о памяти, словно в затягивающий бесконечный зеркальный тоннель. Пальцы Марселя движутся все медленнее и медленнее. Время вязкое и холодное, как будто он плывет против ледяного течения.

Ну конечно. Вор должен был оставить ловушку для любого, кто попытался бы его выследить. Провал в памяти, уводящий в бесконечность.

Но Исидор не обычный преследователь. Он воплощает все. Он Король Марса, и в экзопамяти для него нет секретов.

Он сопротивляется течению потока, снова прибегает к помощи Ключа и неохотно решается воспользоваться его *другой* функцией: доступом к потайным входам памяти, позволяющим редактировать и искажать воспоминания. Ключ раскаленным лучом прикасается к ловушке и расплавляет ее. Время устремляется вперед, словно свора спущенных собак. Юпитер взрывается под рукой Марселя и превращает его пальцы в красные пылающие колонны. Перед глазами Совенка дождем осыпаются звезды. А потом к Исидору обращаются квантовые боги.

Первый голос явно принадлежит ребенку. И Исидору кажется, будто кто-то осторожно держит его за руку двумя пальчиками.

Ты живешь на острове под названием каузальность, произносит голос. *Это маленькое местечко, где результат следует*

за причиной, словно поезд по рельсам. Ты идешь вперед по отпечаткам ног бога на берегу. Зачем это делать, если можно сразу броситься в волны и разбрызгать воду?

Смех. Он ощущает радость от разлетающихся в стороны сверкающих на солнце брызг, пальцы ног зарываются в песчаное дно, и он сознает, что может подпрыгнуть и плюхнуться в воду только ради того, чтобы поднять еще больше брызг.

Каузальность. Это линза, сквозь которую мы смотрим на вещи. Расстановка событий. В квантовом пространстве-времени она не однозначна. Сюжет, события, следующие одно за другим. Зов приключений, путешествий и загробной жизни. Перерождение. Примирение.

Нет, не так. Это только один путь возможного развития.

Слушай. Мы все объясним.

Другой голос, голос взрослого мужчины, похожий на голос матери Пиксил по сцепленности, на голос Старейшей, с тем же оттенком древней усталости.

Эту идею уже разрабатывали в двадцатом столетии, думали, что пространство-время поддается исчислению. Испытывали ее в последние дни Большого адронного коллайдера, когда научились получать крошечные черные дыры. Расчеты основываются на горизонте событий черных дыр, а потом они сталкиваются друг с другом и исследуется информационный парадокс, чтобы определить, что сильнее: квантовая гравитация или машина Тьюринга и ее квантовые варианты. Достойное задание для мощного БАКа, еще не остывшего после обнаружения первых бозонов Хиггса.

Проносится череда картин, изображения грифельных досок и огромных гудящих в тоннеле машин, расстроенные лица перед экранами. Это разочарование, когда две части не подходят друг к другу, когда не устанавливается взаимосвязь, Исидору хорошо знакомо.

В ярких вспышках столкновений никто не подозревал ничего плохого. Поначалу исходящий поток казался сплошным шумом. Потребовалось множество экспериментов, но результат был очевиден. Ответы содержатся здесь, но они закодированы. Пространство-время — не просто компьютер, это надежный квантовый компьютер. И для работы с ним требуется ключ, способный открыть замки шкалы Планка.

Возникло убеждение, что есть другой закон природы, другой предел времени, другой Второй закон термодинамики. Идея была забыта на долгие времена. До тех пор, пока не родились мы.

Кто мы такие и как возникли?

Это звучит третий голос, мягкий и согревающий, как коньяк

Марселя. Он приносит Исидору ощущение безопасности.

Мы Каминари: светлячки, недолговечные, летящие на огонь.

Когда наступил Коллапс и больше никто не мог жить на Земле, мы позаботились о себе. Мы погрузили свои материальные тела в грузовые отсеки разрабатывающих астероиды кораблей, наспех оборудовали их системами жизнеобеспечения, свой разум и ранние камни — грубые ионные ловушки и алмазы, удерживающие медленный свет, — прикрепили к ракетам и запустили их к Юпитеру и Сатурну. В то время, когда мир вокруг нас рушился, они уносились ввысь, словно светящиеся Кал-Элы[11].

И вот тогда началось настоящее приключение.

Мы росли, разделялись и множились. Мы создавали камни, чтобы хранить в них то, что нас определяло, — наши отношения друг с другом, то, что невозмошю копировать, а можно только подарить или похитить. Мы строили Царства, в которых можно было играть. Мы окутывали интеллектуальной материей целые планеты. Мы вели войны с Соборностью. Мы создавали маленькие светила, чтобы согреть оортианцев.

А теперь мы состарились. Игра в Каминари утратила свою увлекательность. Но замки Планка остались и продолжают возбуждать наше любопытство. Нам кажется, мы знаем, что скрывается за ними.

Голоса сливаются в хор и звучат одновременно.

Время творения. Бескрайнее залитое солнцем море.

Мы выполнили большую часть работы. Мы нашли решение в самом неожиданном явлении: в Коллапсе, в нашем собственном зарождении. Начало скрыто внутри конца.

И нам нужна твоя помощь, чтобы воплотить его в реальности.

Если ты согласен покинуть свой островок, протяни нам руку. Прими нашу сцепленность. Объедини свою волю с нашей.

Так мы сможем стать тобой. Так мы все сможем выйти в море.

Перед Исидором появляются три освещенные фигуры. Они протягивают к нему руки, и в их ладонях сияют звезды. Он открывает им свои объятия и принимает предлагаемый ими свет. Его пальцы переплетаются с пальцами незнакомцев, и вот он уже не один, а множество, он узелок в паутине света, охватывающей всю Систему, он часть чего-то непонятного, но может прикоснуться к этому через свет Юпитера, мерцающий в пальцах Марселя.

Миллиарды разумов принимают предложение Каминари, и ткань сцепленности ширится со скоростью света, простирается от Марса до Земли и Сатурна и еще дальше. Исидор не понимает,

как это происходит, но на Юпитере яркость света преобразуется в ключ, и он входит в замок.

Нет. Остановись, кричит хор Каминари. Исидор и сам чувствует: что-то не так. Одна из нитей ткани внезапно натягивается, словно аркан. Ловушка. Предательство.

Ткань распадается и занимается огнем. Далеко-далеко Каминари пытаются его остановить. Но для Исидора-Совенка слишком поздно. Свет поглощает его, и Юпитер умирает.

Исидор открывает глаза и моргает от света, но это всего лишь Фобос сияет ему в лицо. Он достиг зенита в своем кратковременном странствии по небу, и золотистые лучи освещают пыльные складки кратера Эллада. Исидор снова в комнате Совенка. Тайна Вспышки проносится в его мыслях, подобно отраженной лавине, отдельные фрагменты складываются в нечто большее, чего он не мог себе даже представить.

Он поспешно вынимает кват-передатчик и посылает вору интенсивную мысль.

Жан, ты себе представить не можешь, что я обнаружил!

Приложением к квату он вставляет фрагмент воспоминания о Каминари.

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен это увидеть.

Связь обрывается. Что-то случилось. В комнате слишком тихо. В воздухе веет озоном. Марсель неподвижно стоит рядом, широко распахнув глаза, приоткрыв рот.

И Исидор утрачивает связь с экзопамятью.

Гнетущая тишина настолько его поражает, что Исидор не сразу замечает присутствие четвертого человека — или, скорее, иллюзии человека — это черная безликая тень, на которую не падает свет. Над левым плечом парит серебряное ку-ружье зоку, похожее на ракету. Узкий конец угрожающе мерцает и следует за каждым движением Исидора.

— Прошу прощения за причиненные неудобства, — произносит тень. Голос можно принять за голос мужчины, но в нем слышится металл и какие-то помехи. — Я правильно это произнес?

Исидор мысленно производит подсчеты. Он не может точно определить, сколько прошло времени — возможно, всего несколько минут, — но ночному телохранителю, Футуристу, потребуется ненамного больше, чтобы его обнаружить. Он снова обращается к экзопамяти, пытаясь отправить сообщение, но обнаруживает пустоту — точно такое же ощущение было во время посещения колонии зоку в Пыльном районе.

— Надо было оставить все как есть, — говорит тень. — Но сейчас еще не поздно все исправить. Отдай мне Ключ Криптарха, и я помогу тебе забыть.

— Почему?

— То, что ты обнаружил, представляет опасность. Для всех нас будет лучше, если я сотру это и из экзопамяти, и из твоей головы.

— Ты опоздал. Я только что отправил сообщение.

— Ага. Ладно. Мне доложили, что в этом направлении уже ведется работа. В любом случае это потребует отдельной оплаты. Но тебя это не касается. Я очень прошу, отдай ключ от экзопамяти. Я знаю, что тебе он все равно не доставляет радости.

— Ключ не принадлежит мне, и я не могу его отдать, — отвечает Исидор. *Надо выиграть время.* — О Ключе знают лишь немногие. Ты ведь из зоку Пиксил, не так ли?

— И да, и нет. У нас есть агенты во всех сообществах зоку.

— Но почему ты это делаешь?

Тень беспокойно шевелит руками.

— Потому что мы должны защищать тебя. Мы сохраняем стабильность. Мы сохраняем неизменность положения вещей.

Исидор пристально всматривается в тень.

— Это ведь вы, кем бы вы ни были. Это вы вызвали Вспышку. Вы помешали Каминари. И уничтожили Юпитер. Вы разрушили разум этого несчастного человека. И с тех пор вы заметаете следы. Зачем вам понадобилось искажать информацию об атаке Чена на Землю? Кто вы?

— Это неважно. Послушай, Исидор, если ты не согласишься добровольно, придется принять более решительные меры. Если мы не сможем изменить экзопамять, нам придется... уничтожить ее. Ситуация в Системе слишком неустойчива, и нельзя рисковать, позволяя найденной тобой информации попасть в чужие руки. Прошу тебя, всего несколько изменений ради всеобщего блага. Ты даже ничего не почувствуешь.

— Нет. — Исидора вдруг охватывает искренняя ярость. — Криптарх при содействии зоку долго нас обманывал. Больше мы этого не допустим.

— Ты не понимаешь. — Металлический голос тени звенит отчаянием. Ку-ружье светится все ярче. — Ты же понимаешь, я не хочу этого делать, но у меня нет выбора, я должен подчиняться волеизъявлению зоку. Я достану Ключ из твоего разума, Исидор. И постараюсь сделать это безболезненно.

— Пиксил говорила, что у вас всегда есть выбор, что вы всегда можете уйти.

Тень вздыхает.

— Она еще слишком молода и недостаточно сцеплена. Она все поймет. Исидор, ты напрасно пытаешься меня отвлечь. Твои наставники не успеют вовремя. Это ведь мы оснастили их технологическими устройствами, помнишь? Я могу контролировать их восприятие. А потом и их память тоже будет отредактирована.

Исидор на мгновение прикрывает глаза. Еще один фрагмент головоломки встает на место.

— Ты один из старейшин. Ты Сейджвин.

Тень расплывается, и на ее месте возникает истинный облик зоку — вихревая мандата фоглетов и драгоценных камней с лицом Сейджвина в центре, еще прикрытым съехавшей набок остроухой маской.

— Вот еще одна вещь, которую тебе придется забыть, — говорит он.

Исидор вынимает из кармана Часы вора. Они кажутся тяжелыми и холодят руку.

— Подожди.

— Ты не сможешь спрятаться в Спокойствии, Исидор, — произносит Сейджвин. — Я блокировал доступ к экзопамяти. Просто закрой глаза. Все скоро закончится.

— Это не мои Часы, — говорит Исидор. — Но Джастин Часовщик модифицировал их для меня. Мы, жители Ублиетта, не можем похвастаться достижениями зоку или Соборности, но и у нас есть свои умельцы. Я давно знал, что рано или поздно кто-нибудь придет ко мне за Ключом Криптарха, и потому принял меры предосторожности. — Внутри у него все сжалось, рука дрожит, но он выдерживает проницательный взгляд зоку. — Сюда встроен триггер Маха-Цендера, соединенный с моим мозгом. И микрограмм антиматерии. Этого достаточно, чтобы уничтожить нас обоих. И, безусловно, уничтожить сам Ключ.

Сейджвин принимает облик, в котором был во время их первой встречи, — грузный мужчина в голубой блузе с потрепанным подолом. Он понуро опускает плечи, выглядит уставшим и источает запах застарелого пота.

— Я предполагал нечто в этом роде. Ты мне нравишься, Исидор. Я всех вас люблю. Я хотел дать вам шанс.

— Мы вас остановим, — говорит Исидор. — Что бы вы ни задумали, у вас ничего не выйдет.

Сейджвин вздыхает, сцепляет руки за спиной и покачивается взад и вперед.

— И мы уже сделали это тридцать пять минут назад.

Старейшина зоку грустно улыбается.

— Я давно хотел сказать. — Он оборачивается и смотрит в

небо. — В этом наверняка будут обвинять Соборность. И это тоже часть игры. Все подчинено цели.

Яркий белый свет снаружи резко обрисовывает силуэт Сейджвина. Тишина обрывается, Исидор снова ощущает поток экзопамяти. Через тысячи глаз он видит, как Фобос по неожиданно крутой дуге опускается за кратер Эллада. На горизонте поднимается белый столб. Все вздрагивает. Город спотыкается. Последнее, что видит Исидор, это Марсель, сжимающий плечо Совенка. Его печальный взгляд словно говорит, что Марсель обо всем догадывался с самого начала.

Исидор обращается к экзопамяти. Его мать в образе Джентльмена парит над крышами Ублиетта. Пиксил идет по агоре Устойчивого проспекта вместе со своей подругой Синдрой. Приемный отец Исидора, Спокойный, трудясь у подножия города, обращает взор на недостроенную стену, над которой все ярче разгорается свет. Слова не нужны. На мгновение их разумы соединяются, как части головоломки. Ярость Пиксил с мечом в руках, напрасная попытка Раймонды выстроить щит из фоглетов вокруг города, спокойствие отца, помещающего последний риголитовый кирпич на вершину стены, и Исидор перестает чувствовать себя одиноким в этом водовороте страха.

Как только он стирает последний фрагмент гевулота между собой и своими близкими, их мужество и любовь наполняют его, и неожиданно он/они понимают, что нужно сделать.

Ключ Криптарха поворачивается во всех замках разума в Ублиетте. Границы памяти исчезают, как будто их никогда и не было. Все гевулоты спадают. Все секреты раскрываются. Все воспоминания объединяются. Столетия, тысячелетия жизни сливаются в один миг.

По мере того как сингулярность Фобоса поглощает планету и все больше раскаляется, коллективный разум Ублиетта раскрывает миллионы глаз и без страха смотрит вперед.

Глава четвертая
ВОР И ГАНКЛУБ

Незадолго до того, как Япет поворачивает на юг, мы со старейшиной Ганклуба Барбикеном[12] наблюдаем, как дети зоку играют в глобальную термоядерную войну.

Мы пьем темный чай в отделанном красным деревом купе салон-вагона в сверкающем медью и бронзой скайтрейне Ганклуба зоку. Поезд плавно скользит по золотистой дуге клубного орбитального кольца вокруг Япета, и его скорости хватает, чтобы обеспечить добрую половину *g* искусственной силы притяжения. За круглыми иллюминаторами открывается великолепный вид на поверхность сатурнианского спутника. Сейчас мы над областью Кассини, красновато-коричневым родимым пятном на белоснежной ледяной равнине. Это пятно делает спутник похожим на гигантский символ инь-ян. А внутри кратера Торжис, составляющего пятьсот километров в диаметре, виднеется миниатюрная Земля. Контуры континентов на зелено-голубом диске обведены серебристыми линиями.

— Они называют это реконструкцией общества холодной войны, — раскатистым басом произносит Барбикен.

Широким жестом блестящего фрактального отростка руки-манипулятора он показывает на картину за окном. Манипулятор тихонько звякает о стекло.

Янтарный хоровод драгоценных камней зоку вокруг его цилиндра, напоминающий Солнечную систему в миниатюре, придает Барбикену сходство с меланхоличным святым. В отличие от большинства зоку его сообщества, в основном теле старейшины еще остались биологические компоненты. У Барбикена голова пятидесятилетнего мужчины с внушительными рыжими бакенбардами, выдающимся носом и пронзительными голубыми глазами. Но все остальное создано искусственным путем: округлый чугунный торс, разветвляющаяся рука-манипулятор и более массивная конечность-оружие. Вместо ног у него латунные цилиндры — выхлопные каналы небольших ионных двигателей. От Барбикена исходит слабый запах машинного масла, полировочной пасты и лосьона после бритья.

— Для меня это слишком ново, дорогой Рауль, слишком ново! Но я аплодирую их энтузиазму. Они даже боеголовки сделали своими руками, на старинный манер. Синхротроны и плутоний! Ах!

Барбикен выражает свое удовольствие негромким рокотом.

Честно говоря, на этот раз им немного помогли. Я улыбаюсь, вспоминая, как в своем нынешнем облике Рауля д'Андрези[13], эмигранта и продавца антиквариата с Цереры, торговался с юнцами-зоку несколько дней назад. Дайте детям спички, и они начнут зажигать костры. Ничего не меняется.

Серебряное кольцо, проходящее вдоль крутого края кратера, есть не что иное, как Магический Круг зоку, означающий границу игровой площадки и внутренних законов реальности. На темном континенте Северной Америки булавочными головками светятся крупные города. На нем то и дело возникают слепящие вспышки водородных бомб.

— Восхитительно, — говорю я, когда Восточное побережье рассыпается искрами ядерных взрывов.

Ответная реакция не заставляет себя ждать. Белые параболические дуги баллистических ракет костлявыми пальцами протягиваются к Москве и Ленинграду.

Внезапно в голове возникает вопрос: а что увидели в Ублиетте, когда начался огненный дождь?

Может, это дело рук Соборности, как утверждают появившиеся в Системе слухи. Или Жозефина пытается замести следы. А может, чены не желают активного присутствия зоку вблизи Внутренней Системы теперь, когда не стало Земли, служившей буфером. Или это василевы и сянь-ку не хотят ни с кем делиться разумами Ублиетта, за которыми они охотятся долгие годы.

Хотелось бы надеяться, что хоть одно из этих предположений верное. Тогда сохранилась бы вероятность, что граждане Ублиетта выживут, хотя бы в качестве гоголов. Но в глубине души я знаю, что все гораздо хуже.

Я же говорил ему не вмешиваться. Я говорил.

Марс погиб, а вместе с ним почти все, кого я мог называть друзьями, любимыми или партнерами. Раймонда. Исаак. Джилбертина. Сюэсюэ. Глупый, гениальный Исидор. И то, что осталось от моей второй сущности,

Жан ле Руа и его Тюрьма. Спокойные и фобои. Все погибло.

Они никогда не были твоими. Они принадлежали другому Жану, тому, кто их предал, тому, кто их бросил. Ты не должен по ним тосковать.

«Перхонен» была права, называя меня прекрасным лжецом. Но самые блестящие обманы я оставил для себя: они превосходно состряпаны, несокрушимы и сверкают, как камни зоку.

В глазах щиплет. Я непроизвольно потираю переносицу и замечаю пристальный взгляд Барбикена.

— Рауль? Не хочешь еще чаю?

Я улыбаюсь и мысленно даю себе подзатыльник. Нельзя расслабляться. Барбикен не просто стимпанковский киборг, а *играющий* в него сверхчеловек с квантовым разумом. Для зоку, конечно, это почти одно и то же. Для них все сводится к игре. Запах табака в салоне, столы и стулья из красного дерева, сделанные из револьверов канделябры с газовыми фонарями, лимонный привкус чая лапсанг сушонг — все это определяется Кругом поезда, все это игра, в которой мы, как цивилизованные джентльмены, беседуем в клубной гостиной девятнадцатого века.

— Нет, спасибо. Я просто подумал, что вы рано начинаете приучать их к ремеслу.

Барбикен вздыхает.

— Таково волеизъявление зоку, дорогой мой, ему невозможно противиться. Мы все созданы ради какой-то цели. Ну, конечно, за исключением нас, стариков. Молодежь так быстро подрастает, что я рядом с ними чувствую себя совсем древним! Завтра они начнут строить Царства и Круги и изобретать оружие, которого я и вообразить себе не могу. — Он хмурится. — Но, думаю, лучше уж так.

— Но ты не считаешь себя приверженцем культуры атомпанков?

— Ха! Конечно, нет! В неконтролируемых ядерных взрывах нет ничего прекрасного! С другой стороны, в твоем случае...

Ну, вот мы и дошли до дела. Я с трудом подавляю вздох облегчения. Барбикен любит поговорить, и за прошедший час я узнал об оружии намного больше, чем хотелось бы, — тем более после практических уроков, преподанных мне Соборностью в тюрьме «Дилемма». Но теперь мне ясно, что он не прочь купить то, что я продаю.

— Насколько я понимаю, предложение тебя заинтересовало?

— Рауль, ты же прекрасно знаешь, что я не могу пройти мимо подлинной пули Вана, выпущенной из пушки Верна зарядом в сто пятьдесят килотонн.

— Это я могу лично гарантировать.

— Грандиозно!

— Что ж, остается еще один небольшой вопрос относительно цены...

Я ставлю чашку и складываю руки на груди.

Он приподнимает брови.

— Ну, нам надо узнать, что думает по этому поводу Клуб. — Его глаза озорно поблескивают. — Ты позволишь мне отлучиться на минутку?

Я вежливо наклоняю голову. Вокруг нас на полу появляется

серебристая граница Круга. Барбикен вскакивает со своего места и пересекает ее: его внешность незначительно меняется. Затем он поднимает разветвленный манипулятор. Рука превращается в золотое дерево, и его веточки легко касаются нескольких драгоценных камней венца, передавая предложение на обсуждение зоку.

Я почти уверен, что все это лишь показуха. Барбикен — старейшина, он достиг высочайшего уровня в своем сообществе действиями, в наибольшей степени отвечающими целям и желаниям зоку, — в данном случае, конструируя наилучшее оружие и взрывающиеся устройства. Он без труда мог бы воспользоваться сцепленностью с остальными зоку, чтобы получить запрошенную мной незначительную плату: драгоценный камень зоку для сообщества в Супра, достаточно мощный, чтобы я смог создать собственный Круг в одном из самых фешенебельных районов сатурнианской столицы.

Вот только Барбикену неизвестно, что на самом деле ставки значительно выше.

Через несколько секунд он с улыбкой возвращается на свое место.

— Все отлично! Оболочка переправлена в Арсенал. А теперь выпьем, чтобы отметить эту сделку. Что-нибудь покрепче чая! Ты не возражаешь против...

В противоположном углу комнаты вспыхивают Врата Царства — светящийся голубой круг два метра диметром. Его появление сопровождается хлопком сжатого воздуха и легким запахом озона. Сквозь портал проходит зоку в своем истинном обличье: мерцающее облако утилитарного тумана, а в центре — надменное лицо, окруженное сверкающими камнями. Вновь прибывший вступает в Круг, и сразу же активируется ограничитель Шредера. Раздается шипение остывающих фоглетов, туман кристаллизуется сначала в статую, а затем в живую высокую женщину. Еще до полного появления она устремляется к Барбикену, распространяя вокруг себя напоенный сосновым ароматом ветерок.

— Во имя Верна, что ты творишь?! — восклицает она.

Это рыжеватая блондинка в довольно упрощенном варианте летной формы: короткий желтовато-коричневый китель оставляет открытым большую часть живота, на ногах грубые ботинки, а дополнением к костюму служат форменная фуражка, офицерский шарф и очки как у летчика-истребителя. Темные брови подчеркивают холодную красоту треугольного лица, алые губы сжимаются в тонкую линию.

— Что я творю? Что я творю? Добываю ценный исторический

артефакт! — Барбикен недоверчиво осматривает женщину. — Чехова, дорогая моя, это не по правилам! Ты оскорбляешь нашего гостя! Рауль — настоящий джентльмен!

— Я знаю, кто он, старейшина, — отвечает Чехова. — Вопрос в том, знаешь ли это ты?

В Рауля д'Андрези я преобразился субъективную неделю назад, в вире «Шкафа», за четыре дня до того, как «Боб Говард» прибыл на Сатурн.

Я сижу за нашим обычным столом, передо мной парит мыслезеркало — стеклянный диск, который на самом деле является виром, подключенным к моему дорсальному потоку. Лицо слегка седеющего мужчины с тонкими бровями, впалыми висками и глазами Петера Лорре постепенно сменяется обликом смуглого, более молодого и грубоватого человека. Одной смены лица, конечно же, недостаточно — мои миньоны уже выкладывают тщательно проработанную информацию, так что это только начало.

— Что ты делаешь? — спрашивает Матчек.

Я отвечаю сердитым взглядом. Чистка вира заняла у меня немало времени. Пока я отсутствовал, Матчек дотошно воспроизвел просторы Нарнии, при этом почти до предела истощив скудные технические ресурсы «Шкафа». Несколько драгоценных часов ушло на то, чтобы убрать острова, населенные одноногими людьми, и выловить кентавров и говорящих мышей с ружьями. Даже сейчас я не до конца уверен, что уничтожил их всех, а тем более не могу понять, как мальчишке удалось их создать. Хотя, если учесть, что его будущая сущность станет архитектором основания Соборности, не стоит удивляться его способности взламывать вир, выстроенный с помощью древней аппаратуры корабля. Кроме того, я подозреваю, что он получил помощь от Ауна.

Я сделал все возможное, чтобы поместить его в «песочницу», в изолированную систему, и с тех пор он молча дуется, глядя на голубой пейзаж за виртуальным окном, на всевозможные разноцветные коралловые рифы, выросшие в невесомости, и проплывающих между ними смуглых гуманоидов с рыбьими хвостами, оставляющих за собой серебристые пузырьки. Пуля Вана вместе со «Шкафом» надежно укрыты в наполненной водой утробе «Мести полосатика», корабля китоморфов, направляющегося к Япету.

— Я готовлюсь стать другим, — говорю я несколько строже, чем намеревался, но, похоже, Матчек не обращает на это внимания.

— Зачем?

Я провожу пальцами по поверхности зеркала. Мои мысли становятся такими же ровными и гладкими. После кват-сообщения Исидора мне пришлось прибегнуть к метасущности, чтобы успокоиться. Я даже не смог расшифровать прикрепленную к последнему посланию информацию: она представляла собой такую квантовую путаницу, что аппаратура корабля оказалась бессильна.

— Каждому иногда приходится это проделывать.

Где-то в глубине души я отчаянно хочу напиться. Я хочу заорать. Хочу разбить зеркало на миллион осколков. Разнести этот вир до самого основания. И у меня болит голова.

— А я не хочу, — отзывается Матчек. — Мне нравится быть самим собой.

— Даже когда ты играешь в войну с Зеленым Солдатом? — негромко спрашиваю я. — Или когда хотел стать Безмолвием?

— Ну, это просто притворство.

— Вот и у меня то же самое. Только надо хорошенько притвориться.

Я слегка поправляю форму носа. Мы уже встречались с Барбикеном, так что надо тщательно позаботиться о своей внешности и придерживаться образа, чтобы избежать внутреннего конфликта.

— А кем ты собираешься стать? — спрашивает Матчек.

Я даю команду виру изменить мою мыслеформу. Плечи становятся шире, появляется военная выправка, кожа темнеет, я облачаюсь в эффектный костюм с жилетом и золотыми цепочками. Облик Рауля я принимаю с удовольствием. В прошлом я не раз использовал этот образ на Марсе.

Матчек изумленно хлопает глазами.

— Это Рауль д'Андрези, — изменившимся голосом говорю я. — Торговец антиквариатом.

Внезапно я ощущаю непрошеный запах дерева. «Дыхание Тадеуша». Первый бокал вина, выпитого в обществе Раймонды. *Черт бы побрал эти старые виры. Они не настолько детализированы, чтобы по-настоящему напиться, одни только воспоминания.*

Я качаю головой. *Притворяйся старательнее, Жан.*

— Он выглядит *скучным*, — замечает Матчек. — Зачем тебе понадобилось превращаться в него?

— В этом и состоит смысл. Он должен внушать доверие. Казаться немного уставшим. Опытным. Компетентным. Тем, кто много повидал. Тем, кто достаточно утомлен и стремится к спокойной жизни, и ради этого готов немного отступить от

правил.

— Это и *есть* скучный. Но мне понравилось, как ты изменялся. Покажи, как это делается.

— Нет. Я считаю, ты уже достаточно поиграл с виром.

Я восстанавливаю свою обычную мыслеформу и кладу зеркало на стол.

— Почему бы тебе...

Я умолкаю, не в силах придумать какое-то занятие для мальчика.

— Здесь скучно. Ты скучный. Люди-рыбы скучные. Я тоже хочу изменяться.

— Я же сказал, что это не...

— А я хочу, хочу, хочу!

По ткани вира пробегает рябь. Матчек начинает изменяться. Черты его лица плавно перетекают в новую форму — первый облик в зеркале, карикатуру на меня.

— Смотри! — радостно кричит он. — Я сам это сделал!

Головная боль превращается в сплошной белый шум. В груди расправляет когти темное чудовище. Я поднимаю руку. В глазах Матчека вспыхивает страх. Мой кулак опускается на зеркало, а в голове грохочет код Основателя, полководца Сумангуру, — *мертвые дети и ржа, и пламя, и кровь.*

Время в вире останавливается. Матчек застывает на месте, возвращая себе обычный облик. Осколки зеркала, острые и сверкающие, парят в воздухе, словно корабли на Магистрали.

Ярость мгновенно утихает. В голове гаснет эхо воинственного кода Сумангуру. Я не могу смотреть в испуганное лицо мальчика и отворачиваюсь.

Еще через мгновение базовая программа, управляющая виром, ведет себя совершенно непонятно. Она извлекает из секретного кэша какую-то сложную команду, недоступную моему пониманию. Я вдыхаю полной грудью.

Он уже был здесь.

Матчек начинает двигаться все быстрее и быстрее. В одно мгновение он огибает стол и мечется между полками так стремительно, что взгляд не успевает за ним следить, и фигура превращается в размытое пятно.

— Матчек, стой!

Я уравновешиваю наши скорости.

Он стоит передо мной, и по лицу текут слезы.

— Не сердись, Принц, — говорит он. — И прости меня за Нарнию. Ты ушел, и я не знал, чем заняться. Ты говорил, что я тоже могу помочь освободить Миели, но все делаешь сам.

Я вытаскиваю из рукава шелковый носовой платок и вытираю ему лицо.

— Я понимаю, Матчек. Я не должен был так злиться. Это не твоя вина. Случилось кое-что... плохое, и я слишком много об этом думаю.

— А что случилось?

— Это неважно. — Я улыбаюсь. — А ты здорово устроил этот последний фокус со временем. Можешь рассказать, как это делается?

Он пожимает плечами.

— На пляже я часто играл в игры на время, а потом стало скучно. Всегда надо иметь такой триггер, который помогал бы увеличить скорость, если где-то случайно промедлишь, чтобы не пропустить конца света.

Эге.

Я планировал отправить в изолированную систему весь вир «Шкафа» и таким образом затормозить время Матчека, чтобы он даже не заметил моего отсутствия, пока я занимаюсь на Япете своими делами. Но это явно не сработает. Можно было бы создать более устойчивый вир, но у меня на это нет времени, кроме того, я начинаю сомневаться, что какая-либо моя конструкция может его задержать.

Я смотрю на Матчека, на его тонкие темные волосы, которым суждено быстро поседеть, на вздернутый нос и упрямую линию губ, и в груди поднимается странное тепло.

Надо найти няньку. Было бы намного проще, если бы я мог оставить с ним свою копию. К несчастью, Жозефина устроила так, что я остался одноэлементным белым мужчиной и не способен создавать собственных гоголов, а доверять заботу о Матчеке парциалу я не могу. Жители Сирра по-прежнему в состоянии сжатой информации, и до конца миссии я не в силах их вызвать. Кроме того, я не рискну позвать кого-то извне: Матчек опасный спутник — ранний гогол Основателя Соборности.

Остается только...

У меня вырывается вздох. Других вариантов быть не может. Мне придется обратиться к Ауну.

Я осторожно собираю осколки мыслезеркала и кладу их на стол.

— Послушай меня. Вот тебе головоломка. Если сумеешь собрать зеркало заново, можешь оставить его себе. Я должен уйти и кое-что сделать, но это ненадолго. А когда вернусь, приготовлю тебе горячий шоколад. Как тебе такое предложение?

Матчек, воплощенное послушание, садится на стул,

опирается локтями о столешницу и указательным пальцем начинает передвигать осколки.

— Будь осторожен, они очень острые, — предупреждаю я его.

Я ухожу в заднюю часть лавки, где стоит множество книг из Сирра, и почти слышу, как гудят мысли у Матчека в голове.

Здесь темно, свет излучают только заглавия на темно-синих обложках книг. Очертания предметов мягкие и немного нереальные: по краям вир не поддерживает детальную симуляцию, а пользуется способностью мозга к самообману. В узком проходе между стеллажами я чувствую себя насекомым между тяжелыми пористыми страницами книги.

Я невольно сглатываю. Я не до конца понимаю природу Ауна. Они вырвались на свободу во время Коллапса — или задолго до него выпущены Матчеком, если верить легендам. Это совокупность отчетливых простых контуров, живые мемы, населяющие мозг, словно паразиты. Они утверждают, что и я один из них, и зовут меня братом. Не могу сказать, что верю им. Я никогда не считал себя богом, но при встрече с ними у меня мурашки бегут по коже. И общаться с ними можно, только позволив им стать тобой.

Я вожу пальцами по корешкам книг, пока не отыскиваю нужную. Я открываю ее, и они поднимаются со страниц — боги Земли, не сотворенные людьми, извивающиеся огненные змеи, освещающие стеллажи вокруг меня мерцанием блуждающих огоньков.

Я закрываю глаза и впускаю их.

В меня вселяется Принцесса-трубочист. Ее голос звучит в моей голове, как будто мой собственный.

Привет, братец.

Я не брат тебе.

Ты пришел, чтобы присоединиться к нам?

Нет.

Ты готов доставить наших детей в наш новый дом?

Нет. Пока еще нет.

Я потираю виски. *Сирр.* Последний город Земли, вырванный из лап Драконов. Одно дело — ребенок, а другое — целая цивилизация. Я обещал Тавaддуд спасти их. *Остались одни обещания.* Я стискиваю зубы.

Ты снова плетешь обманы, братец. Мы надеемся, что ты не забыл свое обещание.

Я не забыл. Вы получите новый дом, так же, как и жители Сирра. Но сначала мне нужно кое-что сделать.

Тебе нужно что-то украсть.

Да. Мне придется покинуть вир, и я хотел бы, чтобы вы присмотрели за мальчиком. Развлеките его. Расскажите ему сказки. Займите его чем-нибудь.

Что ты собираешься украсть на этот раз? Воспоминания? Истории? Души? Мечты?

Это не ваше дело.

Как мы можем быть уверены, что ты вернешься? Ты уже бросал нас.

Я держу свое слово.

Они поднимаются в моей голове, поднимаются все — и Кракен, и Зеленый Солдат, и Принцесса; смерчи мыслей обволакивают мой мозг щупальцами молний.

ОБЕЩАНИЯ - ЭТО ХОРОШО, ревут они. *НО СТРАХ ЛУЧШЕ. МЫ ВСЕГДА ЗДЕСЬ. МЫ ВСЕ СЛЫШИМ. НЕ СМЕЙ НАС ПРЕДАВАТЬ.*

Я падаю на колени. Аун покидает меня, и все вокруг затягивает пыльная темнота. Внезапная тишина оглушает. Я дрожу всем телом, хоть и нахожусь в мыслеформе.

— Знаете, — произношу я вслух, — я начинаю склоняться к идее Принца-цветка. В самом деле, нет ничего лучше семьи.

Со мной опять говорит Принцесса, на этот раз негромко и спокойно, словно шуршит дождь.

Мы будем навевать сны нашему отцу, как уже делали это раньше, давным-давно. Но это случится, когда ему тоже придет время проснуться.

— Да. Еще не сейчас.

— Его имя не Рауль д'Андрези, — говорит Чехова, многозначительно поглядывая на меня. — Верно ведь... полковник?

Я смущенно улыбаюсь.

— Старейшина, это полковник Снармиенто[14]. Из компании «Пикник на обочине для плюшевого мишки». Группа наемников, работающих в Сирре. На Земле. Как только поступило ваше волеизъявление, мне поручили проверить его происхождение. Оно оказалось сфабрикованным.

Барбикен молчит, но широко раскрывает глаза.

— Итак, полковник, — продолжает Чехова, — не расскажете ли нам свою историю?

Она складывает руки на груди и смотрит на меня свысока, словно очень сердитый, раздраженный учитель.

Я развожу руками.

— Что я могу сказать? Вы меня уличили. Я был с Плюшевыми Мишками. Там ведь не одни урсоморфы, хотя они полезны, если

нужны деньги. Прошу прощения за маскарад, но я хотел бы, чтобы бывшие работодатели и дальше оставались в неведении относительно моего местонахождения. Мишки способны на многое, но они *не* прощают. А мы... расстались довольно неожиданно.

Водить за нос зоку непросто. Но если у них и есть хоть какая-то слабость, так это уверенность в возможности решения какой бы то ни было проблемы. Для них любая задача проста и очевидна, как в игре: они с ней справились, и она их больше не интересует. Под моей личиной скрывался другой, более убедительный образ, подкрепленный фактами, собранными Миели во время службы в рядах Плюшевых Мишек. Если хорошенько постараться, можно расколоть и оболочку полковника Снармиенто, но я уверен, что Чехова не будет даже пытаться это сделать. Особенно теперь, когда она старается произвести впечатление на старейшину.

— Значит, ты дезертир, — заявляет она. — И как же ты сумел заполучить пушку Верна, которой больше двухсот лет?

— Как вам, вероятно, известно, на Земле сейчас немного неспокойно.

— Если понятие «неспокойно» заключает в себе поглощение мира *рекурсивно самосовершенствующимися антиэвдемоническими агентами,* то да, нам это известно. Профессиональный интерес.

В глазах Чеховой появляется голодный блеск.

— Так вот, еще несколько недель назад, до пришествия ченов, и я, и весь мой отряд начали подозревать что-то неладное. Мы решили, что пуля и еще кое-какие предметы из пустыни дикого кода будут достаточной компенсацией за службу. Возможно, мы несколько превысили свои полномочия, если вы понимаете, о чем идет речь. Но, по крайней мере, нам удалось оттуда выбраться. Большинству Мишек повезло меньше.

Я оборачиваюсь к Барбикену.

— Кажется, ты предлагал выпить? Я хотел бы поднять бокал в честь своих боевых товарищей. Бедняги, я горжусь, что служил с ними. А ведь у кого-то остались семьи, которые могли бы обрести новый дом в городе Супра.

Последнее утверждение было абсолютно достоверным: погибшая сослуживица Миели оставила на Поясе своих детенышей.

— Тем более сейчас, когда Соборность намерена поглотить все, что лежит в пределах орбиты Марса. Вот поэтому я и направился сюда. Но, похоже, все напрасно.

Вздох Барбикена напоминает рев кузнечных мехов.

— Отлично, полковник! Вот это история! А ты славный

парень! Возможно, мы еще сумеем кое-что сделать.

Барбикен срывается с места и устремляется к медному глобусу, на котором выгравирована карта старой Земли, вот только наклон оси очень странный — Антарктида оказалась почти на экваторе. Старейшина ловко открывает сферу рукой-манипулятором, достает бутылку с темной жидкостью, три бокала и наполняет их. Его взгляд становится серьезным.

— Имена не имеют значения! Для нас важна лишь сцепленность. Предоставленный тобой спайм производит впечатление. Я по-прежнему заинтересован в сделке!

— Я возражаю, — вмешивается Чехова. — Если предмет, предлагаемый полковником, действительно подлинный и лишь недавно доставлен с Земли, нам необходимо держаться от него как можно дальше.

Барбикен удивленно поднимает брови.

— Вам известно, как пристально наблюдает за нами в эти дни Большая Игра, — продолжает Чехова. — Как вы считаете, что они предпримут, если мы приобретем предмет, возможно, зараженный *Драконами*?

Барбикен поджимает губы.

— Верно, — говорит он. — Проклятые соглядатаи!

— Большая Игра? О чем это она?

— Охрана зоку! Защищает нас от пространственно-временных угроз, по крайней мере, они так утверждают! Приобрели власть после Вспышки. — Лицо Барбикена мрачнеет. — Они завербовали несколько младших членов Клуба, чтобы те доносили о самых грандиозных проектах! Говорят, что они несут угрозу пространству-времени. Пф! — Он с тоской косится на свой бокал. — Но я должен признать, полковник, что в словах Чеховой есть смысл. В наше время приходится соблюдать осторожность.

Я приглядываюсь к Чеховой. Что за игру она ведет? Или она сама имеет какое-то отношение к Большой Игре зоку? Я еще не готов открыто идти с ними на конфликт, пока не готов. Возможно, придется дать задний ход и попробовать другие варианты. Но и на этот шаг потрачено много сил и времени. Времени, которого у Миели может не быть.

— Старейшина, я должен позаботиться о своих друзьях, — говорю я. — Так уж вышло, что Нарративисты-зоку из города Супра тоже заинтересовались моим товаром. Я думаю, они переправят пулю в Царство и воспользуются ею для создания какой-нибудь драмы в закрытом пространстве, хотя в этих вещах я не очень-то разбираюсь.

Барбикен фыркает.

— Отдать пулю Нарративистам! Это смешно! Фрагмент

материи, обработанный ядерным пламенем, созданный ради определенной цели!

— Но мы должны считаться... — пытается вставить Чехова, однако Барбикен заставляет ее замолчать, махнув в ее сторону оружейной конечностью.

— Это же позор — сделать из пули метафору! — ревет он.

Я решаю подлить масла в огонь.

— Нет, в самом деле. Я много слышал об Ганклубе. Разве не ваши пустотные корабли Хокинга помешали Протокольной войне превратиться в настоящую катастрофу? Как я знаю, сравниться с ними в силе может только губерния. И вы хотите сказать, что опасаетесь других зоку, которые считают, что вы играете с огнем? — Я медленно качаю головой. — Наверное, лучше мне связаться с Нарративистами. Похоже, у ваших детишек храбрости больше, чем у вас.

Я обращаюсь не только к этим двоим, я говорю со всеми зоку, которых они представляют в Круге поезда.

— Я предлагаю вам исторический объект, оболочку снаряда, который выпущен из самой большой пушки, построенной в предшествующую Коллапсу эпоху, а вы отказываетесь из-за того, что он может быть грязным? Хорошо. — Я поднимаюсь. — Я буду вести дела с кем-нибудь другим.

Барбикен взмывает в воздух и медленно кружится, не замечая, что его ноги-двигатели прожигают дыры в обшивке кресла. У него крепко зажмурены глаза, что свидетельствует о напряженных раздумьях. Наконец он разворачивается и направляет оружейную конечность прямо мне в лицо.

— Ага! У меня есть идея, полковник! Компромисс! Мы не отступим от внутренней воли зоку! Ведь Чехова у нас эксперт по Драконам! Она исследует объект в Арсенале вплоть до молекулярного уровня. Таким образом будут соблюдены требования безопасности. И все довольны. А?

Все, кроме меня, спрятавшего внутри запасное миниатюрное тело с ЭПР-уровнями, которыми я собирался воспользоваться, чтобы выкрасть из Арсенала свой корабль.

Но я только улыбаюсь и киваю, и тотчас начинаю работать над планом «Б».

Глава пятая
МИЕЛИ И БЕЗДНА

Миели стоит на балконе. Нал головой невероятно огромное бледно-голубое небо с белым шрамом посередине. На лицо падает яркий теплый солнечный свет, но это рассеянные отраженные лучи, собранные гигантским зеркалом в космосе и превращенные в мягкое освещение. Как ни странно, оно напоминает ей об Оорте, о доме.

Но на этом сходство заканчивается.

Высокое белое здание, в котором она находится, построено из округлых, похожих на раковины модулей, изобилующих террасами и балконами. На залитых солнцем площадках сидят или лежат смуглые люди, окруженные ореолами сверкающих камней. Внизу течет канал. Его голубая лента тянется в бесконечность и теряется в дымке где-то далеко-далеко. Над каналом лениво парит золотая гондола на двух пурпурных баллонах. По обоим берегам тянутся аллеи, а здания отделены друг от друга серебристыми линиями. С балкона виден храм с луковицами и шпилями пагод, поднимающийся над пустынным полем темной электронной схемы; ряд коралловых замков; а вдали сквозь серый туман проглядывает город. Еще дальше высится гора с белоснежной вершиной, вокруг которой летают краснокрылые существа, слишком большие, чтобы быть птицами. У горизонта возвышается сооружение, по своему размеру сравнимое с самим небом, — широкая мерцающая металлом арка на тонких белых колоннах. Справа и слева поле зрения ограничено двумя облачными стенами янтарного оттенка.

У Миели начинает кружиться голова. Она никогда не любила планеты: они слишком велики для нее, а здесь небо и горизонт значительно превосходят все, что ей доводилось видеть. Она фокусирует взгляд на голубой ленте канала. Вдоль него движутся сотни зоку в своем истинном обличье — вихри драгоценных камней и тумана сбиваются в группы, словно стаи птиц. Внезапно они напоминают Миели о сне, который привел ее сюда.

В город Супра.

— Не хочешь выпить чаю?

Миели оборачивается. Системы в ее организме активны, но не фиксируют никакой угрозы. В комнату вошла усаги-ронин. Она босиком, а из одежды только потрепанные голубые брюки и простая зеленая рубашка. Здесь она ниже ростом, чем Миели.

Цвет кожи напоминает молочный шоколад. Рот слишком широк для такого типа лица, зато глаза большие и ярко блестят. В руках у нее поднос с небольшими чашечками и зеленым нефритовым чайником. Она кивком приглашает Миели вернуться в комнату.

Миели с опаской повинуется. Они находятся в небольшой квартире. На белых стенах висят яркие цветные листы со старинными на вид двухмерными изображениями молодых людей, воплощающих Высших Манаиа[15]. Здесь нет интеллектуальной материи, немногие предметы мебели изготовлены из дерева и ярких тканей ручной работы. Простота обстановки контрастирует с царящим снаружи безумием. *Несомненно, это сделано намеренно.*

Усаги-ронин грациозно наклоняется и ставит поднос на маленький столик, а затем и сама, скрестив ноги, опускается на подушки.

— Выпей. Это сэнтя[16]. Или хочешь поесть?

Миели осторожно опускается на колени: сила тяжести здесь велика для нее, почти такая же, как на Земле. Несмотря на это, она чувствует себя сильной и легкой, а руки и ноги после многодневного восхождения уже не болят. Она одета так же, как одевалась на «Перхонен», — в черную тогу, вокруг щиколотки цепочка из камней, принадлежавшая Сюдян. Внезапно Миели замечает, что держит в руке спасший ее камень зоку — голубой овал величиной меньше ладони, пульсирующий неярким светом и распространяющий слабый аромат цветов. Она кладет камень на стол перед собой.

Усаги-ронин видит камень и улыбается. Она ставит перед Миели чашку и наполняет ее дымящейся ароматной жидкостью.

— Послушай, мне жаль, что так получилось в Царстве, — говорит она. — Гора и все такое. Теперь я понимаю, что все это было для тебя так необычно. Мы почти всегда стараемся ввести сирот через Царства, так им легче разобраться со своими проблемами: они получают возможность сформировать собственные образы по заданной нами схеме. Между прочим, ты очень хорошо справилась. Я не смогла предугадать такого финала. — Она берет чашку в свои маленькие руки и осторожно делает глоток. — Кроме того, я не понимала, как много технических возможностей в твоей истинной форме. Одна из подсистем, боевых, включилась в борьбу, поэтому после я подумала, что нам лучше начать все сначала. Как ты считаешь?

Миели пристально смотрит на нее. Изготовленные Соборностью системы функционируют нормально, и она поручает нескольким гоголам исследовать окрестности. Через мгновение поступает подтверждение того, о чем она уже догадалась: она

находится на Полосе плотной интеллектуальной материи длиной несколько тысяч километров и шириной несколько сотен, неподалеку от экватора Сатурна. Тем не менее получить доступ к местному спаймскейпу гоголы не могут — или Миели изолирована защитой, или не обладает необходимым кодом доступа.

— Что я здесь делаю? — спрашивает она.

— Все, что захочешь. Может, начнешь с чая? Ты к нему не притронулась. Да, кстати, в этом Круге меня зовут Зинда.

Миели хмурит брови. Весь ее опыт общения с зоку заключается только в их убийстве, да и то два десятка лет тому назад. Во время Протокольной войны она в процессе погони прошла через несколько виров, созданных в Супра, но ни один из них даже отдаленно не напоминал тот, в котором она оказалась сейчас. Судя по данным ее сенсоров, квартира полностью соответствует своей видимости вплоть до молекулярного уровня. А вот Зинда — нечто иное: сочетание фоглетов и камней зоку, хотя человеческое тело прекрасно имитирует настоящий организм вместе с внутренними органами и пищеварительной системой.

— Я хотела бы выяснить, что произошло с моим кораблем.

— Гм. Мы перейдем к этому немного позже, — отвечает Зинда. — Сначала я попытаюсь обрисовать общую ситуацию: ты оказалась здесь после того, как зоку Радужной Таблицы — к которым ты, между прочим, принадлежишь — случайно тебя обнаружили. Они не знали, как осуществить твое волеизъявление. Это сообщество чаще имеет дело с маршрутизаторами, Царствами и тому подобными вещами, они лучше разбираются в пикотехнологии, чем в людях. Поэтому твое желание передано нам, Высшим Манаиа. Мы, если можно так выразиться, заботимся о... заблудших овечках. О тех, кто хочет вернуться. — Зинда сдержанно улыбается. — О таких, как ты.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Миели осторожно пробует чай. Он тоже такой, каким и должен быть: слегка горьковатый и уже остывший, и она, неожиданно для себя, наслаждается его вкусом. — Я не могу остаться. Я должна вернуться на свой корабль.

— О, моя дорогая. — Зинда становится серьезной. — Ты, безусловно, можешь уйти в любой момент. Но высказанное тобой желание было совсем не таким. Ты хотела попасть домой, и вот ты здесь.

Миели медленно поднимается.

— Я Миели, дочь Карху из кото Хильяйнен в Оорте. У меня с

вами нет ничего общего.

Но где-то в глубине души возникает ощущение холода. Подкинутый ребенок. Дитя солнечных кузнецов, отданное вместе с Маленьким Солнцем под защиту и опеку кото.

— Волеизъявление — странная вещь, — говорит Зинда. — Камни реагируют не на то, что мы хотим, а на то, что должны были бы хотеть, если бы были немного мудрее и обладали достаточным опытом. В целом зоку пытаются *экстраполировать* реальную потребность на общую волю. Я приведу пример. Скажи, чего бы тебе хотелось. Пусть это будет еда или что-то подобное.

Миели в нерешительности.

— Это бессмысленно.

— Ну же, давай. Не относись к этому так серьезно.

Миели вздыхает.

— Лакрица. Я хочу лакричную конфету.

— Отлично! Итак, у нас две коробки, А и Б. — Зинда переворачивает две чашки. — В коробке А лежит лакричная конфета. Мне известно, что в действительности ты хочешь отыскать именно ее. Ты просишь открыть коробку Б. И какую, по-твоему, коробку я должна открыть?

Миели растерянно моргает.

— Поняла? — спрашивает Зинда.

— Но это же совсем другое дело.

— Да, конечно, вычислить идеальный вариант намного труднее. Реальное экстраполированное волеизъявление определить невероятно трудно, PSPACE[17] - трудно, или вроде того, поэтому обычно мы прибегаем к ускоренным методам и допущениям. Возможно, ты и не хочешь здесь находиться, но этого хочет твоя будущая сущность.

— Я так не думаю, — отвечает Миели.

Зинда ободряюще улыбается.

— Послушай, я много раз через это проходила. Все нормально, и пусть тебя это не смущает. Почему бы тебе не попробовать? Мы же не Соборность, с которой ты некоторое время была связана. Мы просто предоставляем тебе квантовую сущность, чтобы расширить твое «я». Мне кажется, ты легко освоишься. — Она наливает себе и Миели еще чаю. — Я хочу сказать, мы немного изучили тебя, пока ты была в Царстве. В твоем теле и разуме отчетливо прослеживаются отличительные черты замысла зоку. Насколько я могу судить, это принадлежность к юпитерианскому сообществу Эйгон. Как тебе известно, до Вспышки они вели торговлю с Оортом. Не хочу показаться излишне любопытной, но неужели тебя это сильно удивляет?

Миели медленно садится на прежнее место.

— Почему они так поступили? — шепчет она.

— Тому много причин. Мы *действительно* сплетаем все желания в единое волеизъявление зоку. Перед детьми всегда есть цель. И их рождение тоже в каком-то смысле игра. Возможно, твои родители хотели обеспечить тебе другую жизнь, вне кольца их волеизъявления. Если хочешь, мы могли бы попытаться их разыскать. Хотя, если они обитали на Юпитере, это... нелегко.

Сюдян нередко шутила, что Миели — персонаж из книги, переданной ей предками, кто-то вроде королевы обезьян до зарождения человечества. Сама Миели знала только, что была подкидышем, ребенком, оставленным оортианцам на воспитание, частью сделки, в результате которой ее кото получило Маленькое Солнце. Именно поэтому она провела раннее детство в доме бабушки Брихейн и только подростком стала жить вместе с другими обитателями кото. Кроме Сюдян никто больше не говорил с ней на эту тему, тем более Карху. А она из-за всего этого всегда старалась быть лучше других. Поэтому до хрипоты разучивала песни вяки[18], поэтому принялась за Большую Работу раньше, чем кто-либо из ее сверстников, поэтому вернула дух предка из преисподней.

Необходимо отыскать «Перхонен». Миели встряхивает головой и активирует боевые системы. Все чувства мгновенно обостряются, и после разговоров с Зиндой это доставляет удовольствие. Возможно, это ловушка. Благодаря вору она знает, что значит, когда тобой манипулируют. Эта зоку может говорить что угодно, лишь бы получить информацию. Миели вспоминает, с какой легкостью доверила свою жизнь ронину-Зинде во время восхождения на гору. Даже сейчас ей трудно не доверять ей. Но зоку, безусловно, только и добиваются ее доверия.

Она смотрит на Зинду.

— Тебе ведь известно, что я убивала зоку, — говорит Миели. — Во время Протокольной войны. Я убила сотни твоих сородичей, может, и больше. И я уничтожила Метиду странглетовой бомбой. Вы уверены, что хотите, чтобы я жила среди вас?

— О, нас не так просто убить. Я и сама умирала уже несколько раз. Это больно, а после возрождения приходится возвращаться к своим камням и артефактам в виде призрака. Большинство зоку на всякий случай хранят некоторые камни в специальном банке. Тебе надо научиться видеть то, чего ты обычно не видела. Это что-то вроде субигры: Жнецы зоку хотели бы сконструировать ее иначе, но у них не хватает силы сцепленности. Лично я считаю, что ты могла бы добавить

повествовательный элемент, разыгрываемый на фоне нескольких столетий. Каждый раз, когда ты будешь умирать, ты еще немного продвинешь сюжет. Разве не отличная идея? Но зоку Эйгоны и Алеа не слушают Нарративистов вроде меня. — Она сокрушенно качает головой. — Извини, я заболталась. Я только хотела сказать, что это неважно, люди порой могут затаить обиду, но зоку, к которым ты присоединишься, никогда так не сделают. А знаешь, если ты играла важную роль в Протокольной войне, у тебя, возможно, найдутся поклонники среди зоку!

Зинда постукивает по столу.

— Послушай. Нам необходимо усилить твою сцепленность. Без камня города Супра ты здесь мало что сможешь сделать, даже если ты еще ничего не решила насчет зоку. Камень Радужной Таблицы тебе ничем не поможет. Вот, держи. — Она достает небольшой камень бирюзового цвета в оправе из золотых листьев. — С ним тебе будет проще вернуться.

Миели осторожно принимает камень, он кажется теплым на ощупь.

Миели, ты делаешь глупость, раздается в ее голове голос Пеллегрини. *Вспомни, что я тебе говорила.*

А через мгновение системы Миели захлебываются сигналами тревоги и предупреждениями о проникновении. Метамозг показывает щупальца, протянувшиеся от камня к нейронным узлам, к центрам принятия решений, к корням мечтаний и сновидений.

Она бросает камень на стол, встает и активирует подачу мощности в оружие.

— О, дорогая! — вскрикивает Зинда.

— Это уже другая игра, — говорит Миели. — Ты сама из Большой Игры. Тебе нет дела до сирот. Ты пришла, чтобы завладеть ценной информацией. — Ку-ружье, встроенное в правую руку, становится теплым. — Что ж, вот тебе информация. Сейчас тебе представится возможность узнать, улучшилась ли игра в загробную жизнь.

— Нет, подожди! Ты не поняла! Зачем тебе разрывать Круг? То есть, ты права, я из Большой Игры, но и Манаиа тоже. Все, что я сказала, правда! Мы принадлежим многим сообществам зоку, мы можем одновременно быть и там, и здесь, это объясняется наслаиванием. Я хочу лишь помочь тебе!

На глазах Зинды появляются слезы.

— Послушай, меня ввели в игру, как только ты здесь появилась, верно? Честно говоря, я и сама многого не понимаю. Может, ты сядешь, и мы спокойно обо всем поговорим? Миели, я не буду тебя ни к чему принуждать. Я повинуюсь

волеизъявлению. Если ты настаиваешь, признаюсь, во мне тоже сидит боевой монстр, но я *ненавижу* его запах.

— Я ухожу. Ты можешь оставаться орудием или повиноваться долгу, это твой выбор.

Миели старается придать голосу холодность и решительность.

Зинда глубоко вздыхает.

— Подожди хоть минуту, ладно? Ты должна понять, что дело не только во *мне*. Специально для того, чтобы тебя изучить, мы создали небольшое сообщество зоку. Мы многое о тебе узнали, и, если бы захотели, смогли бы тебя сломить! — Она всхлипывает. — Я понимаю, это звучит не слишком приятно, но это правда! Мы могли создать Царства, в которых ты стала бы рабыней по собственной воле и выдала бы все свои тайны. Но мы не хотели этого. Ты *нужна* нам.

— Нужна для чего?

— Да как же! Ведь идет война! Основатели вцепились друг другу в глотки! Пока, насколько мы можем судить, побеждают чены. Потом они пойдут на *нас*. Они всегда оставались для нас угрозой. После Протокольной войны старейшины попытались их... нейтрализовать, но... — Она прикусывает губу. — Не важно. Все, что тебе известно о событиях на Земле, о пеллегрини и ченах, об их технологиях, — все это может оказаться для нас полезным. Не тревожься о дурацких ловушках и охранных системах: твое волеизъявление и немного времени, и мы сумеем с этим разобраться. И тогда ты сможешь стать одной из нас. Ты хоть представляешь себе, как трудно присоединиться к Большой Игре? Сначала еще надо их *отыскать*. Я потратила на это не один год. Я получала сцепленность с Нотчами и Итаки и целым рядом других сообществ, чтобы только обнаружить их следы, скрытые в наших хрониках. И я всего лишь простой агент. Но ты, ты сможешь стать особым агентом, пространственно-временной угрозой, большой шишкой. Как Джеймс Бонд с крыльями.

— Кто? — удивляется Миели.

— Ну что ты! Решайся, это будет так весело.

Миели формирует на кончиках пальцев ку-точку.

— Нет, — говорит она. — У тебя десять секунд, чтобы сказать, где мой корабль и как мне выбраться с этой планеты.

— А, это...

— Девять.

— Ты уверена, что хочешь...

— Восемь.

— Ты же знаешь, я могу тебе помочь.

— Семь.

— Ладно, ладно! Успокойся. — Зинда вздыхает. — Я не хотела тебе говорить. По крайней мере, до тех пор, пока у тебя не будет достаточно сил, чтобы с этим справиться. Мы, конечно, отследили вектор твоего полета. И вот что увидели.

Она взмахивает рукой, и над столом поднимается небольшой ку-экран. На нем вспыхивает изображение Земли и неясный контур, в котором Миели немедленно узнает «Перхонен». Корабль окутан тучей Охотников — орудий Соборности. Во рту появляется неприятная сухость. *Глупая, глупая девчонка. Не надо было…*

Корабль предстает в виде паутины нитей и модулей, окруженных парой солнечных парусов. Он разваливается под натиском быстрых, словно лучи света, Охотников, каждый их удар вызывает вспышки лазера и разрушение все новых фрагментов.

Затем корабль медленно поворачивается и начинает падать на бело-голубой шар. Еще через мгновение он превращается в огненный штрих на фоне Земли и исчезает за горизонтом.

— Впоследствии мы не смогли обнаружить никаких следов корабля, — говорит Зинда. — Все это произошло перед самым нападением Драконов. Мне очень жаль.

Миели закрывает глаза, но мир не исчезает. Усовершенствованные системы слежения рисуют вокруг холодный призрачный ландшафт. Стены квартиры, словно кости черепа, сжимают мозг.

Она вскрикивает, выбегает на балкон, разворачивает крылья и взмывает в воздух.

Миели летит, не выбирая направления, напрягая микропропеллеры в крыльях, пока не поднимается на высоту. где воздух становится разреженным, а Полоса внизу, пересеченная другими обитаемыми Полосами, не шире шоссе, исчезающего за горизонтом. Сотни таких узких участков тянутся один за другим, сжимая гигантскую планету своими кольцами. Игривые зоку в истинном обличье зовут Миели в совместный полет, но она устремляется все дальше и дальше, пока не начинает жалобно подвывать ядерный реактор в бедре. Она обгоняет зоку и поднимается еще выше, туда, где голубизна неба уступает темноте, и Миели ощущает знакомое прикосновение Человека Тьмы из бездны. Она стремится туда, к жесткому вакууму, радиации и перегрузкам, к жалящему холоду после оортианской сауны. Но Сатурн не отпускает ее.

«Перхонен» больше нет.

Я всегда любила тебя сильнее, чем она, так сказал корабль перед нападением Охотников, прежде чем выбросить ее наружу с

камнем зоку.

Миели подчиняется силе притяжения планеты и начинает стремительный спуск по длинной дуге, пока не достигает границы мира.

Эта стена, похожая на группу подсвеченных солнцем туч, тянется с поверхности до самого неба, поднимаясь вверх на двадцать километров. Вблизи оказывается, что это масса наполненных газом пузырьков, удерживаемых тончайшими нитями интеллектуальной материи, воздвигнутая на краю обитаемого участка для удержания атмосферы.

Миели поднимается над стеной, несмотря на почти полное отсутствие воздуха, и заглядывает в бездну с другой стороны. Ряды колонн, поддерживающих Полосу, белыми струями исчезают в желтовато-серой пелене Сатурна далеко-далеко внизу. В бездонной чаше зимней метелью кипит ураган.

Может, лучше упасть вниз, как упала она.

В том, что случилось, есть ее вина. Но она поступила правильно. На Земле она умирала тысячу раз, чтобы обрести смелость и противостоять Пеллегрини. Она провела черту, которую не намерена переступать, и отказалась участвовать в похищении сущности ребенка. И в тот момент она не надеялась остаться в живых.

Надо позволить Сатурну забрать ее жизнь, прыгнуть в облака кристаллического аммония и водяных паров и погружаться все глубже, пока смертоносный металлический водород в глубине планеты не сокрушит ее окончательно. Это так легко: сила инерции перенесет ее через стену прямо в центр урагана. Множество вихрей, сравнимых по величине с оортианскими кометами, следуют один за другим, словно драгоценные камни в цепочке.

Но поднявшееся из глубин воспоминание превосходит силу притяжения и заставляет ее остановиться. Сюдян.

Миели складывает крылья и устремляется к краю стены. Перегревшиеся микропропеллеры с жалобным стоном замирают. Миели неловко переворачивается и опускается на стену, словно раненая птица. На ощупь облачная стена оказывается немного скользкой и мягкой и поглощает толчок, словно вода, только по поверхности пузырьков проходит рябь. Крошечные шарики кажутся тонкими, как мыльные пузыри, но выдерживают вес Миели. Несколько мгновений она лежит на стене, прислушиваясь к своему сердцебиению и затрудненному дыханию. Воздух разреженный и безвкусный, как разведенное водой молоко.

Спустя некоторое время она поднимается и медленно, смешно покачиваясь на газовой подушке, подходит к внешнему

краю. Она садится, подтягивает колени к подбородку и смотрит в безбрежные бледно-желтые просторы Сатурна, а стена мягко покачивается под ней, как будто она сидит на коленях у матери.

Едва слышной в разреженном воздухе молитвой она обращается к Куутар и Ильматар с просьбой указать путь, надеясь, что у ее богов хватит могущества в этом мрачном месте, где все меняется и нет ничего реального.

Миели постепенно успокаивается, и тогда слышит в голове неясный шепот: к ней обращается камень зоку Радужной Таблицы. Он каким-то образом оказался в складках ее одежды. Миели хмурится: она не помнит, чтобы брала его со стола. Она вынимает камень и рассматривает его. Камень сообщает, что поблизости есть маршрутизаторы и Врата Царств, обозначает их местоположение в сети масс-потоков и ку-труб внизу и внушает желание направиться туда и отрегулировать потоковый буферный контроллер.

Миели отделывается от этой мысли при помощи короткой команды метамозга. Она ощущает недовольство камня и расщепление заключающейся в нем сцепленности. Она не обращает на это внимания; Миели бросает камень с края стены и долго наблюдает за его падением, пока драгоценность не пропадает из вида.

— Что меня удивляет, — раздается раздраженный голос, — так это твоя приверженность древним богам, хотя отвечаю на твои мольбы только я.

Пеллегрини медленно поднимается из бездны. Это высокая женщина с золотисто-каштановыми волосами, в белом платье. Она разводит руки в стороны, словно собираясь заключить Миели в объятия.

Миели изумленно смотрит на богиню Соборности.

— Уходи. Я же сказала, что больше не работаю на тебя.

В груди у нес лишь пустота и холод. Даже ненависть к женщине, жившей в ее мозгу долгие годы, превратилась в едва тлеющий уголек.

Пеллегрини поднимает глаза к небу.

— А я не могу *поверить*, что ты так долго не решалась избавиться от этого глупого камня. Я не могла рисковать, опасаясь быть обнаруженной. Я пыталась поговорить с тобой в Царстве. Но ты меня явно не слушала.

Она открывает сумочку, достает одну из своих пахучих палочек, поджигает ее искусно выполненной зажигалкой и затягивается. Затем отводит руку в сторону и стряхивает пепел в

глаз бури в сердце Сатурна.

— Что касается наших отношений — отлично. Но от меня не так просто отделаться, Миели. Я в твоем разуме. Ты ведь сама впустила меня, помнишь? — Она делает еще одну затяжку. — Теперь, когда я немного успокоилась, должна признать, что проявленная тобой на Земле решимость произвела на меня впечатление. Жаль, что ты выбрала для этого не самый подходящий момент.

Но вот мы обе здесь. Когда тебя схватили, мне надо было прибегнуть к самоуничтожению. Но я стала гоголом уже в зрелом возрасте и всегда находила столь экстремальные меры... малоприемлемыми. — Она улыбается. — Судя по всему, ты тоже, несмотря на то, чего тебе пришлось лишиться. Мы связаны друг с другом, нравится тебе это или нет.

— Я могла рассказать им о тебе, — отвечает Миели.

— Конечно, могла. Но это было бы глупо. До сих пор они держались по-дружески и разговаривали с тобой вежливо, но что было бы, узнай они о гоголе Основателя Соборности в твоей голове? Они попытались бы достать меня любой ценой, а я так глубоко спряталась, что пришлось бы разобрать тебя на части.

— Возможно, меня это не пугает.

— Нет, ты не боишься смерти, ты не раз это доказывала. Но тебе грозила не смерть. Тебе ведь известно, о чем я говорю: ты и сама не раз допрашивала гоголов. А *они* не верят в копии. Они поместили бы тебя в Царство и превратили процесс извлечения в игру. Ты бы сильно изменилась, и, можешь мне поверить, это тебе не понравилось бы.

Миели пробирает дрожь. Чтобы добиться желаемого, Пеллегрини может сказать что угодно. Но у Миели возникло ощущение, что на этот раз богиня не солгала.

Пеллегрини взмахивает рукой с тлеющей палочкой.

— Кроме того, ты мне нужна. И всегда была нужна. Я не обманываю тебя, в отличие от моего Жана, я всегда держу слово. В конце концов я вернула бы тебе эту малышку Сюдян.

Миели чуть не до крови прикусывает губу.

— «Перхонен» давно пыталась меня убедить. Сюдян с самого начала не испытывала ко мне глубоких чувств. Она просто хотела сбежать с Оорта. Я обойдусь без нее.

— Хорошо. Но почему же тогда ты не шагнула со стены? Почему до сих пор носишь эту безделушку?

Она показывает на цепочку из камней на лодыжке Миели, сделанную после того, как они вместе с Сюдян выполнили Большую Работу, — подвижную совокупность комет, связанных волокнами ку-нити. Кожа под цепочкой внезапно холодеет.

— Позволь мне кое-что сказать тебе, Миели. Когда становишься бессмертной, когда получаешь все, чего хотела, начинаешь задумываться, зачем тебе все это. Сюдян сожалеет, что рассталась с тобой. Она тоскует по тебе.

Она лжет. Миели крепко зажмуривается и плотно закрывается крыльями. Она больше не будет служить Пеллегрини. Что сказала бы ей «Перхонен»? Быть собой. Корабль уговаривал ее отказаться от бесконечных поисков Сюдян и начать новую жизнь.

Но какой теперь в этом смысл? Как я могу вернуться на Оорт? Вор был прав. После того, что сделала со мной богиня, я больше не принадлежу тому миру.

Миели расстегивает обвивающую ногу цепочку. И на мгновение удивляется, как вору удалось так легко с этим справиться. Чтобы разъединить оортианские камни, требуется короткая песня. Миели сидит на самом краю. Если выпустить цепочку из рук, она упадет прямо в разверстую пасть Сатурна, вечно жаждущего поглотить детей. Миели перебирает камни. Они все разного цвета. Выборы, моменты, нанизанные на общую нить. Она вспоминает первый поцелуй в ледяной пещере, когда открылся скафандр Сюдян, и оттуда пахнуло влажным теплом поддерживающих жизнь жидкостей. Вспоминает день, когда они на борту «Перхонен» покинули Оорт. И Венеру, где Сюдян забрала сингулярность. Последнее, что Миели видела: грустное эльфийское лицо, тающее под напором информационного ветра черной дыры Амтора, словно сливки в кофе, но все еще обращенное к ней.

Обращенное к ней.

Сюдян оглядывалась.

Миели крепко сжимает пальцами цепочку. Потом медленно и бережно оборачивает ее вокруг ноги, напевая песенку, замыкающую петлю.

— Что я должна сделать? — спрашивает она Пеллегрини.

Подкрашенные губы Пеллегрини слегка изгибаются в полуулыбке.

— Это интересный вопрос. Мы заперты здесь, скрываемся и не имеем возможности установить контакт с сестрами. Я не сомневаюсь, что они уже приступили к заключительной фазе борьбы. К резервному плану, разработанному на тот случай, если вам с Жаном не удастся выкрасть у Чена камень Каминари.

— И в чем же состоит этот план?

Пеллегрини вздыхает.

— Как ты думаешь, чем можно объединить Основателей?

Только общим врагом. Миели, из тюрьмы «Дилемма» ты вытащила не только моего Жана. Есть еще одно существо — Абсолютный Предатель, поставивший в тупик архонтов Саши. Это своего рода аномалия теории игр. Я не все понимаю, но мои гоголы утверждают, будто он представляет наибольшую опасность, если не считать Драконов. Хаос во Внутренней Системе свидетельствует о том, что моя сестра в голове Жана разблокировала его, а это значит, что *губерниш* скоро запылают. — Она хмурится. — Хотелось бы мне знать, почему моя сестра сначала не заполучила камень. Если бы она завладела артефактом, мы узнали бы об этом. Узнала бы вся Вселенная.

Миели старается глубже дышать, чтобы метамозг остудил ее эмоции, чтобы вернуть себе твердость и профессионализм. Позже найдется время для искренней грусти и для создания новых песен.

— Зинда о чем-то таком упоминала, — говорит она. — Большая Игра видит угрозу в Чене. Они задумали операцию по его устранению, но что-то не получилось. Вор выяснил, как Чен завладел камнем Каминари: он получил его на флотилии зоку поблизости от останков Юпитера. — Что если камень *предназначался* Чену?

Смех Пеллегрини напоминает звонкий стук жемчужин. Не в силах остановиться, она садится рядом с Миели и прикрывает глаза ладонью.

— Конечно, — отвечает богиня, вытирая слезы. — Ах, мой Жан, ты опять меня провел.

Миели ловит себя на мыслях о воре. Как бы она ни относилась к его смерти, все перекрывает тоска по «Перхонен», но, несмотря на различия, они неплохо работали вместе, и порой она его понимала. Почти. Мысль о том, что он мог погибнуть вместе с «Перхонен» или попасть в лапы Чена, усугубляет ее боль.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашивает она.

— Теперь это не имеет значения, дорогая. Важно то, что ты абсолютно права. Большая Игра каким-то образом перехитрила бедного, сверхсамоуверенного Матчека. Они заставили его поверить, что он завладел камнем Каминари. А это означает, что камень у *них*.

Пеллегрини прикасается к щеке Миели, ее кольцо холодит старый шрам.

— Моя дорогая красавица Миели, мы обе по-прежнему можем заполучить все, что хотим, и даже больше. Но сначала тебе придется принять свое наследие. Ты должна стать частью Большой Игры зоку.

Глава шестая
ВОР И АРСЕНАЛ

— И так, полковник, что ты об этом думаешь? Грандиозная идея, не так ли?

Барбикен лучезарно улыбается, а я покачиваю портвейн в бокале в такт своим мыслям.

Я щурюсь, глядя на термоядерную вспышку, после которой на истерзанной поверхности Япета образуется новый кратер. *Дети и спички.* Эта мысль дает мне ниточку, и дилемма неожиданно разрешается.

Я улыбаюсь Барбикену.

— Согласен! Твоя объективность и искренность восхищает меня и моих друзей. Если позволишь, я ненадолго выйду за пределы Круга и посоветуюсь с ними по поводу изменений в сделке.

Старейшина зоку кивает, отчего его цилиндр энергично покачивается.

— Естественно!

Он машет рукой в сторону серебристой границы Круга.

Я допиваю портвейн, вежливо киваю Чеховой и переступаю черту.

Резкое освобождение от замков Шредера, замыкающих Круг, вызывает головокружение. В поле зрения появляется интерфейс спаймскейиа. В тот же момент исчезает иллюзия гостиной. Я оказываюсь в безликой белой трубе, созданной из интеллектуальной материи и заполненной инертным утилитарным туманом, похожим на цветочную пыльцу.

Я сразу же ускоряю свое внутреннее время до максимума, приемлемого для моего дешевого синтбиотического тела. За спиной, в окружении викторианской мебели, дерева и бронзы, Барбикен и Чехова застывают, словно статуи. Еще одна приятная неожиданность: члены Ганклуба слишком хорошо воспитаны, чтобы выйти из Круга следом за мной.

Из наплечной сумки я достаю яйцо из компьютрониума. Оно тяжелое, холодное и очень красивое, словно снесено одной из птиц Фаберже. Глядя на рисунок в стиле модерн, легко забыть о сложной системе теплоотвода и миниатюрном до уровня атомов вычислительном устройстве внутри. На одно только это яйцо ушла большая часть моих доходов от транспортной пирамиды, но без него я не смог бы поддерживать вир книжной лавки и сохранять информацию Сирра. Перед тем как доставить

реконструированную пулю Вана в Ганклуб, я тщательно стер с нее все следы.

Мысленным приказом я открываю через яйцо кват-канал.

Матчек?

Ответ поступает через несколько секунд.

Да?

Помнишь, ты говорил, что хотел бы помочь Миели?

Долгая пауза.

Это было так давно. Но я помню.

Его голос изменился… Стал старше? У Ауна странное представление о времени. Интересно, сколько лет прошло в вире?

Ты еще можешь ей помочь, говорю я.

Скажи, что именно я должен сделать?

Кват доносит эхо такого сильного воодушевления, что у меня сводит зубы.

Несколько мгновений я молчу в нерешительности. Может, лучше просто сократить потери до минимума, сбежать отсюда, а потом отыскать другой путь? Нельзя втягивать в это дело Матчека. Какое я имею на это право?

Я встряхиваю головой. Надо спешить, и другого выхода у меня нет.

Хорошо, Матчек. Слушай меня внимательно. Запоминай и точно выполняй мои указания.

Я формирую сложную мысль, накладываю ее на изображение скаймскейпа и отсылаю Матчеку. Он с энтузиазмом принимает послание.

Затем я проверяю статус ядерных боеголовок, проданных юнцам зоку под видом детализированных копий Царь-бомбы. Любой не слишком внимательный проверяющий мог бы принять их за самые большие водородные бомбы, когда-либо изготовленные на Земле, тогда как на самом деле это замаскированные кват-передатчики. В середине у них имеются ионные ловушки, связанные с такими же устройствами в нуле Вана, а сложный состав слоев дейтерия и трития создан таким образом, чтобы послать тщательно смодулированный нейтринный сигнал, способный пройти сквозь световые годы свинца — или хотя бы сквозь стены Арсенала Ганклуба.

Несколько Царь-бомб, к моей радости, еще не использованы, хотя термоядерная война уже в полном разгаре. Я вижу, как Матчек запускает кват-линию в одну из бомб, словно джинна в бутылку. Я даю себе клятву загладить свою вину перед мальчиком, а потом молюсь всем воровским богам, чтобы они дали мне сил вынести тяжесть всех моих обещаний.

В противном случае нас ждет эпический провал, как любят

выражаться зоку.

— Мы будем счастливы принять ваше предложение, — говорю я Барбикену по возвращении в Круг, — однако...

— Что такое?

Я с сомнением смотрю на старейшину зоку.

— Не могли бы вы в ответ оказать мне одну услугу? Мне бы очень хотелось сопровождать вас и посмотреть знаменитый Арсенал. Может, я и дезертир, но я все еще солдат и люблю инструменты своего ремесла.

— Конечно, почему нет! — восклицает Барбикен. — Это наименьшее, что мы можем для тебя сделать.

Чехова разочарована. Я уверен, что ей не терпится принять истинный облик и покончить с этим делом. Но это было бы невежливо: Круг создан Барбикеном, и, покинув его, она потеряла бы лицо — и сцепленность. Я приветливо ей улыбаюсь, она сердито хмурится.

В кратере Торжис, где-то над Британскими островами, вспыхивает особенно мощный взрыв.

— Это Царь-бомба? — спрашиваю я.

Матчек, воспользовавшись сцепленностью и нейтринным потоком, переместился в Арсенал, в тело, заключенное внутри пули Вана.

— Клянусь Юпитером, ты прав! — отвечает Барбикен. — Какой ты сообразительный! Чехова, дорогая, перед нами настоящий ценитель древнего оружия! Ты должен осмотреть Арсенал! — Внезапно он хмурится. — Вот только спектр немного не соответствует норме. Ладно, значит, юнцам еще надо кое-чему поучиться! — Он энергично подталкивает меня массивной рукой-оружием. — Это все не важно. Там, куда мы отправимся, есть на что посмотреть!

От орбитального кольца перед нами отходит золотистый отросток, обвивающий поверхность Япета и уходящий за крутой горизонт, отчего спутник немного напоминает орех. Само кольцо представляет собой поток магнитных частиц, заключенных в трубу и разгоняемых электромагнитными полями до невероятной скорости, — другими словами, это гигантская кольцевая пушка. Отклонение части потока к принимающей станции на поверхности создает нечто вроде железнодорожной ветки. Поезд устремляется вниз, скользя между гигантским желтоватым глазом Сатурна и догорающими ядерными пожарами детской войны, а мы тем временем допиваем портвейн.

Арсенал Ганклуба зоку.

Это целая серия залов, расположенных под внушительным экваториальным хребтом Япета, включающим в себя самые значительные вершины во всей Солнечной системе. Некоторые залы протянулись на десятки километров, хотя в странном зеленовато-голубом освещении точные размеры определить трудно. Вопреки ожиданиям, стены здесь не из камня, они выглядят как свернутая в цилиндр небесная голубизна и почему-то сильно раздражают глаза. На этом веществе нет ни единой тени, возможно, это какая-то псевдоматерия, пикотехническая новинка, более прочная, чем все, что состоит из атомов.

Сами экспонаты грозными созвездиями висят в воздухе, ряды винтовок, пистолетов и орудий тянутся один за другим. Цвет оружия составляет резкий контраст с общим фоном: вороненая сталь, все оттенки оливкового в камуфляжной раскраске и серебристый блеск. Мне кажется, что я плыву над океанским дном, а вокруг движутся косяки рыб самых мрачных расцветок.

Барбикен, Чехова и я все так же остаемся в Круге и сидим в своих креслах в небольшой ку-сфере. Недостаток силы тяжести Япета компенсируется слабым давлением фоглетов на конечности. Мне это не нравится, как будто на руках и ногах повисли кандалы, а мне и без того слишком тревожно. Чехова напряженно ссутулилась на краешке сиденья и почти не смотрит на меня, зато Барбикен явно наслаждается ролью экскурсовода.

— Нам потребовалось немало времени, чтобы все это собрать! — говорит он. — Кроме того, мы сохраняем хотя бы один экземпляр всего, что изготавливают члены Клуба. И все в превосходном состоянии, в полной боевой готовности.

Между рядами оружия полупрозрачными медузами проплывают зоку в своем истинном виде. Время от времени сверкают вспышки и раздается грохот испытываемого оружия. В огромном зале почти не умолкает раскатистое эхо.

— Ха! — усмехается Барбикен, заметив, как я вздрагиваю. — Не бойся! Безопасность у нас на первом месте! Но оружием надо пользоваться! Это же не сборники комиксов, которые можно хранить в полимерной пленке! Все подсоединено к единому ганскейпу и может быть использовано любыми зоку, где бы они ни были!

Я улыбаюсь ему, а сам мысленно продолжаю отсчитывать секунды. Надо занять Барбикена и Чехову, пока Матчек не закончит свою часть работы. Что же его так задержало? Жаль, что сейчас я не могу выйти из Круга, чтобы это выяснить.

— Все это производит грандиозное впечатление, — говорю я. — Старинные предметы всегда очень интересно рассматривать. Но мне казалось, что изделия зоку намного масштабнее. Скажи,

какое самое большое орудие вы создали? Я хотел бы на него посмотреть. Я слышал, что у Соборности имеются солнечные лазеры, и всегда гадал, есть ли у вас нечто подобное.

Чехова как будто не слышит моего вопроса. А Барбикен оживленно подмигивает.

— Понятие «самое большое» здесь немного не подходит, — отвечает он. — К примеру, мы создаем разгонные двигатели для динамической поддержки членов из Супра. Но я могу показать тебе кое-что *поинтереснее*! — Он толкает локтем Чехову. — Ложная скромность здесь ни к чему, дорогая. Покажи ему!

Она вздыхает и жестом направляет ку-сферу дальше.

Следующий зал *огромен*.

Его содержимое — несколько пустотных кораблей. Это гигантские бескрылые стрекозы с серыми округлыми корпусами и многокилометровыми хвостами линейных ускорителей. Внутри сфер — идеальная отражающая поверхность: эти отсеки предназначены для хранения черных дыр с их излучением Хокинга в стабильном состоянии до момента взрыва.

Но действительно меня поражает объект, размещенный в центре зала. Своим внешним видом он отдаленно напоминает голову огромного насекомого. Его глаза, две шаровидные антенны, состоящие из прозрачных шестиугольников, сходятся в одной точке, и там что-то медленно вращается — множество серебристых шаров, соединенных спицами наподобие модели молекулы. Все это движется, и некоторые шары то исчезают, то появляются снова, сбивая с толку наблюдателя.

— Что это?

— Мое экпиротическое орудие, — бесстрастно отвечает Чехова.

— Оно не выглядит уж *очень* большим.

— Это всего лишь база. Стоит забросить его в массу, сравнимую с газовым гигантом, и она воспламенится. Хотя после Вспышки их осталось не так уж много.

— И как же оно работает?

— Устройство создает гравитационное возмущение, что приводит к появлению браны в высших измерениях массы нашего пространства-времени. Она отталкивается от браны Планка и сталкивается с первоначальной массой. В результате происходит Большой взрыв в миниатюре.

После этого становится легче понять точку зрения Большой Игры зоку на сложившуюся ситуацию.

— Создается впечатление, что это орудие нелегко точно навести на цель.

Я сверяюсь со своими внутренними часами. Чем *занимается*

Матчек? Я дал ему самые точные инструкции, и сейчас он уже должен быть на «Леблане». Согласно первоначальному плану, сразу после заключения сделки я собирался воспользоваться нейтринным потоком от взрыва Бомбы и по кват-каналу переместиться в пулю Вана, в спрятанное там тело — крошечный и почти незаметный сгусток интеллектуальной пыли, предназначенный для переправки на борт корабля, стоящего где-то в Арсенале. А уж потом ничто не помешает нам отсюда выбраться.

Но, похоже, мальчишка на что-то отвлекся.

— Скажи, старейшина, это необходимо? — спрашивает Чехова. — У меня есть дела поважнее, чем проводить экскурсии...

Я пытаюсь отыскать возможность на секунду выйти из Круга, но не рискую, вспомнив про внутренние системы безопасности Арсенала. Чтобы попасть сюда, мы прошли сквозь Врата Царства, где каждого по отдельности сканировали на атомном уровне на предмет возможной опасности. С ценными антикварными объектами они, безусловно, не осмелятся так поступить, чтобы не повредить драгоценную квантовую информацию, и именно на этом основывался мой план.

Я не даю Чеховой договорить.

— Очень интересно видеть здесь столько кораблей. Но ведь вы *Оружейный* Клуб, не так ли?

— Разница невелика! Подумай хотя бы о своей пуле Вана! Корабли — это те же орудия, не направленные на врага! Общества Робур и Немо черпают здесь вдохновение. — Барбикен задумчиво почесывает свои бакенбарды. — Нас очень часто неправильно понимают! Мы создаем орудия не ради разрушений, мы только проверяем свои силы! Орудийный снаряд против брони, корабль против пространства — это одно и то же!

Вдали слышится грохот.

Барбикен и Чехова одновременно смотрят вверх. Мне надо протянуть еще несколько секунд, и я решаюсь перейти к философской составляющей.

— Итак, вы не видите проблемы в том, что другие используют их на войне... — говорю я.

А через мгновение события начинают стремительно развиваться.

После серии последовательных взрывов Арсенал начинает греметь, словно барабан. Мимо нас с воем проносятся ракеты. Снаряды и пули рикошетом отскакивают от интеллектуальной материи стен. В зале позади нас одна за другой, словно падающие костяшки домино, срабатывают винтовки и пушки. Ку-сфера

вокруг нас под обстрелом обычных орудий обрела прочность адамантина и покрылась вспышками, напоминая звездное небо. Из-за непрекращающегося грохота включаются звуковые фильтры.

Потом медленно приходит в движение один из пустотных кораблей. Выступ его линейного ускорителя начинает покачиваться взад и вперед, словно оружие в руках пьяного.

Ку-сфера виляет в сторону. Но это не имеет значения, единственный выстрел, если до этого дойдет, способен разнести в пыль целый спутник.

Барбикен и Чехова покидают Круг. Она взрывается ярким созвездием фоглетов и сверкающих камней; он превращается в лишенную тела голову в цилиндре, окруженную бриллиантовым вихрем. Ну и черт с ними. Я ускоряюсь и бросаю Матчеку кват-послание.

Чем ты, черт возьми, занимаешься?

Виноватая пауза длится пару микросекунд.

Я получил доступ ко всем, приходит ответ. **Я просто хотел поиграть.**

Сейчас же прекрати и приходи за мной!

Мысленный посыл оказался более гневным, чем я рассчитывал. В отклике ощущаются жгучие слезы.

Хорошо, тихо говорит он. **Извини.**

Ладно, поторопись…

Меня обхватывают невидимые руки. Щупальца фоглетов окутывают сзади и поднимают в воздух. Где-то позади личность полковника Спармиенто лопается, словно мыльный пузырь. На фоне далеких ослепительных вспышек истинные сущности двух зоку буквально раскаляются добела.

Подожди, обращаюсь я к Матчеку. **Не прекращай стрельбу. Только держись подальше от пустотных кораблей!**

Глаза Барбикена наливаются яростью.

— Ты! — кричит он.

— Привет, Барбикен, — с трудом отвечаю я. — Давненько не виделись. — Я пытаюсь кивнуть в сторону Чеховой, но не в состоянии пошевелиться. — Жан ле Фламбер к вашим услугам.

— Ты наносишь непоправимый ущерб! — орет Барбикен. — Убирайся из нашего ганскейпа сейчас же!

Где-то в дальних залах снова гремят взрывы. На этот раз я уверен, что в канонаде участвуют и термоядерные заряды. По корпусу ближайшего пустотного корабля стучат какие-то обломки. Я крепко зажмуриваюсь, но это не помогает: за сомкнутыми веками пылает красное солнце, а по коже раскаленным скребком проходит череда ожогов второй степени.

— Боюсь, я не могу этого сделать. По крайней мере до тех

пор, пока не получу то, за чем пришел. Но если вы откроете выход из Арсенала, я постараюсь вам помочь.

— Ты хочешь получить «Леблан»? Почему ты сразу не попросил об этом?

— Так интереснее. К тому же я никогда тебе не доверял. Ну, так что будем делать?

Вдали появляется стройный темный силуэт. *Давай, парень, я не могу держать их целый день.*

— Ничего не выйдет.

— Как хотите.

Башня пустотного корабля продолжает двигаться, медленно, но неуклонно. Она натыкается на серебристую раковину — метагенератор времен Протокольной войны, как я понимаю из хаотичных пояснений спаймскейпа Арсенала, — и разбивает его.

— О боже. Это, на мой взгляд, действительно тяжелый урон.

Но этого недостаточно. Они в любой момент могут обнаружить Матчека. Надо найти что-то еще, что-то такое, что достало бы их даже за пределами Круга.

Барбикен несколько отличается от той личности, которую я знал раньше, но старейшины не меняются, по крайней мере, до тех пор, пока не присоединятся к другому сообществу зоку. *Возможно ли это?*

Но попытаться стоит.

— Госпожа Чехова, возможно, это вас заинтересует, — говорю я. — Ваш старейшина работает на Большую Игру.

Чехова таращится на Барбикена. Между ними пролетает вихрь сообщений, затуманивающий изображения спаймскейпа. Ее истинный облик искажается изумлением и гневом.

Мой незамысловатый метамозг улавливает лишь отдельные кваты из этой перепалки, да и то не в состоянии их перевести. Но я могу себе представить их диалог.

— Я бы никогда не поверила, но это все объясняет.

— Он блефует! Неужели ты не понимаешь? Он может говорить что угодно!

— Так вот почему ты заблокировал экпиротический тест, ублюдок, вот почему...

Новая вспышка слепит глаза. Мое синтбиотическое тело содрогается до самого ядра. Я только успеваю подумать, что Матчек выпустил снаряд Хокинга, и теперь все кончено. Но сознание не исчезает, и я понимаю, что гибель черной дыры не унесла наши жизни.

Зрение постепенно проясняется, и я обнаруживаю, что Барбикен возвращается к прежнему обличью, только теперь рядом с его головой парит серебристый овал ку-ружья. Я мягко падаю на

дно ку-сферы. Воздух сгущается от утилитарного тумана разбитых фоглетов и рассыпавшихся камней зоку. Чехова исчезает.

— Смотри, что ты заставил меня сделать! — кричит Барбикен. — Вернее, что я заставил сделать *тебя*! Такой будет официальная версия!

— Барбикен, неужели ты слабеешь с возрастом? Раньше в тебе горел огонь анархии. Помнишь дело с солнцедобывающими машинами? Тогда ты с радостью нарушал правила. Именно поэтому я и обратился к зоку для постройки кораблей.

— Ты опять играешь в какие-то игры, Жан! Как и всегда.

— О нет, я не играю. Только не в этот раз.

— Жан, не будь глупцом! Давай работать вместе! Нам известно о твоем посещении Земли. Нам необходима разведка. Соборность сходит с ума! Лучшего предложения тебе никогда не получить!

Я качаю головой.

— Я не работаю на конов, даже если они носят цилиндры, — отвечаю я. — А кстати, вот мое лучшее предложение: я покидаю вас — вместе со своим кораблем — или мы увидим, как будет выглядеть Япет с черной дырой внутри. Думаю, точно так же, как и Марс. Однако ты уже ничего не сможешь сказать по этому поводу, верно?

Барбикен колеблется. Я чувствую, как невидимый луч куружья упирается мне в лоб. Стискиваю зубы и стараюсь даже не моргать. Это довольно трудно, поскольку лазерные лучи, потоки частиц и кинетические снаряды затянули зал красно-белой паутиной.

— Убирайся отсюда! — рычит Барбикен после недолгой паузы.

В спаймскейпе я вижу, как распахиваются огромные ворота Арсенала.

Теперь можешь прекратить, говорю я Матчеку.

Это обязательно?

Да. И мы еще поговорим об этом позже, молодой человек.

Под нами поднимается «Леблан». Через кват-связь с Матчеком я уже ощущаю его прохладное прикосновение к своему разуму. Его темно-синий корпус не превышает десяти метров в длину, это нечто среднее между «Роллс-Ройс Сильвер Фантом» и космическим кораблем. Яркое пламя двигателей Хокинга выделяется на фоне общего хаоса Арсенала.

— Жан, ты совершаешь ошибку, — говорит Барбикен. — Оортианка примкнула к нам. Согласно нашему волеизъявлению она уже стала членом Большой Игры. Она все нам рассказала.

Дерьмо.

— Мы знаем, что ты не такой, как прежде. Ты можешь угрожать мелким зоку, но не более того. Мы *поймаем* тебя!

— Попробуйте, — отвечаю я. — А что касается оортианки, оставьте ее себе. — Я смотрю ему в глаза. — На нашу следующую встречу я возьму с собой не только игрушки.

А потом я прыгаю сквозь стенку ку-сферы и медленно опускаюсь к кораблю.

Мы будем наготове, беззвучно шепчут губы Барбикена.

Еще один залп орудий вспыхивает вокруг нас прощальным фейерверком, а потом я погружаюсь в прохладу темно-синего «Леблана».

Интерлюдия
БОГИНЯ И ЦВЕТОК

Жозефина Пеллегрини делает шаг, другой, морщится от боли в ногах. Мокрый песок липнет к босым ступням.

На пляже уже темно. Паутина карты Системы растаяла в призрачном сиянии. Даже море притихло. Демиурги заняты, они слушают ее и создают парциала. Проявляющийся гогол присоединяется к ней на ходу — это пустотелый призрак, песочная женщина, состоящая из множества кружащих в воздухе частиц. Она повторяет движения Жозефины шаг за шагом в ожидании мыслей и инструкций.

Жозефина передает ей воспоминания. Это не ее личная память, это воспоминания Прайма, безукоризненные, сохраненные в веках фрагменты, сверкающие, словно бриллианты. Они достались ей от копи-матери и сделали такой, какая она сейчас. Прежде чем направить их в жаждущий разум парциала, она задерживает каждое из них и пропускает через себя.

Период ее ветвления во дворце-лабиринте под сенью горы Кунапиии, когда ее Жан приходил к ней в последний раз.

Она вспоминает, как была Праймом, но только отрывками. *Прогулка по садам Творца Душ, когда она помогала ему пасти рои мыслей. Борьба в войне с самой собой в Давние Времена, против ветви, которая хотела погрузить в глубокий сон Дайсона целую губернию, чтобы оставить позади все проблемы и проснуться не раньше, чем галактика Андромеды заполнит небеса.*

Мысли Жозефины превратились в тени чего-то большего и многомерного, что не в состоянии воспринять разум, ограниченный виром-сном.

Однако она хорошо помнит свои чувства в момент, когда вошел вор.

Сначала его нигде не было видно, и вот он уже здесь, стоит и греет руки в пламени черной дыры в цилиндрической комнате, в самом сердце ее лабиринта. Один из ее гоголов сразу же распознает дешевый трюк — тщательно размещенные покровы пространства-времени, скрывающие движение вора по лабиринту даже от ее глаз.

Он в теле из плоти, в массивной голубой броне зоку — не совсем материя, не совсем свет — и с ореолом квантовых камней, соответствующих защите. Она надеется, что камни не предназначены ей. Он уже отдал ей множество камней, и все

приносили лишь разочарование.

По сравнению с ней он совсем маленький. Она присутствует в скале и атмосфере, и в компьютрониуме под корой планеты, и в нитевидных колебаниях горизонта событий черной дыры. Он лишь смешение углеродных атомов и сцепленностей, ку-точек и воды и едва достигает роста наименьшего из ее гоголов.

И тем не менее...

Она создает себе облик из модулированного излучения Хокинга и выходит ему навстречу из пламени черной дыры. Гоголы показывают, как она выглядит в его глазах: величественная фигура из голубого огня в ожерелье из звезд. Интенсивность излучения она удерживает на уровне чуть меньшем, чем способна отразить его броня.

— Уже вернулся? — спрашивает она голосом из гамма-лучей. Ее слова прожигают наружный слой брони. — Не прошло и двух столетий. Неужели Марс тебе так быстро наскучил?

Он прикрывает рукой лицо.

— Жизнь на Марсе была... весьма познавательной, — говорит он. — Не могла бы ты уменьшить жар? Боюсь, мои глаза не выдержат.

— Как скажешь.

Ей достаточно одной мысли, чтобы испарить его и залить в мыслеформу в своем вире. Гоголы не знают, что делать с драгоценностями зоку, и она просто оставляет их рассыпанными по полу в зале черной дыры, словно забытые игрушки.

Они вдвоем стоят в вире рядом с журчащим фонтаном под звездным небом. Теперь она тоже во плоти, облаченная в любимое платье, в самой царственной мыслеформе из ее Библиотеки. А он повторяет тот же облик, в котором пришел, все в том же превосходно сидящем темно-синем костюме, но кажется немного старше, чем она помнит. Он потирает переносицу.

— Так-то лучше, — говорит вор.

— Правда? Разве ты не был доволен предыдущей сущностью? Твоей Раймонде она очень нравилась. Бедняжка. Она, наверно, очень по тебе скучает. — Она поправляет кольцо. — Может, надо было перенести ее сюда, вместе с остальными людьми с Марса.

— Жозефина...

— Неужели ты думаешь, что можешь играть с мелкими людишками, а потом безнаказанно приползти обратно ко мне? Твои другие сущности так и поступили. Как ты считаешь, что я с ними сделала?

— Я думаю, ты проявила абсолютную справедливость. — Он разводит руками. — Мне сказали, что ты приходишь сюда, чтобы

помолиться богине. И я поступил так же.

— Чего ты хочешь?

— Как ни странно, я пришел по делу.

— Понятно. А почему бы мне не приказать своим гоголам прямо здесь и сейчас поглотить тебя и наконец выяснить, есть ли у тебя в голове что-то полезное?

— Не надо оскорблять меня предположением, что я не принял меры предосторожности, — отвечает он, постукивая пальцем по виску. — Только тронь меня, и все, что я пришел предложить, сгорит. Я имел в виду тронуть с *дурными намерениями*, — усмехаясь, добавляет он.

— Не испытывай мое терпение, Жан.

— Мне нет необходимости его испытывать.

— В таком случае ты понимаешь, что не стоит медлить.

— Разве? Даже здесь, когда у нас в запасе все время мира? Когда каждая минута стоит меньше базовой пикосекунды? После того как мы не виделись — ну, по крайней мере, я не видел тебя — почти две сотни лет? Ты с возрастом становишься еще более нетерпеливой.

Она вздыхает и усаживается на ступеньки фонтана.

— Это не удивительно, когда приходится идти по канату между сестрами и братьями Основателями, способными вонзить нож в спину, и фанатиком, который возжелал победить смерть. При этом приходится еще и следить, чтобы они в своей смехотворной войне не разорвали Систему в клочья. Это совсем не то, что проектировать здания и заводить любовные интрижки на Марсе.

Он опускается рядом, но предусмотрительно выбирает ступеньку пониже. Затем он обхватывает руками колено и отклоняется назад.

— Я понимаю. Потому и пришел сюда. Похоже, ситуация ухудшится.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Матчек Чен завладел камнем Каминари.

Она глубоко вздыхает.

— Почему ты говоришь об этом мне?

— А как ты думаешь? Потому что я собираюсь его украсть.

Она смеется.

— Я должна была это предвидеть, — говорит она. — И я полагаю, тебе требуется моя помощь?

— Не совсем так. — Он берет ее левую руку. Ладонь у него теплая и крепкая. — Жозефина, если я потерплю неудачу, ты знаешь, каким будет мой конец.

Он взмахивает свободной рукой, и между большим и

указательным пальцем неожиданно появляется цветок с яркими заостренными лепестками.

— Он поможет тебе отыскать меня, когда это произойдет. То есть, если ты этого захочешь.

Она берет цветок. *Умный маленький вор.* В материи Цветка закодирована информация, переведенная ее гоголами в форму вира. На молекулярном уровне лепестки представляют собой бесчисленные ряды остроконечных соборов, содержащих данные. Они устанавливают рамки модальной логики и доказуемые свойства работы нейронов, как у гогола. Цветок — это пустая оболочка личности, ждущая своего заполнения.

— Как это романтично, Жан, — произносит она. — Ты просишь меня спасти тебя из тюрьмы даром? А не лучше ли попросить напильник в пироге?

— Ты никогда не была сильна в кулинарии, особенно в выпечке. И я даже на мгновение не допускал мысли о том, что из тюрьмы можно выбраться даром.

Она на мгновение замораживает его в замедленном времени, а сама отдаст приказ боевым гоголам проверить цветок на наличие ловушек. Гоголы ничего не находят. Только тогда Жозефина возвращает нормальное течение времени и вдыхает аромат цветка. Тонкий приятный запах с оттенком меда, напоминающий о лете.

— Жан, — говорит она, ощущая в груди странное тепло. — Это ведь *Матчек*. Ты потерпишь крах, и мне кажется, сам об этом знаешь. Зачем ты идешь на это? На Марсе, среди маленьких людей, ты был счастлив.

— Я не думал, что для тебя это имеет значение.

— Не имеет. Я просто считаю, что, присматривая за тобой, оказываю услугу Системе.

Он опускает взгляд.

— Однажды я беседовал с женщиной Каминари, — отвечает он. — Еще до Вспышки. Не смотри на меня так, это не то, что ты думаешь, мы были просто друзьями. Но как-то раз на Ганимеде мы ударились в философию. Она говорила, что Вселенная — это игра. Значит, мы — участники этой игры. И нам не дано увидеть недозволенные ходы. Как в шахматах. Черно-белое поле сулит идеальную свободу, но правила создают невидимые преграды. Две клетки вперед, одна влево. Одна влево, весь ряд вперед или назад, одна вправо. И это все, что мы видим. На то есть свои причины, сказала она. Алгоритмическая сложность. Вселенная — это квантовый компьютер, и с течением времени выведение какой-то структуры становится предпочтительнее, чем создаваемые ею помехи. Отсюда правила и схемы. Такова игра.

Но если проведешь в ней достаточно много времени, начнешь видеть игровой движок, лабиринт квантовой схемы, цепляющиеся друг за друга контуры, прямые и обратные ходы.

— Все это похоже на обычную болтовню зоку, — презрительно усмехается Жозефина.

Вор вздыхает.

— Возможно. После этого она заговорила об их древней легенде, о существе с миллиардом жизней, называемом Спящий. В конце концов коалиция тысячи гильдий убила его, и Спящий выронил маленький заржавевший кинжал. Но хватит об этом. Я устал от игр. Марса стало недостаточно. И ты права, я здорово запутался. Хочется чего-то новенького.

— И ты думаешь, что камень тебе в этом поможет?

— Не знаю, но хотелось бы попробовать.

— Жан, я знаю тебя, как никто другой. Ты никогда не остановишься. Всегда найдется что-то, что ты захочешь украсть.

Он бросает на нес притворно скучающий взгляд.

— Ну, не знаю, — говорит он. — Я думаю, еще разок и хватит. Но, может быть, всегда так думал. — Он поднимается. — Прощай, Жозефина. Если нам суждено встретиться еще раз, это произойдет по твоей инициативе.

— Разве я позволила тебе уйти? — спрашивает она более суровым тоном.

— Да я и не ухожу. Я никогда не рискнул бы сюда прийти, если бы собирался уходить. Это всего лишь моя новая ветвь, созданная специально для тебя. А твой контур самоуничтожения? Я его давно уже украл.

— Жан...

Она тянется к его основе, к его мыслеформе, но уже поздно.

— Знаешь, это неплохая практика на будущее. Даже если разветвляться перед прыжком в никуда, надо иметь решимость сделать это самостоятельно. Прими это как комплимент, Жозефина: если бы мне предстояло прийти сюда впервые, мне было бы нелегко собраться с духом. Береги себя. Рад был повидаться.

Он закрывает глаза. Вздрагивает. Мыслеформа стоит все так же, грудь поднимается и опускается, но Жозефина знает, что гогола внутри уже нет.

Она еще долго сидит на ступеньке, смотрит на неподвижную фигуру вора, на его застывшее, умиротворенное лицо. И вертит в пальцах цветок. Наконец она встает и ласково прикасается к лицу Жана рукой, на которой кольцо.

А потом начинает размышлять, как выгоднее выдать его Матчеку Чену.

Глава седьмая
МИЕЛИ И ЛАКРИЧНЫЕ ЗОКУ

Квантовый спам-дождь застает Миели за пением в ее новом садике.

Она сидит в тени молодого водооткачивающего дерева и напевает мелодию, меняющуюся по тону и темпу. Мелодия помогает смарт-кораллу отрастить тонкие щупальца, обвить ими почву и сделать ее плотнее, чем может слабая гравитация Обширной Чаши. В теплом и влажном воздухе чувствуется кисловатое дыхание водооткачивающего дерева. В песню Миели вплетаются пронзительные крики молодых пауков ананси. Они проворно бегают по ветвям, оплетая их алмазными нитями паутины. Горизонт изогнут дугой. Высоко над головой ледяное, слабо просвечивающее небо, а за ним точно такие же сферы.

Только часть окружающего мира реальна, насколько вообще здесь что-то можно считать *реальным*. Как и большинство обитателей Супра, Миели теперь член Хёйзинга[19]-зоку, зоку Кругов. В пределах своего Круга она вольна определять реальность и ее законы по собственному желанию. Она поеживается при воспоминании о мучениях при создании Круга, когда ее мир сначала превратился в плоскую картинку без третьего измерения, а потом — в серый туман, где физической формой обладали только звуки.

Лишь после подсказки Зинды Миели неохотно трансформировала свою тоску по Оорту в желание и через камень Хёйзинга вплела его в волеизъявление зоку. Уже в следующее мгновение несколько тысяч членов сообщества прислали ей кваты готовых оортианских Кругов и спаймов Царств — начиная с мегапроектов конструирования игровых Царств и заканчивая подробнейшими описаниями Кругов с исследованиями тендерной динамики в оортианском кото. Последний проект Миели нашла самым многообещающим, но, реализовав его, обнаружила, что общение в этом мире возможно только через пение и движения крыльев, а сексуальная активность исключена полностью. Тем не менее этого было достаточно, чтобы создать клочок реальности, совпадающей с ее воспоминаниями.

Теперь она могла представить себе, что вернулась в Оорт. Почти.

Пение дается ей легко, и под ногами Миели ощущает движение почвы. Она уже вырастила несколько кустов облачных ягод. Теперь очередь за векторными кустами и, может быть,

маленькой рощицей фениксов. Это занятие почти заполняет пустоту в ее груди.

В глубине души Миели боится заканчивать песню. После песен живым существам настанет время для песен мертвым. Она несколько недель работала над песней для «Перхонен», но пока горе скрыто под покровом солнечного света и спокойствия, Миели доступны лишь отдельные фрагменты. При общении с другими зоку она постоянно прибегает к помощи метамозга, чтобы контролировать свои мысли и эмоции. И каждый раз чувствует себя как бабочка, зажатая между двумя стеклянными пластинами. Но она отказывается прикасаться к своему горю, и оно остается дикой колючкой в упорядоченном садике ее разума.

Первый упавший камень она по ошибке принимает за каплю воды, сорвавшуюся с паутины ананси. Но за ним следуют другие: сначала медленно, словно блики света, исчезающие в траве, а затем начинается настоящий стеклянный град, бьющий по листьям водооткачивающего дерева со звуком, напоминающим приглушенную пулеметную очередь. Крошечный камешек царапает Миели щеку. В голове вспыхивает желание присоединиться к зоку в создании полномасштабной копии древнего воображаемого космического корабля на поверхности Реи. Миели отмахивается от него и прижимается к пульсирующему стволу водооткачивающего дерева.

Падающие камни становятся крупнее, они рвут паутину ананси и сбивают паучков на землю. На почве от них остаются маленькие кратеры, а лужайка облачных ягод исчезает на глазах. Миели нащупывает связь с зоку Чаши, отвечающими за инфраструктуру, и посылает полный отчаяния кват с просьбой установить ку-зонтик над ее садом.

Возник конфликт с замками Шредера твоего Круга, приходит ответ. У Миели вырывается стон. Какие-то установки ее Круга явно исключают неоортианские технологии.

Она выбегает под дождь и, развернув крылья, пытается спасти хотя бы часть нежных ягод. На нее обрушивается ливень раскаленных камней. Вместе с тем мозг подвергается бомбардировке предложениями о сцепленности. Мегапроект машины времени! Разгадка Парадокса Ферми! Воскрешение святой Макгонигал — наше общее спасение!

— Перкеле[20]! — выкрикивает она ругательство и сквозь безумный грохот спама проталкивает запрос Хёйзинга-зоку. Ее Круг, сверкнув серебром, сворачивается. Ледяное небо исчезает. Горизонт вместо привычной в кото чаши превращается в бесконечную кривую поверхности Сатурна, перечеркнутую громадными зеленовато-голубыми арками Полос и

поддерживающими их дымчатыми столбами масс-потоков. Вокруг маленького шестиугольника Миели возникает головокружительная лестница Обширной Чаши — колоссальная череда восходящих ступеней с разной степенью силы притяжения: на каждой верхней ступени гравитация чуть ниже, чем на предыдущей. Лестница тянется вверх почти на два километра, начинаясь с уровня в один g на охристых штрихах в манере Ван Гога, покрывающих поверхность гигантской планеты.

Наконец с легким щелчком и запахом озона появляется мерцающий купол ку-зонта. Еще пара тонких струек мелких камешков осыпается с водооткачивающих деревьев, а затем в саду воцаряется тишина.

Миели оценивает разрушения. Крылья и голова очень болят. Под ногами хрустит слой камней. Вся зелень скрылась под многоцветными сверкающими россыпями. Миели вздыхает и призывает от зоку Чаши рой ботов из утилитарного тумана для очистки территории.

На этот раз они материализуются мгновенно: воздух начинает дрожать, словно от жары, и камни спама, поднимаясь вихрями и спиралями, уплывают с земли. Миели подумывает, не приказать ли ботам восстановить первоначальный вид сада, но отказывается от своего намерения. Карху всегда советовал ей сохранять напоминания о совершенных ошибках.

Миели? Это кват от Зинды, вместе с ним появляется ощутимое впечатление чувственности, запах ладана и блеск перечеркнутого кольцом вечернего неба над балконом участницы Большой Игры. **Ты в порядке?**

Все отлично, отвечает Миели, ограничиваясь кратким словесным посланием. **Что ты хотела?**

Просто проверить, как у тебя дела! Я получила отзвук волеизъявления о том, что ты нуждаешься в какой-то помощи. Мы ведь теперь сцеплены, не забывай. Следует небольшая пауза. **Ах, дорогая, мы допустили чудовищную ошибку. Не надо было селить тебя на Обширной: спам-зоку считают, что недавно присоединившиеся и экспаты могут стать легкой добычей, а зоку Чаши не слишком торопятся их обуздать. Ты уверена, что не хочешь в Царство?**

Миели молча проклинает свою неосторожность. Надо внимательнее сдерживать свои чувства и мысли. Похоже, что ее волеизъявление без ее ведома частично передалось камню Большой Игры. И она еще не слишком уверенно обращается с кват-связью, позволяя Зинде видеть то, что видит она сама.

Да, я уверена.

Как жаль! Но я тебя понимаю. Этим отличаются многие Эйгон-зоку. Но если я могу для тебя что-нибудь сделать, дай мне знать. Да, и если ты закончила, не согласишься ли со мной поужинать?

Миели вздыхает. По всей видимости, Зинда искренне хочет помочь ей устроиться. Приняв камень Большой Игры, Миели ожидала, что ее отошлют в какое-нибудь странное Царство, где будут спрашивать о Соборности, а затем последует награда или наказание. Вместо этого Зинда в качестве прикрытия устроила ей присоединение к Мираж-зоку, занимающимся взаимопроникновением музыки и материи, переводом звуков в материальную форму, и имеющим в своих рядах несколько эмигрантов с Оорта. Очень кстати пришлось и то обстоятельство, что Мираж-зоку массу времени посвящали индивидуальным проектам, и проявления общей воли сводились к приглашениям на краткие обсуждения качеств Вселенной, которая могла бы развиться из теоретически возможной частицы в случае конвертирования симфонии в компоненты системы преобразований Фурье для операторов рождения/уничтожения. В последние две недели Миели в основном была предоставлена самой себе.

Нет, спасибо.

Клянусь, я неплохо готовлю.

В другой раз, может быть.

Как хочешь. Только не забывай поесть. Скоро тебе потребуются все твои силы.

Почему?

Подожди немного! Вместе с кватом приходит ощущение двигающегося века подмигивающей Зинды. Миели невольно вздрагивает, и на этом присутствие девушки-зоку пропадает.

Миели вздыхает. После очистки в садике остались горы перерытой земли, потрепанные водооткачивающие деревья и несколько рассерженных ананси, выбирающихся из норок в почве. *По крайней мере, работа отвлечет меня на некоторое время.*

Миели подбрасывает ногой ком земли. Напрасная трата времени. Наверное, *надо было* принять приглашение Зинды на ужин, сблизиться с ней, выяснить что-нибудь еще о Большой Игре и камне Каминари. Притворяться кем-то другим, внедряться в стан противника — все это было работой вора, а не Миели.

После дождя она чувствует себя грязной и внезапно понимает, как скучает по сауне. Может, попросить зоку Чаши устроить ей нечто подобное где-нибудь наверху, на ступенях с низкой гравитацией?

Неожиданно приходит волеизъявление, и Миели

обнаруживает, что камень Большой Игры интенсивно пульсирует. Прежде чем она успевает дать команду метамозгу подавить мысль, в голове возникает решение, как будто пришедшее после долгих раздумий. Конечно. Через двадцать субъективных минут ей надо быть на Чаше Ирем.

Ее вызывает Большая Игра.

Стремление подчиниться зову ноет в ее голове, словно боль. В отличие от шепота Мираж-зоку или сообщества Чаши, требование Большой Игры не отличается деликатностью. Миели сопротивляется ему ровно столько, сколько нужно, чтобы наскоро принять душ из фоглетов. Она погружается в туманное облако наноботов, предоставляя им чистить и скрести кожу. После душа тело краснеет и расслабляется, но при этом Миели чувствует себя собранной.

Она фабрикует себе новую одежду и призывает свою квантовую сущность. Все камни, разбросанные по разным уголкам, начинают светиться, поднимаются, словно испуганные птицы, и образуют вокруг ее головы не слишком богатую Солнечную систему.

Совокупность камней является квантовым продолжением Миели, вместилищем света, который воплощает ее связь с другими зоку. С их точки зрения, не сменная плоть, а именно камни и их квантовое состояние характеризуют ее сущность. Миели ловит себя на мысли, что предпочитает бесконечное самокопирование Соборности. *Надо было позволить Пеллегрини создать гогола «Перхонен».*

Но Большая Игра не оставляет ей времени для сожалений. Миели встряхивает головой и дает команду Чаше запечатать ее шестиугольник и позаботиться об ананси и оставшихся растениях. Затем она смотрит на камень Метро-зоку — белый диск с красной каймой и синей поперечной полосой — и выражает желание перенестись на Ирем, но с оговоркой: избегать перемещения по Царствам и оставаться в физическом мире, насколько это возможно.

В следующее мгновение кожу начинает легонько пощипывать, воздух мерцает и сгущается, и Миели поднимается вверх в окружившей ее транспортной ку-сфере. В животе появляется легкая дрожь, а потом Миели летит, летит с такой скоростью, на какую не способны даже ее крылья.

Сначала ку-сфера разгоняется до нескольких десятков g, при этом мягко, но прочно охватывая наноботами каждую клетку, чтобы не допустить повреждений. Миели чувствует себя в

безопасности, поскольку ее мозг окутан успокаивающим присутствием Метро-зоку. За несколько секунд мимо нее проносятся разнообразные шестиугольники и Круги, а также лестница Обширной Чаши, словно воплощенная математика, а потом все сливается в непроницаемый однообразный тоннель.

Внезапно тоннель исчезает, и Миели обнаруживает, что оказалась *под* Чашей. Сфера проплывает по брахистохроне масс-потока, пересекающего участок вакуума между верхними слоями атмосферы Сатурна и основной оболочкой города Супра. Это фосфоресцирующий цилиндр, в котором частицы окиси железа движутся по замкнутому циклу с невероятной скоростью. Пока Миели разглядывает окружающую обстановку, сфера своим электромагнитным полем цепляет поток и за несколько мгновений достигает скорости двадцать тысяч километров в час.

Наверху обратная сторона перевернутого мира Чаши Видящих — беспорядочные нагромождения искусственных скал и плоскогорий Нижнего моря. Там полно зоку в телах кайдзю[21] со множеством щупалец, которым отдают предпочтение, когда играют в древних богов из чужих миров. Столбы масс-потока, поддерживающие грандиозную структуру, кажутся пучками светящихся нитей, исчезающих далеко внизу в тумане Сатурна. Вдоль них идет интенсивное движение — от мириад транспортных сфер до грозных паукогородов пиратов-зоку. К счастью, под сферой Миели в нескольких тысячах километров виднеется только один такой корабль. Это черное остроносое чудовище со множеством конечностей, в котором живут сотни тысяч видоизмененных зоку. Корабль переносится из одного потока в другой и стреляет камнями пиратов в беспечных путешественников, чтобы привлечь их в свою команду и отправиться в бездонные глубины Сатурна на поиски квантовых сокровищ.

Миели попадает в облако сфер, движущихся в одном направлении. Внутри полно истинных и видоизмененных зоку, гуманоидов самых разнообразных форм и оттенков. Синекожий великан с ухмыляющимся сапфировым черепом и в защитном панцире посылает Миели кват с приглашением присоединиться к сообществу Оседлавших Бурю, которое намерено погрузиться в шестиугольник на Южном Полюсе. Многорукие любовники, образовавшие невероятное сплетение плоти, зовут ее с собой для изучения тантрического языка. Миели отвергает все приглашения, дает команду своей квантовой сущности блокировать послания и продолжает полет.

Наконец Миели приближается к Чаше Ирем, и ку-сфера начинает плавный подъем по изгибающемуся потоку. Процесс

сооружения Чаши еще не закончен. Сквозь стыки между шестиугольниками пробивается яркий свет фабрикаторов, по своей величине сравнимых с целыми материками. Масс-потоков, питающих искусственный континент, так много, что кажется, будто это нити, сплетающиеся в новый ландшафт.

Ку-сфера ныряет в проем, и Миели успевает заметить в полости Чаши сложный механизм самособирающегося комплекса: похожие на гигантских змей трубы сворачиваются в многогранники и другие сложные фигуры, образуя скелет будущих гор и холмов. Все это отдаленно напоминает ей Большую Работу Оорта, которой она занималась в юности: цепочки связанных между собой комет, под действием гравитации принимающие форму спиралевидной молекулы протеина.

Но масштаб здешних работ намного превосходит ее творения. Миели хочется зажмуриться, но она заставляет себя держать глаза открытыми. Она обязана помнить, где находится. И обязана помнить, кем сейчас должна быть. Человек Тьмы может в один миг поглотить сферу, но Миели не боится. Даже одна нота способна изменить песню. И бабочка способна изменить направление шторма, будь он даже размером с планету, как вихрь, бушующий в глубине Сатурна, готовый уничтожить Чашу Ирем в случае ее падения.

Ку-сфера оставляет ее посреди пустынного материка, на огромном сером плато, освещенном бледным рассеянным солнечным светом. Почва под ногами состоит из нотч-кубиков — одинаковых брикетов серого цвета, размером с кулак. Они такие горячие, что трудно устоять, но, ощущая присутствие Миели, охлаждаются, отдавая излишнее тепло во все стороны. Это макроскопические эквиваленты ку-точек, основной строительный материал большей части зданий в Сунра.

Вокруг совершенно пусто, только на горизонте виднеется гигантская статуя: массивный, грубо высеченный монумент, изображающий мужчину с киркой, — оставленный в новой Чаше символ создателей этой конструкции. То и дело слышится глухой грохот работающих машин, и откуда-то снизу поднимается волна дрожи. Легкий ветерок несет слабый запах раскаленного металла.

Уложенные правильными рядами кубики заставляют Миели чувствовать себя шахматной фигурой на огромной доске, ждущей, что с неба протянется рука и передвинет ее. *Что я здесь делаю?*

От внутренней системы приходит сигнал тревоги. В вихре ветра появляется еще одна сфера. Перед Миели мелькает пылающая медуза истинного облика зоку, но затем пассажир сферы принимает измененный вид, который отличается еще

большей эксцентричностью: набор серебристых шаров с ярко накрашенными женскими губами. Шары без всякой видимой закономерности то появляются, то исчезают. Рты постоянно разговаривают тихими женскими голосами, сливающимися в непрерывную какофонию. Тем не менее существо кажется отдаленно знакомым — это проявляется инстинктивное узнавание зоку одного и того же сообщества.

Идентификация: Анти-де-Ситтер[22]-Времен-и-Сфер, поступает кват, сопровождаемый вихрем абсолютно неизвестных Миели геометрических понятий.

— Привет, — говорит она. — Меня зовут Миели.

Шары начинают стремительно вращаться, потрескивая электричеством.

Взаимно-однозначное соответствие: Метис. Конечный пункт: временоподобная геодезия. Спектр интенсивного воздействия: гнев. На этот раз кват приносит эмоции: волна отвращения заставляет Миели попятиться.

Черт. Протокольная война. Она знает меня по Протокольной войне.

Миели не успевает ответить, как раздается щелчок, словно пальцем по надутым губам, и появляется еще одна транспортная сфера.

Вновь прибывший принадлежит к племени Быстрых — это крошечный человечек верхом на четвероногом красноглазом крылатом существе. Скакун не больше, чем ананси, и они оба могли бы поместиться на ладони Миели, если бы всадник не был облачен в черную броню, усыпанную шипами. Человечек отвешивает поклон, не спешиваясь.

— Приветствуюваследи! СэрМикквашимуслугам! — выпаливает он пронзительной скороговоркой.

Анти-де-Ситтер опять начинает потрескивать искрами, и Миели замечает, как странная пара обменивается потоком кватов.

— Друг! Вызываюнадуэль! — пищит сэр Мик, размахивая мечом чуть больше иголки.

Один из шаров Анти-де-Ситтер начинает наливаться светом.

Миели активирует боевые системы.

Раздается еще один щелчок.

— Отлично, — произносит Зинда. — Вся команда уже в сборе!

Зоку встает рядом с Миели. На ней костюм самурая, в руке нагината из горного Царства, где они впервые встретились, а маска кролика сдвинута наверх.

— Я очень взволнована — это наша первая общая миссия.

— Куутар и Ильматар! Что мы все здесь делаем? —

спрашивает Миели, не сводя глаз с трех зоку.

— Разве камень тебе не сообщил? Полагаю, у нас еще недостаточно высокий уровень сцепленности, или, скорее, разделения волеизъявления. Тебе понравится, Миели. — Зинда улыбается. — Мы собираемся похитить разум Основателя Соборности.

Я же говорила, что они будут ненавидеть меня, передает Миели кват Зинде.

Ой, прекрати, они просто еще не знают тебя. После инструктажа все изменится к лучшему, я обещаю.

Инструктаж? Я думала, ты всего лишь простой агент.

Да, так и было! Но меня повысили после того, как я привлекла тебя к работе. Вместе с кватом приходит задумчивая улыбка. **Теперь у меня почти не остается времени для первичного сообщества. И ты права: мне надо было сотворить новый образ, но я подумала, что будет лучше выглядеть так же, как при первой встрече. Это придает мне уверенности!**

— Ну, ладно, — произносит Зинда вслух. — Прошу всех успокоиться. Сейчас я создам Круг, чтобы нам было удобнее говорить. Миели присоединилась к нам совсем недавно и еще испытывает трудности с кватами. Давайте относиться друг к другу внимательнее.

Сэр Мик сердито поглядывает на Миели. Многочисленные рты на шарах Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер сжались в тонкие линии.

Зинда взмахивает руками, и вокруг них на мощеной поверхности появляется серебристая окружность: через камень Хёйзинга-зоку Миели получает свод правил: *Никакого насилия. Только базовые тела. Разрешение конфликтов при помощи переговоров. Кваты можно использовать только для передачи данных. Начисление очков за взаимодействие в команде.*

Щелкают замки Шредера, и Миели ощущает странную фантомную боль, вызванную отключением боевых систем. Она мысленно прикидывает, насколько прочны замки: вероятно, они действуют через связь камня Хёйзинга с ее мозгом, и метамозг при необходимости сможет их отключить.

Теперь ее товарищи по команде начинают играть по правилам: Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер становится женщиной с пухлыми губами и классическими чертами продолговатого лица, в платье цвета ржавчины и с цветами и лентами в пепельных волосах. Сэр Мик увеличивается в размере, немного не дотягивая до пропорций базового тела, сохраняя при этом большие глаза, растрепанные волосы, заостренные уши и недоверчивое

выражение лица.

Зинда вертит в руках нагинату.

— Так-то лучше! Теперь я должна передать вам в квате некоторые данные, но основное объясню на словах. Волеизъявление зоку собрало вас вместе в силу наилучшего для этой миссии сочетания способностей: криптография, — она указывает на Анти-де-Ситтер, — пространственная координация, навигация и транспортировка, — кивает на Мика, — и, что самое важное, глубокое знание тактики Соборности и соответствующих коммуникационных протоколов. — Она похлопывает по плечу Миели. — Вот причина, по которой мы здесь собрались.

Зинда делает глубокий вдох, при этом в ее глазах на мгновение проскальзывает выражение растерянности. *Она слишком молода,* думает Миели. *Или это просто игра, часть ее видоизмененного образа.*

— Есть ли с этим какие-то проблемы? — спрашивает Зинда.

Воцаряется молчание. Мик, саркастически улыбаясь, откидывается назад и складывает руки на груди. Анти-де-Ситтер закрывает глаза и раскачивается на пятках взад и вперед.

— Нет? Очень хорошо. В таком случае, я думаю, пора перейти к конкретному плану. Сейчас позвольте показать вам, что творится во Внутренней Системе, — продолжает Зинда.

Переданный в квате спайм показывает в центре их маленького Круга сложную диаграмму: трехмерное сплетение цветных секторов, потоков и векторов.

Еще через мгновение Миели понимает, что перед ней текущая структура власти в Системе в представлении Большой Игры, детализированная схема, обновляющаяся в режиме реального времени благодаря агентам зоку в сети маршрутизаторов. Получить информацию в Супра нетрудно: как в случае с любым поддающимся количественному определению источником, есть зоку, которые стремятся устроить вокруг него игру. Но Миели в течение нескольких последних недель намеренно избегала любых новостей из Внутренней Системы и теперь впервые видит масштабы конфликта.

Пеллегрини, василевы и сянь-ку вступили в войну. Их *губерний* превратились в центры *районных* потоков и выбрасывают колоссальное количество тепла и материи. Основные сражения с применением экзотических орудий сосредоточены вокруг солнцедобывающих комплексов и Магистрали. Границы конфликта расширились до Пояса и расходятся еще дальше, к троянцам Юпитера и даже его оставшимся после Вспышки осколкам. Остальные Основатели затаились, они выжидают подходящего момента и укрепляют свои территории. *Губерния*

Чена все еще находится в точке Лагранжа между Землей и Луной, хотя об *областях* и *районах* Чена спайм не дает четкого представления, изображение строится на показаниях сенсоров, а не на данных разведки.

— Думаю, ситуация понятна, — говорит Зинда. — Обычно мы внедряли агентов во все копикланы. Но теперь все иначе. В клане ченов мы лишились всех шпионов. И возникла проблема: до сих пор они сохраняли нейтралитет, но в любой момент могут принять то или иное решение. Мы ожидали, что они поддержат пеллегрини, но этого не происходит. После вступления в войну Драконов мы потеряли возможность следить за самым ожесточенным конфликтом в Соборности. Призраки-зоку клянутся, что в самом конфликте таится нечто странное, но они не могут с уверенностью сказать, что именно. И нам предстоит это выяснить. В настоящий момент зоку ведут против ченов несколько тысяч разведывательных операций. Но мы, дорогие друзья, имеем возможность завоевать славу и сцепленность для наших зоку. — Зинда поворачивается к Миели. — Миели, не могла бы ты рассказать нам о структуре власти на боевых кораблях Соборности?

Миели сосредоточенно хмурится.

— Большая часть гоголов создается с учетом той цели, для которой предназначен корабль: воинствующие разумы и бойцы. Имеется также командующий гогол из старшего поколения, и его ранг тоже зависит от миссии. И еще...

— Гогол Чена в качестве наблюдателя, защищающего интересы Соборности даже в период конфликтов между Основателями, так со времен Драконьих войн. — Зинда улыбается. — В случае уничтожения корабля чен, как правило, эвакуируется в мыслевихре. Вот тут мы его и схватим: мы будем следить за боями гражданской войны (перестрелка между *районами* — это все, что нам нужно) и искать мыслевихри. Мик составит сеть ку-точек и позаботится о навигации. Миели убедит мыслевихрь в том, что перед ним корабль Соборности. Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер с помощью протоколов Миели загонит чена в Ларец. — Она обводит взглядом лица присутствующих. — Вопросы есть?

Медленно поднимается Мик.

— Дорогая леди Зинда, боюсь, подобный образ действий не самый разумный, — говорит он. На нормальной скорости его голос звучит глубоким баритоном, что никак не соответствует мальчишескому лицу. — Тебя мы все отлично знаем, и ты сильна в сцепленности. А вот наш новый компаньон? Она мне не нравится. — Он делает шаг вперед и снизу вверх смотрит на

Миели. — Да, она член нашего сообщества зоку, но лишь в самой незначительной степени. Ее воля не так сильно связана с Большой Игрой, как у нас. Я воевал против Соборности: внутри их воли часто может быть другая воля, и это скрывает их истинные намерения. И разве не она была причиной окончательной смерти многих друзей Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер во время Протокольной войны?

Мик качает головой.

— Если бы не волеизъявление зоку, я ушел бы прямо сейчас, и я скорее готов вырвать камень Большой Игры из рукояти своего меча, чем идти на опасное задание с таким сомнительным компаньоном.

Зинда поочередно всматривается в лица всех троих.

— Нравится вам или нет, но Миели является частью нашего общества, и зоку приняли решение. Вы можете не соглашаться с ним. И вольны уйти в любой момент. Теперь, когда мы выслушали Мика, что скажет Анти-де-Ситтер?

— Ситуация, отфильтрованная цепью Маркова: обречена, — мягким мелодичным голосом произносит Анти-де-Ситтер.

— Несмотря на связывающие нас законы гостеприимства, — говорит Мик, — воин Соборности, чьи руки обагрены кровью, не ступит на борт моего верного корабля «Цвайхендер»[23]. Клянусь в этом своим клинком.

Зинда растеряна.

— Может, я неправильно выбрала Круг, — тихо произносит она. — Вы уверены, что не увлеклись обсуждением в попытке заработать дополнительные очки? Я часто поступаю так в Кругах, стараюсь создать механизм для генерирования конфликта, это значительно улучшает нарратив.

— Импликация посредством модус поненс[24]: отрицательно, — выпевает Анти-де-Ситтер.

Она не справляется, решает Миели. Но подобраться к камню Каминари можно только путем сцепленности с Большой Игрой.

Миели выходит вперед.

— Я Миели, дочь Карху, — говорит она. — И все вы правы, я здесь чужая.

Она по очереди смотрит в глаза каждому из них.

— Но в одном сэр Мик ошибся. Может, я еще и не стала полноправным членом Большой Игры, но я уже не воин Соборности. Некоторое время я служила им, но любить их у меня нет никаких причин. В сердце своем я принадлежу Оорту, миру льда и темноты, песен и бездны. И меня тоже учили считать врагами пришельцев, приближающихся к кото. Но еще меня учили отбрасывать обиды ради совместной работы для Миллиона

Племен, когда возникала необходимость отогнать Человека Тьмы.

Она ненадолго умолкает. Это оказалось не труднее, чем создавать песню и наблюдать, как вяки отзываются на слова и ноты.

— Когда мы встречались с воинами и строителями из других кото, мы должны были сделать что-то вместе, чтобы установить связь. Мы шли в сауну и поддавали пару, пока жара не прогоняла даже самого Человека Тьмы. И мы делали татуировки, оставляя на коже общий символ, чтобы закрепить связь болью и краской. — Она прикасается к изображению бабочки на груди под накидкой, и выпуклый контур отзывается в ее душе чувством вины. — А еще мы до тех пор пили лакричную водку, пока не начинали выбалтывать друг другу все секреты. И все это ради того, чтобы мы могли встать плечом к плечу, когда это было необходимо Племенам.

Предполагается, что все мы связаны сцепленностью, стремлением действовать во благо наших зоку. Но я бы сказала, что этого недостаточно. Нить, связывающая наши судьбы, слишком тонка и теряется в полотне Большой Игры.

Все внимательно ее слушают. У сэра Мика начинают блестеть глаза. Миели решает, что он будет ключевой фигурой.

— Я не слишком хорошо изучила обычаи зоку, но я понимаю одно: сообщество зоку создать нетрудно. Вот что я предлагаю: давайте создадим собственное сообщество специально для этой миссии, чтобы ради общего дела объединить наши силы и наши мысли. Сцепленность нескольких сильнее сцепленности многих. И тогда вы поймете, что мои намерения чисты. — Она прищуривается, глядя на Мика. — Сэр Мик, если бы мы были в Оорте, тебе пришлось бы отвечать за свои слова с мечом в руке. Но здесь, в Круге, ради моего друга Зинды я предлагаю тебе объединиться в новом братстве зоку. Что ты на это скажешь? — Она обводит взглядом остальных. — Что скажете все вы?

Мик обнажает свой меч и поднимает его в вытянутой руке.

— Я скажу: трижды «да»! — восклицает он и улыбается. — Прошу меня простить, леди Миели, — продолжает он. — Связанный нашим общим камнем, я буду счастлив сражаться с тобой плечом к плечу.

После небольшой паузы высказывается и Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер.

— Статус операции: присоединение, — говорит она.

Создание сообщества зоку занимает несколько минут. Зинда достает небольшой камень Нотч-зоку, и по ее запросу с поверхности Чаши поднимается фабрикатор, из которого

выскакивают четыре чистых камня, четыре простых прозрачных пятигранника. Тем временем Миели обращается к своему метамозгу с просьбой скрыть все мысли о камне Каминари до окончания миссии и надеется, что Пеллегрини не преувеличивала свои способности относительно маскировки.

Предательство братства кото, мрачно думает она. *Еще одна ушедшая из меня часть. Не потому ли вор так часто менял лица? Не потому ли, что от него осталось совсем немного?*

А потом эта мысль исчезает.

Камни из фабрикатора еще теплые, словно живые существа. Четверо компаньонов поднимают их высоко над головой, и Зинда призывает с одного из многочисленных маршрутизаторов зоку луч сцепленности. Он проявляется ярким столбом, освещает лица и сверкает на новых камнях ослепительными бликами. Камень в руке Миели передает ей ощущение нового присутствия, связь с новорожденным сообществом и твердое намерение похитить чена и заслужить сцепленность с Большой Игрой.

— Как мы себя назовем? — спрашивает Зинда, одновременно посылая Миели кват с благодарностью.

Все смотрят на Миели.

— Что ж, пусть это будет первой пробой нашего волеизъявления, — говорит она. — Кто его назовет?

Ответ всем ясен. Озвучивает его сэр Мик.

— Как мне думается, леди Миели уже произнесла название: если наша связь должна заменить собой узы лакричной водки, пусть нас узнают как Лакричных зоку!

Он снова поднимает меч. Над ними проявляется темный вытянутый силуэт: черный стометровый цилиндр, расписанный красными рунами и ощетинившийся темными лезвиями.

— Дорогие леди, это мой «Цвайхендер», — объявляет Мик. — Он понесет нас навстречу нашей участи.

Глава восьмая
ВОР И КОРАБЛЬ С ПРИЗРАКАМИ

На моем корабле завелись привидения.

Я веду «Леблан» сквозь нижний облачный слой Сатурна, стараясь скрыться в морозных голубых вихрях аммиачных озер и яично-белых тучах водяных паров, и не могу отделаться от этого чувства. К этому мучительному беспокойству примешивается покалывание в животе, мне все время кажется, что интерфейс Царства затягивает корабль и кто-то постоянно заглядывает мне через плечо.

Такое ощущение вполне может быть отголоском моего предыдущего «я», сохранившегося в нейронной системе судна. Царство капитанской рубки представляет собой парящую платформу в огромном зале с прозрачными стенами, откуда открывается вид снизу на бурлящие охристые глубины гигантской планеты. Я сижу в бархатном кресле за панелью управления, которая выглядит как помесь трех органов с пишущей машинкой — и даже имеет педали. Но все это лишь коммуникатор для мысленных команд. Стоит прикоснуться к клавишам, и спокойная близость корабля окутывает мой мозг, словно хорошо разношенная перчатка. Кто знает, какие устойчивые связи запускаются от моих прикосновений и отзываются в голове?

А может, это корабельный аватар Карабас — механический кот со стеклянными глазами в широкополой шляпе и сапогах. При нашей последней встрече на Марсе, в моем старом Дворце Памяти, он пытался выпотрошить меня и превратить в восковую фигуру. Теперь мы с ним не расстаемся, и Карабас с надменным кошачьим смирением ждет моих команд.

Или тревога вызвана тем, что за мной охотится Большая Игра зоку. При этой мысли я встряхиваю головой: беспокоиться сейчас о погоне абсолютно бессмысленно. Я держусь достаточно далеко от гигантской структуры города Супра. Ближайшее место обитания зоку — игровая потч-площадка неподалеку от Южного полюса, где расположены гидроаэродинамические мегаконструкции. Есть еще калькулятор, построенный на основе вихревых дорожек Кармана[25], — в области по соседству с поясом Сайанаги[26], где сталкиваются и подсчитываются бесконечные завихрения, поставлены логические затворы, каждый величиной со спутник. Любая арифметическая операция затрагивает массу газов, сравнимую с атмосферой старой Земли. Чтобы найти нас, Большой Игре потребовалось бы задействовать колоссальные

ресурсы для нейтринного сканирования всей планеты — а я не думаю, что они готовы пойти на это в данный момент. Это дело будущего.

Или это Матчек? Я знаю, что рано или поздно должен с ним поговорить, но не могу заставить себя это сделать. Пока еще нет. Кроме того, я должен убедиться, что мы в безопасности, а за ним присматривает Аун.

В конечном счете больше всего меня тревожат последние слова Барбикена. *Она уже стала членом Большой Игры. Она все нам рассказала.* Я не могу представить Миели в сообществе зоку. Старейшина Ганклуба, должно быть, солгал в отместку за то, что я сломал его игрушки.

И все же...

Покинув Землю, Миели могла растеряться в поисках новой цели, нового наставника. Она ведь служила Жозефине большую часть своей сознательной жизни. Большая Игра могла этим воспользоваться, предложила ей новую цель в самый подходящий момент. А после гибели «Перхонен» уже некому сказать ей, насколько это плохая идея.

Я-то рассчитывал, что все будет просто. Добраться до Миели раньше, чем ее успеют сломить, при помощи инструментов «Леблана» вскрыть Царство, в котором ее держат, и похитить. Как раз то, что удается мне лучше всего. А вместо этого я умудрился разозлить Большую Игру, а Миели теперь стала одной из них.

Но ничего не изменилось. Я по-прежнему должен ее вытащить.

Все зависит от степени ее сцепленности с зоку, степени свободы, оставленной ей волеизъявлением Большой Игры. Таков парадокс зоку: чем выше твои достижения, тем больше степень твоей сцепленности и вследствие этого выше шанс включить свою волю в коллективную реальность зоку. Но в то же время по мере продвижения наверх камень зоку формирует из тебя идеального члена коллектива. Насколько я знаю Миели, ей не потребуется много времени, чтобы подняться до высших ступеней. И тогда она станет похожей на Барбикена, будет пустой оболочкой, ограниченной отведенной ей ролью в Кругах зоку.

Нужен хороший план. Проблема в том, что Барбикен прав. *Ты не такой, как прежде*. Я едва не провалил дело на Япете. Я не предвидел паранойи Большой Игры по поводу разрушающих Землю Драконов. Если бы не Матчек...

Я качаю головой. Не могу думать о мальчике. Пока еще не могу.

Внедрение в Большую Игру исключено. Они слишком хорошо скрываются и тщательно отбирают своих членов. Я должен

выманить их на поверхность и разорвать их связь с Миели. А они реагируют только на реальные пространственно-временные угрозы.

Я должен стать такой угрозой. Чтобы ими манипулировать, надо найти что-то такое, что испугало бы их. Нужен рычаг. И, кажется, я знаю, что это: призрак, изводящий меня с самой Магистрали.

Я отыскиваю медленно движущийся слой неподалеку от центра шторма у Южного полюса.

— Не выходи из зоны маяков горячей стратосферы, — говорю я Карабасу. — Если заметишь каких-нибудь сирен, дай мне знать.

— Слушаюсь, господин, — отзывается он звонким мурлыкающим голосом и занимает место нилота, хотя короткие лапы в сапогах не достают до педалей.

Я вздыхаю. Похоже, моя предыдущая сущность считала вполне достаточной компанию собственного остроумия.

Я оставляю кота за работой, а сам направляюсь в корабельную сокровищницу, чтобы открыть кват-сообщение, ради которого погиб Марс.

Внутри «Лёблан» больше, чем снаружи. В физическом отношении это чудо пикотехнологии: субатомная инженерия зоку, уплотненная псевдоматерия и неустойчивые конструкции кварков плюс нуклонный конденсат, невероятно густой, но программируемый. И все это вертится вокруг крошечной черной дыры, вроде тех, что используются в пустотных кораблях Ганклуба, только мельче. Пассажирский отсек состоит из сети виртуальных взаимосвязанных Царств. Основное из них — это освещенный голубым светом коридор с движущейся дорожкой, с гудящими устройствами Бака Роджерса и вратами Царств.

У меня еще не было времени исследовать их все, но сейчас меня интересует только сокровищница. Это сводчатый зал, как в древнем замке, заполненный трофеями, преобразованными в пиктограммы Царств, эликсирами, оружием и драгоценностями — камнями зоку и квантовыми программами. Все, что относится к Соборности, хранится в виде базовых кодов на свитках, экзотические гоголы размещены в бутылках, словно замершие гомункулы. Здесь есть даже зеленая планета, похищенная биосфера, бывшая проектом строителей миров Пояса, со своей биологической историей, развивающейся на поверхности. Теперь я понимаю, почему Жозефина не позволила мне запомнить корабль: с такими ресурсами меня нелегко было бы контролировать.

Но я пришел не ради того, чтобы восхищаться результатами

прошлых преступлений. Я вынимаю кват и рассматриваю его. Сокровищница — сама по себе небольшое Царство — превратила его в свиток, запечатанный свечным воском. Я осторожно ломаю печать, и послание Исидора вновь вспыхивает в моем мозгу.

Жан, ты представить себе не можешь, что я обнаружил!

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен увидеть…

От звука его голоса в груди появляется холодная тяжесть, но я стискиваю зубы и сосредоточиваю внимание на непосредственной задаче.

Квантовая структура, пришедшая вместе с кватом, вытекает из свитка бесчисленными крошечными пузырьками, соединенными светящимися нитями. Я тщательно рассматриваю ее: это какая-то тонкая конструкция, клубок кубитов, не поддающийся расшифровке ни одной известной мне схемой. На борту «Шкафа» у меня не было ни единого шанса разгадать эту головоломку, но на «Леблане» у меня нет недостатка в инструментах.

Работа занимает немало времени, и мне приходится распечатать группу математиков-гоголов. В конце концов они докладывают мне, что это небольшой виртуальный квантовый компьютер, предназначенный для внедрения в биологический мозг и первоначально посланный через какую-то сложную фотонную структуру, — узел обширной рассредоточенной машины, подсчитывающий… неизвестно что.

Представляю, каково было несчастному Совенку: ты видишь в небе яркую вспышку, а потом эта штука проникает в твой мозг по оптическому нерву, заражает тебя, перенацеливает микротрубки твоих нейронов для когерентных квантовых вычислений. Но для чего все это? Ради создания вирусного сообщества зоку, охватывающего всю Систему?

Выяснить это можно только одним способом. Я закрываюсь в изолированной программной среде и до максимума увеличиваю способность имитации своей нейронной сети. Полная имитация единственного человеческого мозга на молекулярном уровне поглощает значительную часть вычислительной способности корабля. Возникает странное чувство. На уровне моего сознания не должно быть никаких ощутимых различий, но я могу поклясться, что мысли стали более расплывчатыми и хаотичными, более склонными к взаимопроникновению и формированию новых идей.

Я даю команду программной среде реализовать содержимое квата Исидора в виртуальном разуме. Оптический нерв регистрирует вспышку, а потом я слышу голос.

Ты живешь на острове, называемом каузальностью, произносит он.

Как и Исидор до меня, я слышу речь Каминари. Когда она заканчивается, я скручиваю свиток. Голова кружится. Я неудачно опираюсь на зеленую планету и едва не падаю, когда рука соскальзывает по холодной и гладкой атмосфере.

История Системы трактует Вспышку как исключительное событие, вызванное неудачным трансцендентальным переходом, осуществленным Каминари-зоку, пагубным последствием зарождения бога, которое Соборность пыталась ограничить, начав Протокольную войну. В действительности событие, повлекшее за собой уничтожение Юпитера, было спровоцировано Большой Игрой зоку в попытке предотвратить взлом замков Планка, к чему стремились Каминари-зоку. *Пространственно-временное оружие. Держу пари, Барбикен и его дружки тоже имеют к этому какое-то отношение.*

Эта мысль вызывает холодную ярость. *Я должен сдержать обещание. Я не ограничусь твоими игрушками. Ради Марса и ради Каминари.*

Я мог бы шантажировать Большую Игру, угрожая выдать их. Но вряд ли они сильно испугаются. Соборности нет до них дела, особенно сейчас, ведь у них наверняка имеются тайные агенты почти во всех сообществах зоку. Вероятно, Большая Игра легко справится с любой попыткой взять их за горло.

Того, *что* сделали Каминари, недостаточно, чтобы Большая Игра решилась уничтожить Марс. Вероятно, они опасаются того, как это было сделано. Создание все-Системного вирусного сообщества зоку? Но каким образом это могло бы помочь открыть замки?

Мы обнаружили ответ в Коллапсе, сказали Каминари. *Нам нужна твоя помощь.*

Коллапс — это еще одно белое пятно и в моей памяти, и в истории. Если бы иметь доступ к экзопамяти, я наверняка смог бы отыскать свидетельства вмешательств Большой Игры.

Общепринятая версия говорит о неожиданном катастрофическом обвале глобальных квантовых рынков, импортировавших бестелесных существ на старую Землю, настолько перенаселенную, что большинство людей уже не могли позволить себе человеческую форму. О периоде хаоса и безумия, когда предки зоку, оортианцев и других цивилизаций Системы бежали из гибнущего мира, оставив его дикому коду и...

Слово вспыхнуло у меня в голове, словно начертанное добела раскаленным пером. *Аун. Они были там. Это они захватили*

власть после Коллапса. Они должны знать, что произошло. Только им может быть известно, чего так сильно боится Большая Игра, что решилась уничтожить два мира, лишь бы это скрыть.

Я закрываю за собой сокровищницу и направляюсь в вир книжной лавки.

Через врата главного Царства отдыха корабля я попадаю на трансатлантический лайнер «Прованс», совершающий бесконечный круиз по золотому от солнца морю. Здесь меня ждет плавательный бассейн, теннисный корт на палубе и компания мисс Нелли Ундердоун[27]. Я останавливаюсь, прислушиваюсь к крикам морских птиц и негромкому плеску волн. И внезапно понимаю, как я устал. Может, мне как раз это и надо: несколько тихих субъективных часов в шезлонге, с хорошей книгой, лежащей на лице. Ощутить запах солнца, старой бумаги и пота, окунуться в бассейн и провести вечер с очаровательной молодой женщиной, пусть и воображаемой.

Меня удерживает внезапная мысль.

А что сказала бы «Перхонен»?

Я так и слышу голос оортианского корабля, тихий, словно трепет крыльев бабочки.

Я знаю, что с тобой происходит, Жан. Ты избегаешь мальчика. А время идет. Я ничем не могу помочь, а Миели все еще не на свободе. Прекрати ныть и делай то, что должен сделать.

Вот чего не хватает мне на «Леблане» при всех здешних сокровищах. Голоса, который говорил бы только правду.

Вир книжной лавки сохранился неизменным — что само по себе подозрительно — зато Матчек изменился. Теперь он выглядит старше — примерно одиннадцать или двенадцать лет. Он поднимает голову, когда я вхожу, хмурится и продолжает читать. Ауна нигде не видно.

Я пододвигаю стул и сажусь рядом.

— Привет, Матчек.

Он не реагирует.

— Как дела?

Молчание.

Я внимательно присматриваюсь к нему. Волосы стали длиннее, и в них уже появился проблеск седины. А в глазах мелкими осколками льда заблестела пронзительная голубизна. Я гадаю, не играл ли он снова со скоростью времени. Я очень старался изолировать вир от корабельных систем, но не уверен, что этой защиты достаточно, чтобы остановить будущего Отца Драконов, если ему станет скучно. А впрочем, это может быть

просто адаптация мыслеформы.

— Что ты читаешь?

Большая часть книг в вире содержит сжатые разумы жителей Сирра и мысли Ауна, и такое чтение вряд ли принесет какую-то пользу, если только не стремиться стать одержимым джинном или похитителем тел.

— А твои друзья здесь?

— Разве тебе не все равно? — наконец говорит Матчек.

Я откашливаюсь.

— Знаешь, я подумал, что нам пора поговорить как мужчина с мужчиной.

Он захлопывает книгу, крепко прижимает ее к груди обеими руками и смотрит на меня.

— О чем?

— О многих вещах. Я хотел поблагодарить тебя за помощь и...

— И рассказать о том, как *похитил* меня? Или о том, что мои папа и мама *мертвы*?

В его глазах полыхает холодная ярость, так хорошо знакомая мне по прежнему Матчеку, которого я знал.

— Почему ты мне не сказал? — Он швыряет книгу в окно лавки. Оно не разбивается, а только громко дребезжит в раме. — Когда ты собираешься выпустить меня отсюда?

Я потираю переносицу. Ситуация становится предельно серьезной. «Леблан» обладает достаточной компьютерной мощностью для полной физической имитации, недавнее полусонное состояние уже исчезло, но я сомневаюсь, что это хорошая идея.

— Послушай, Матчек, — осторожно начинаю я. — Тебе известно, почему родители поместили тебя в тот вир на берегу? Они хотели, чтобы ты был в *безопасности*. На тот случай, если с миром произойдет что-то ужасное и они больше не смогут сами тебя защитить. И я только пытаюсь...

Я невольно сглатываю. Я уверен, Боян и Наоми Чен не одобрили бы моего намерения использовать их сына в качестве вирусного оружия массового поражения. Но иногда я становлюсь таким же рабом обстоятельств, каким был мой почти-сын Исидор: когда замок щелкает и я вижу единственный выход, трудно не схватить первый же попавшийся под руку инструмент.

Я не могу смотреть Матчеку в глаза, поэтому встаю и подхожу к ближайшему книжному стеллажу. И прислоняюсь к нему. Голубые с серебром корешки тысяч книг Сирра осуждающе поблескивают в полумраке.

— Я только хочу, чтобы ты знал: я никогда не собирался причинить тебе вред. Ты здорово помог мне на Япете, и я уверен,

Миели будет тебе благодарна.

— Мне все равно. Я вас обоих ненавижу.

— Ты должен мне поверить. Я бы все тебе объяснил, когда ты был бы к этому готов, клянусь. А откуда ты узнал? Это Аун рассказал? Аун в облике твоих друзей?

Они могли бы мне помочь, но если это устроили они, я...

— Нет, не они. — Он шмыгает носом. — Это ружье.

Я оборачиваюсь. Матчек ссутулился в кресле, опустил взгляд на руки, а в глазах стоят слезы.

— Сначала было так интересно снова получить тело, хоть и призрачное, как у джинна из бутылки, — говорит он. — Я отыскал «Леблан». Я мысленно обратился к нему, и он впустил нас, как ты и обещал. А потом я увидел ганскейп. Ждать было скучно, и я с ним поиграл. Мои друзья помогли мне подключиться.

Я мысленно застонал.

— Там был спайм для каждого орудия. А у некоторых даже имелись Царства, чтобы можно было их испытать. Одно орудие называлось гостган, оно сохранилось с Первой Федоровистской войны.

О дьявол.

— Я не знал, что это такое, и задал вопрос. Ружье сказало, что я начал войну, это было в каком-то месте под названием Радужные Небесные Врата. И что по *моей* вине погибли люди. Я разозлился. Я думал, оно лжет. Хотел его уничтожить и начал стрелять. Из всех орудий.

— Матчек...

— Жан, ружье солгало?

Я вздрагиваю. Он впервые назвал меня по имени.

— Ты так много знаешь о лжи. Скажи, оно солгало?

Я опускаюсь рядом с ним на колени. Хочу прикоснуться к нему, взять за руку, но он смотрит на меня с такой яростью, что я физически ощущаю ее в воздухе, как статические заряды.

— Нет, оно не солгало. Но и не сказало всей правды. Имя того, кто все это сделал, действительно было Матчек Чен, это правда. Но это был не ты. Просто кто-то такой же, как ты.

— Это был я. Ружье рассказало мне и о гоголах тоже.

— Это не совсем так. Не все гоголы одинаковы. Поверь, я это знаю. С тем что-то случилось, произошло что-то плохое, и он так и не смог оправиться.

— Что это было?

Я вздыхаю.

— Не знаю.

— Как же я могу быть уверен, что не закончу так же, как он?

Его широко распахнутые глаза полны отчаяния.

— Я не знаю, Матчек. Не знаю. Но я верю, что мы сами можем решать, какие мы есть. Если тот, другой Матчек тебе не нравится, стань кем-то еще.

— Так вот почему ты так делаешь, — говорит он. — Ты надеваешь другие лица, потому что тебе не нравится тот, кем ты был?

— Иногда.

— Я видел, как ты это делал. Но внутри ты оставался все тем же.

— Извини, Матчек, — отвечаю я. — Я не умею заботиться о других. Я знаю, там, на пляже, ты был счастлив. Я не хотел уводить тебя оттуда. Но выбора у меня не было.

— Ты как-то говорил, что у нас всегда есть выбор.

— Нет, не всегда.

— Как же тогда узнать, есть выбор или нет? — Он вскакивает из-за стола. — Ты говоришь все это, только чтобы я заткнулся! Хочешь избавиться от меня, чтобы спасти свою глупую подружку! И даже не знаешь, зачем!

Он толкает меня со всей силой, какую позволяет вир, и я едва не падаю.

— Матчек, это неправда!

— Замолчи! Ты только и знаешь, что врать! Ты и сам так говорил, когда был *другим*! Оставь меня одного!

От удивления я растерянно моргаю.

— Что значит другим...

Отец хочет побыть один.

У меня перед глазами извилистыми светящимися змеями вспыхивает Аун. Вир раскалывается и выбрасывает меня. Через мгновение я уже стою в голубом коридоре «Леблана», а глаза жжет, но это реакция на внезапный переход из вира в Царство, а не слезы.

— Ладно, мерзавцы, я все испортил! — кричу я в пустой коридор. — Но вы тоже хороши! Почему вы его не остановили?

Мне никто не отвечает.

Я ищу в своих мыслях намек на присутствие Ауна, но ничего не нахожу.

— Поговорите со мной! Покажитесь!

Опять ничего. Грудь разрывается от праведного гнева.

— Выходите, или я разберу свой мозг на части, но найду вас. Чего вы ждете?

Ждем, когда ты выполнишь свое обещание, говорит Принцесса-трубочист. Передо мной стоит маленькая босая девочка с деревянной маской на лице, в запачканной сажей одежде. Она совершенно не вписывается в голубое мета-Царство «Леблана».

Я разглядываю Принцессу. В прорезях маски тлеющими угольками блестят ее глаза, и я не могу определить, то ли это гнев, то ли жалость.

— Почему ты никогда не показываешь лицо? — спрашиваю я.

Потому что люди при встрече отдают мне свои лица.

— Мне знакомо это чувство.

Ты нашел хоть одно, которое тебе понравилось бы?

— Не думаю. Но я стараюсь. И в этом мне нужна ваша помощь. Я должен узнать, что произошло во время Коллапса.

Мы не можем тебе этого сказать.

— Для шантажа нет никаких причин. Я поклялся Таваддуд, что...

Ты не понимаешь. Большая часть нас утеряна. Мы лишь осколки и фрагменты, простейшие контуры и голоса. Мы Сирр, и мы пустыня дикого кода. Именно там скрыты нужные тебе ответы. Верни нас и наших детей, и мы вспомним все для тебя.

Мне не видно лица под маской, но мне кажется, что она улыбается.

Или ты сам все вспомнишь.

А потом она исчезает. Только в коридоре остается слабый запах дыма.

Я возвращаюсь в рубку и, пока Карабас ведет корабль, смотрю на потоки Сатурна цвета кофе с молоком.

Я начинаю думать, как восстановить город, как получить сцепленность с Нотч-зоку, чтобы создать Чашу размером с Землю. Чуть позже в хрустальном сердце корабля на мое лицо медленно возвращается улыбка.

Барбикен прав. Пора начать другую игру.

Глава девятая
МИЕЛИ И БОЛЬШАЯ ИГРА

В тени Гектора Лакричные зоку и «Цвайхендер» дожидаются, когда к ним приблизится гражданская война Соборности.

— Я хочу, чтобы все поскорее началось, — говорит Зинда. — Может, пойдем в Круг или в Царство, чтобы скоротать время?

Миели и ее наставница по Большой Игре расположились в центральном жилом отсеке корабля. Отсек напоминает свернутый в цилиндр фантастический лес в миниатюре — с корявыми дубами размера бонсай и мелькающими среди них малюсенькими зеленоватыми гуманоидами. Миели сидит на лесной полянке, в круге камней, едва достигающих коленей, наслаждается теплом крошечного корабельного солнца, у которого есть даже своя орбита, и вдыхает густой запах хвои и прогретой земли. Это вызывает у нее воспоминания о собственном садике.

— Если я и научилась чему-то, пока воевала, — отзывается Миели, — так это тому, что большая часть времени проходит в ожидании. А тут все кажется мне... знакомым. Тут мне лучше, чем в ваших Кругах и Царствах. — Она улыбается. — Кроме того, не хочу забывать о физическом мире, тем более перед боем. Кое-кто... сказал однажды, что реальность никуда не исчезла, она здесь, словно спрятанное внутри яблока лезвие. Соборность всегда забывает об этом. Я не собираюсь повторять эту ошибку.

Зинда печально улыбается.

— Я понимаю, но все же хочу надеяться, что тебе хоть *что-то* нравится в нашем образе жизни. Ты отказалась от всех моих приглашений в Царства и предложений поужинать. Знаешь, я принимаю это на свой счет.

Миели чувствует, что Зинда смотрит на нее. Она поднимает взгляд и щурится на солнечный свет. Зинда лежит на берегу ручья, в цилиндрическом пространстве получается, что она прямо над головой Миели. Огромные яркие солнцезащитные очки совершенно не сочетаются с образом самурая. Миели обводит рукой окружающий их миниатюрный зеленый ландшафт.

— В Супра я чувствую себя примерно так же, но... наоборот. Все слишком большое. Я ведь выросла в ледяной сфере, которая чуть больше этого корабля. И если пространства слишком много, слишком много свободы, я теряюсь. Мне необходимы... ограничения. Границы.

Может, я сказала что-то лишнее, думает Миели. Но с этой девушкой-зоку так легко разговориться. Возможно, причиной

тому их новая связь или отголосок Царства ведьмы. А может, — хоть она и не желает в этом признаваться, — пребывание в замкнутом пространстве «Цвайхендера» стало испытанием даже для ее сосредоточенности, и ей необходимо поговорить с кем-то, кто соответствует трем измерениям, соответствует ее собственным размерам.

— Но ведь Круги и Царства как раз и предназначены для этого! — восклицает Зинда. — Они создают игровую ситуацию, запутывают ее, и от этого становится интереснее! Возьмем, к примеру, гольф, когда-то популярный на Земле. Игрок должен загнать мяч в лунку, ударив по нему металлической тросточкой, — я знаю, это давно устарело, можешь мне не говорить. Если бы главной целью являлось просто попасть, можно было бы подойти ближе и бросить мяч в лунку. Но это было бы не интересно.

Если не считать крошечных лесных человечков, они с Зиндой одни. Анти-де-Ситтер и сэр Мик воспользовались Царством в центре корабля, криптограф готовит инструменты для поимки гогола Основателя, а миниатюрный рыцарь изучает спаймы разведки, стараясь определить наиболее вероятные позиции пеллегрини, сянь-ку и василевов. Согласно его расчетам, столкновение противоборствующих сил, скорее всего, произойдет в окрестностях ближайшего Троянца Юпитера — в точке Лагранжа нескольких второстепенных веток Магистрали, и случится это в течение одного или двух базовых дней.

— Это не одно и то же, — возражает Миели. — Это как будто... песня без мелодии. Как будто обычные звуки, которые не формируют вяки, не создают историй. У Соборности, по крайней мере, есть какой-то план, есть цель.

— Осторожнее, не забывай: я ведь Нарративист-зоку!

Затем лицо Зинды становится серьезным, она садится и снимает очки.

— Миели, еще до нашей первой встречи я много времени изучала твою личность. Но я пока столького не знаю! Прости за вопрос, но, если ты так сильно скучаешь по Оорту, почему ты покинула его? Почему позволила Соборности изменить себя? Я не понимаю, как это. Они поступают не так, как мы: мы предоставляем способ, чтобы ты могла себя изменить, создать новую сущность или облик в Царстве, а потом вернуться. А они... — Зинда качает головой. — Почему ты решила, что это *необходимо*?

Миели нервно сглатывает. Что-то щекочет ее босую ногу: несколько покрытых шерстью гуманоидов с золотистыми глазами собрались в центре каменного круга и что-то поют, размахивая палками и костями. Она не может понять, то ли они восхваляют

ее, то ли пытаются прогнать.

Несмотря на миниатюрность, экипаж «Цвайхендера» обладает физическими свойствами, которым могли бы позавидовать многие отряды наемников Внутренней Системы, и превосходство в росте почти сводится на нет силами инерции, присутствующими в корабле, который вращается, чтобы создать гравитацию в одну десятую g. Миели стоило немалого труда научиться не наступать на неосторожных лесных обитателей и удерживаться, чтобы не смахнуть кружащих над головой всадников.

Кое с чем лучше не связываться.

— Я бы не хотела об этом говорить, — тихо отвечает она.

Зинда улыбается.

— Хорошо. Можно не разговаривать. А может, ты мне споешь?

Миели вглядывается в лицо Зинды. Ни открытый взгляд ее темно-карих глаз, ни связь через два камня зоку не выдают никаких злых умыслов, только дружеское любопытство.

— Мы поем, — медленно произносит она, — только чтобы создать что-то или что-то разрушить; в моменты великой радости или великой печали. — Она на мгновение умолкает. — Или для своих любимых. Но не для того, чтобы просто провести время.

— Что ж, — беспечно отвечает Зинда. — В таком случае поищем другой способ скоротать время.

— Леди! Жестокосердыйврагприближается! — Сэр Мик в полных боевых доспехах врывается в модуль верхом на своем скакуне. — Битваначалась! Насждетслава!

Миели переводит взгляд на необычный спаймскейи «Цвайхендера» с руническими символами. Пассивные сенсоры, разбросанные сэром Миком днем раньше в районе Троянцев, регистрируют выбросы энергии: нейтринные шлейфы ядерных реакторов и рассеянные пи-мезоны двигателей на антиматерии. Вокруг холодных красных пятен астероидов, словно косяки рыб, движутся крошечные сверкающие точки.

Районы.

— Я полагаю, теперь твоя очередь, — говорит Зинда.

— Да.

Миели активирует свои системы, и боевая сосредоточенность окутывает ее морской прохладой, не оставляя места для чувств, а время замедляется. Но на этот раз погружение не доставляет ей никакого удовольствия.

Зинда протягивает руку над верхушками деревьев волшебного леса и сжимает ее ладонь.

— Удачи тебе. Скажи, а что приходит после ожидания?

— Страх, — отвечает Миели.

— Ох, надеюсь, у нас все получится!

Поначалу битва совсем не похожа на битву.

Миели, окутанная ку-броней зоку и руками Человека Тьмы, наблюдает за стаями и потоками обозначающих *районы* точек, которые мельтешат в гравитационном колодце Гектора. Они компенсируют приращение скорости и строем, словно копья двух рыцарей, движутся навстречу друг другу, обстреливая противника наноракетами — крошечными снарядами, которыми управляют гоголы-камикадзе. Спаймскейп расцветает лазерными коммуникационными лучами, невидимыми в вакууме. Электронная война в эфире разгорается с каждой микросекундой, каналы связи захлестывают потоки вирусов, основанных на генетических алгоритмах. Обе флотилии тратят такие мощности на подавление сигналов, что происходит перегрузка охлаждающих установок, и в инфракрасном диапазоне корпуса на фоне троянских скал начинают мерцать далекими звездами.

Миели притаилась на поверхности Гектора и наблюдает за сражением. Благодаря линзам быстрого времени и боевой сосредоточенности битва для нее разворачивается невероятно медленно, словно во сне. Пассивные сенсоры Лакричных зоку — всего лишь хлопья уплотненной материи с топологическими квантовыми схемами — перехватывают фрагменты сигналов флотилии пеллегрини, концентрируют их в узкий луч и направляют Миели. Она чувствует себя удивительно уязвимой. Хотя корабли Соборности проходят в нескольких тысячах километров, сеть сенсоров создает впечатление, что Миели находится в самом центре битвы.

Боевые средства относятся к самому низшему классу кораблей Соборности, это алмазоидные призмы не больше метра, несущие в себе ядра компьютрониума и миллионы гоголов. Но на каждой плоскости имеется замысловатая гравировка. Четырехгранный нос украшен изображениями Васильева и Сяньку — привлекательного улыбающегося мужчины и серьезной задумчивой женщины. Леденяще прекрасный образ Пеллегрини повторяется тысячекратно: это и гордая носовая фигура, и пластины, покрывающие весь корпус, подобно чешуе.

Флотилии встречаются снова, и в точке столкновения расцветает вспышка антиматерии, распространяющая слепящий свет. Броня Миели стонет от вихря гамма-лучей. Миели дает команду спаймскейпу задействовать фильтры шумов на полную мощность. Гоголы восполняют информационные пробелы и строят вероятные траектории. По заданным параметрам миссии они направляют внимание Миели на самую оптимальную цель.

Вот оно: серьезно поврежденный район пеллегрини отклоняется от общего направления. Вокруг него разлетается ореол алмазоидных осколков, из которых в отчаянной попытке воссоединиться с основной массой вытягиваются тончайшие нити. Но идеальная симметрия корабля безнадежно нарушена глубокой пробоиной по левому борту. И повреждение не только физическое: поверхность интеллектуальной материи вскипает от конфликта программ. Снаряды гостгана проникли в белую плоть корабля и наводнили его виры гоголами-захватчиками. Еще несколько секунд, и район будет захвачен очередным натиском объединенной флотилии василевов и сянь-ку.

Миели набирает полную грудь воздуха и посылает на *район* сообщение, неоднократно проверенное ее протокол-гоголами Соборности и содержащее зашифрованный опознавательный код.

«Эликсир-4711». Это «Бальзамо-334». Ваша жертва на благо Великой Всеобщей Цели будет принесена через четыре целых и три десятых секунды в вашей системе. Требуем переслать нам вашего гогола-наблюдателя чена.

Десятая доля секунды, необходимая, чтобы медлительный свет достиг *района*, дает Миели возможность задуматься. Впервые с начала миссии она оказалась в полном одиночестве, поскольку режим тишины в эфире надежно отделяет ее от «Цвайхендера» и соратников-зоку. Она окидывает взглядом продолговатый силуэт Гектора. Корабль зоку скрывается не только за громадой астероида, но еще и под собственной защитой, и даже с такого близкого расстояния Миели не замечает никаких признаков его присутствия — если не считать слабую пульсацию камня Лакричных зоку.

С самого начала, как только Зинда сообщила ей о предстоящей миссии, Миели что-то показалось странным. Неужели ее участие имеет столь большое значение, если Большая Игра ведет разведывательные операции буквально повсюду?

Или они испытывают ее преданность? Но даже если это так, она не может допустить провала. Ей необходимо убедить Большую Игру в своей полезности, добиться более тесной сцепленности и подобраться к Каминари.

Приходит ответ от «Эликсира», ему предшествует стремительная последовательность импульсов протокола. Миели вздыхает с облегчением. Похоже, ее военные протокольные коды все еще действительны. Но само сообщение заставляет разочарованно скрипнуть зубами.

Требуется авторизация кода Основателя.

Миели шепчет короткие молитвы — сначала Куутар и Ильматар, а потом Пеллегрини.

— Какая бессмысленная трата гоголов.

Миели изумленно моргает. Рядом с ней на какой-то невидимой поверхности стоит Богиня Соборности.

В первую очередь Миели проверяет фильтр метамозга, чтобы никакие эмоции не просочились к остальным зоку.

— Не волнуйся, милая, — говорит ей Пеллегрини. — Ты должна была уже научиться мне доверять. Как только мы закончим, я отредактирую твои воспоминания, чтобы все выглядело так, словно твои старые боевые коды все еще работают. Но сначала дай мне передать подтверждение сестрам.

Пеллегрини с обезоруживающей легкостью овладевает системами Миели и отвечает «Эликсиру» быстрой последовательностью кодированных сигналов.

— Ну вот, все в порядке. А теперь будем наслаждаться спектаклем. Я бы с удовольствием перекинулась парой слов с сестрами, чтобы получить последние сведения о ситуации во Внутренней Системе, но ты права, зоку тебя испытывают. Честно говоря, меня удивляет, что все происходит так медленно. Я ожидала, что к этому моменту Абсолютный Предатель уже выступит против моих братьев и сестер, и это заставит Антона и Сянь отказаться от мелких стычек вроде этой. Но они всегда были слишком слепы, чтобы увидеть, что происходит прямо под носом.

Информация из сенсорной сети зоку поступает к Миели за мгновение до того, как приходит подтверждение о запуске мыслевихря с гоголом чена. На носу «Эликсира» вспыхивает огонь сжигаемой частицы антиматерии корабля, и крошечный мыслевихрь с колоссальной скоростью устремляется к Гектору.

— Видишь? — говорит Пеллегрини. — Нечего было беспокоиться.

Миели отсылает на «Цвайхендер» короткий кват, в котором сообщается об успехе первой стадии миссии и необходимости быть готовыми к следующей. Все идет по плану: если захват пройдет быстро, флотилии Соборности, все еще продолжающие сражение, не успеют ничего предпринять. Перед законом Ньютона отступает даже могущество Основателей.

Мы готовы, приходит ответ, окрашенный эмоциями ее зоку: сдержанным спокойствием Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер, горячим энтузиазмом сэра Мика и теплым участием Зинды. Пеллегрини не скрывает усмешку, но ничего не говорит.

Миели направляет лазерный луч на мыслевихрь, готовясь притормозить его на момент захвата. Как только она это сделает, «Цвайхендер» рванется вперед на полной скорости, обеспечиваемой двигателями на антиматерии, и захватит ее сетью из квантовых точек. Миели так пристально следит за

крошечным блестящим диском, постепенно приобретающим фиолетовый оттенок, что на какое-то время перестает обращать внимание на ход сражения. Но Пеллегрини все еще наблюдает за схваткой глазами Миели.

— Любопытно, — произносит богиня. — Я бы так не сделала. Никогда не знаешь, чего ожидать от этих ветвей последних поколений, так далеко отошедших от оригиналов. Но все же...

Мыслевихрь уже в миллисекундах от Гектора. Миели активирует лазер, задавая режим коротких очередей: цель мечется из стороны в сторону, словно перышко на ветру.

Ну вот, я выдала свою позицию, если кто-то за нами следит.

— Миели, — говорит Пеллегрини, — что-то не так. «Эликсир» только что послал сообщение флотилии сянь-ку и василевов. Это нелогично. Неужели они ведут *переговоры*? Что заставило бы меня так поступить? В этом нет никакого смысла!

В голове Миели мелькает смутная мысль. *Квантовые оракулы Призраков-зоку обнаружили аномалии*. Но состояние боевой сосредоточенности отгоняет ее. Цель уже почти достигла радиуса поражения, и Миели выпускает залп ку-точек.

Пеллегрини со свистом выдыхает.

— Миели! Остановись! Это не гражданская война! Это спектакль! Обман. Не...

Мыслевихрь взрывается.

Вспышка разбивает спаймскейп. Боеголовка гостгана превращается в ослепительно-белый дротик энергии, направленный точно в Миели. Вместе с ним опаляющим шквалом налетает программная атака.

Броня Миели издает тревожный вопль. Тактические гоголы сбиваются с курса и впадают в панику. Наружный слой брони вздувается пузырями и формирует выброс, обращенный внутрь, проникающий сквозь квантовую защиту. Боль успевает пронзить бок, но затем боевая система подавляет ее и генерирует сигнал о повреждении.

Прекратить, посылает Миели на «Цвайхендер» кват, несущий в себе ощущение решимости и боли. **Повторяю, прекратить! Это ложная схватка, сянь-ку, пеллегрини и василевы объединились!** *И я действую не по плану.*

Квантовая броня выходит из-под контроля. Лазеры мерцают беспорядочными пакетами сигналов в направлении обеих флотилий. Миели сосредоточивается на камне Лакричных зоку и с огромным трудом подает команду скафандру. От мучительного усилия возникает тошнота, на глазах выступают слезы, а потом скафандр раскалывается и выбрасывает ее в объятия Человека

Тьмы, в жестокий вакуум поверхности Гектора. Миели кувыркается в условиях слабой гравитации, цепляется ногтями за каменистую поверхность и приникает к скале, словно альпинист в поисках опоры. Камни зоку сами по себе следуют за ней рассеянным ореолом.

Из раны в боку вытекает и пузырится в вакууме темная кровь. Миели хладнокровно смотрит на рану: еще одна проблема, с которой необходимо справиться. Решение должно быть найдено за десять минут — столько она сумеет продержаться в вакууме без посторонней помощи. «Цвайхендер» сможет подойти к ней за тридцать секунд. За это время он должен уклониться от первого залпа кинетических снарядов и приземлиться на Гекторе.

Миели поднимается в полной боевой готовности. Время замедляется. Кружащиеся пылинки превращаются в неподвижные штрихи. За спиной поднимаются крылья, излучающие избыточное тепло. Ядерный реактор в правом бедре накачивает энергией когерентные заряды в ку-ружье правой руки. Левой Миели уже ведет стрельбу из гостгана: наноракеты с боевыми гоголами обрушиваются на то, что только что было боевым скафандром Большой Игры.

Скафандр движется даже в медленном времени. Он поднимается на поверхности спутника, дрожа, как дождевая капля на сильном ветру, и опираясь на тонкие серебристые конечности. Над едва заметной шеей вместо лица пустой овал. На плечах лазерные орудия, и снаряды Миели вместе с гоголами мгновенно испаряются, едва успев вспыхнуть.

Она отвечает очередью из десятка заряженных ку-точек, которые в момент запуска становятся ее продолжением, и, словно скрюченные пальцы в глазницы, направляет их в оружейные системы скафандра. Заряды взрываются вспышками когерентного света. Поверхность скафандра превращается в слепящее зеркало.

А в следующее мгновение обрушивается невидимый и беззвучный в вакууме залп кинетических игл, выпущенных *районом*. От их ударов под ногами Миели вздрагивает земля. На поверхности появляются новые кратеры, как будто бог выстрелил по спутнику из дробовика. Над воронками поднимаются столбы пыли. Миели даже не вздрагивает и продолжает стрелять. Заряд высокой разрывной силы достигает цели и выплескивает в вакуум мелкие капли материи скафандра, но квантовая сеть мгновенно улавливает их и возвращает обратно.

Миели отваживается бросить взгляд на спаймскей. К ее позиции стягиваются корабли обеих флотилий. Космос вокруг Гектора гудит от электромагнитных шумов по всему спектру. *Они пытаются исключить возможность утечки информации со*

спутника. Мысленным приказом Миели взрывает сеть пассивных сенсоров. Это не особо помогает, но она намерена пустить в ход все, что у нее есть.

Миели, мы подходим, приходит кват от Зинды. **Держись. Еще десять секунд.**

Скафандр уже восстановился и теперь еще больше похож на гуманоида. Миели оценивает его боевые характеристики. Под поверхностью формируются новые орудия. Они содержат крупицы пикотехники зоку, способные преобразовывать в материю квантовую информацию, и источники мощности, работающие на антиматерии. А поскольку внутри нет хрупкого человека, пусть даже контролируемого боевым разумом, скорость реакции скафандра намного больше, чем у Миели.

Юмалаута[28], вырывается у Миели. *Единственное, на что я могу надеяться, это пробить защиту антиматерии.*

Она выпускает из руки ку-клинок. В состоянии боевой сосредоточенности смерть от взрыва спутника воспринимается просто как очередная тактическая уловка, и это ее слегка разочаровывает.

По крайней мере, мои камни зоку тоже пропадут.

Но электронный залп скафандра неожиданно иссякает, и пустое лицо поворачивается, словно глядя на кого-то рядом с Миели.

Пеллегрини.

Богиня Соборности все еще здесь, она побледнела и не отрываясь смотрит на безликое серебристое существо.

— Сделай что-нибудь! — кричит ей Миели.

Но Пеллегрини только качает головой.

— Миели, — говорит она, не скрывая ужаса, — познакомься с Абсолютным Предателем.

Оживший скафандр склоняет голову набок, словно прислушиваясь. А потом пустота его лица преобразуется в идеально овальное зеркало. На его поверхности, вылепленные невидимыми пальцами, возникают черты Пеллегрини.

— Неожиданная встреча с тобой меня радует. — Как и слова Пеллегрини, его речь передается электромагнитными импульсами и транслируется в коммуникативную систему Миели с помощью военного протокола Соборности. — Должен поблагодарить тебя за наводку на ченов. Теперь они — это я, как ты можешь убедиться. И твои младшие поколения тоже. И твой Прайм предпочел служить мне. Возможно, ты тоже согласишься.

— Нет, — шепчет Пеллегрини. — Никогда. Ты *наше* творение. Это мы выпустили тебя. И что это за игры с василевами и сянь-ку? Ты должен был *поглотить* их.

Абсолютный Предатель демонстрирует змеиную улыбку, так похожую на улыбку самой богини.

— Чтобы утолить мой аппетит, этого мало, — говорит он. — Но, как и планировала твоя другая сущность, я предоставил им общего врага.

Абсолютный Предатель делает шаг вперед. Теперь он и движется точно так же, как Пеллегрини, слегка покачиваясь.

— А это что? Твоя любимая игрушка. Оортианка. Интересно. Ну, раз уж она здесь, я ее тоже заберу.

Миели не в силах пошевелиться. Вор не слишком охотно рассказывал об Абсолютном Предателе, но, насколько ей известно, это существо каким-то образом имитирует своих противников и всегда выбирает идеальную стратегию, никогда не прибегая к сотрудничеству. Ее гоголы, специалисты по теории игр, вычисляют шансы на победу, но результаты выглядят не слишком обнадеживающе. *«Цвайхендер» не успеет вовремя подойти.*

Поэтому Абсолютный Предатель даже не атакует. Он уже выиграл.

К черту все.

Налетает еще один залп игл *района*. На этот раз они не стремятся к прямому попаданию, а взрывают скалы вокруг, разбрасывая тучи осколков и пыли. Конечно. *Нельзя же ломать новую игрушку.*

— Хочешь получить меня? — шепчет она сквозь стиснутые зубы. — Ну так подойди и возьми!

Миели поднимает ку-клинок.

Враг все еще имитирует движения Пеллегрини. Этим надо воспользоваться.

Она бросается в атаку. Ноги отталкиваются от камней, направляя ее вперед, словно копье вяки. Молниеносный удар нацелен на пылающее пятно контейнера с антиматерией в скафандре.

Серебристые конечности перехватывают ее правую руку и резко выкручивают. Дермальная броня лопается. Враг переворачивает Миели и с такой силой швыряет на землю, что ломаются даже усиленные текучим камнем кости руки и ребра. Крылья за спиной рвутся и путаются. Контролирующая ядерный реактор система в бедре выходит из строя.

Абсолютный Предатель нависает над Миели. Опасаясь потерять сознание, она выходит из состояния боевой сосредоточенности и испускает беззвучный вопль. Правую руку жжет, словно огнем, но Миели заставляет ее повиноваться, делает выпад, однако ужасного существа там уже нет. К ней

протягиваются жилистые руки. Пальцы превращаются в шипы и протыкают ее череп.

Боли нет. Она всегда думала, что при насильственной перезагрузке должна быть боль и мгновенные воспоминания обо всех прожитых жизнях.

— Нет, ты не заберешь ее, — заявляет Пеллегрини. — Она моя.

Пеллегрини, как бывало уже не раз, перевоплощается в Миели, входя в ее тело, как рука в удобную перчатку. Миели смотрит на себя сверху вниз; бледный раненый ангел повержен на темную скалу, а над ним нависает серебристый монстр, запустивший когти в его голову.

Камни, вспоминает она. *Камни впитывают мой разум.*

Глаза другой Миели, что лежит внизу, резко открываются. На миг она встречается с ней взглядом, и на лице появляется улыбка Пеллегрини. *Помни*, беззвучно шепчут ее губы. А потом глаза крепко зажмуриваются.

Я способна на самоликвидацию, говорила богиня.

Тело Миели начинает ритмично подергиваться. Глаза бегают под опущенными веками. Абсолютный Предатель раскачивается в том же ритме и отстраняется, его щупальца легко и без крови вытягиваются из головы Миели.

Реальность прерывается.

Миели снова в своем окровавленном разбитом теле. Системы отказывают. Голова объята пламенем. Ядерный реактор перегрелся. Единственное, что осталось, это ощущение приближающихся зоку.

Но Абсолютный Предатель все еще движется, он сопротивляется алгоритму самоликвидации, при помощи которого Пеллегрини пыталась уничтожить их обоих.

В мозгу всплывает информация из состояния боевой сосредоточенности. *Гектор. Скорость отрыва — тринадцать сотых километра в секунду.*

Миели формирует команду, которая преобразует компактную магнитную бутылку ее источника энергии в воронку.

Двигаться при низкой силе тяжести довольно легко, но у Миели едва хватает на это сил. Она скользит вперед, так, чтобы ее правая нога оказалась точно под Абсолютным Предателем.

А потом перегружает свой ядерный реактор.

Отчеты о повреждениях сливаются в сплошной белый шум. Глаза вылезают из орбит. Через немногие оставшиеся неповрежденными сенсоры Миели, словно во сне, чувствует, как столб плазмы поднимает ее над поверхностью. Через пару

миллисекунд в скафандре зоку взрывается контейнер с антиматерией. На мгновение ее ослепляет сверкающий взгляд бога, а потом все исчезает. Абсолютно все.

Глава десятая
ТАВАДДУД И ГОРОД В БУТЫЛКЕ

Таваддуд, Дуньязада и вор Жан ле Фламбер стоят на Сатурне, на только что образованной Чаше Ирем, готовые высадить в почву семя Сирра.

Его несет Таваддуд: это филигранная снежинка внутри прозрачной капсулы. Капсула тяжелая, и девушке приходится прижимать ее к груди обеими руками. Она сравнивает себя с женщинами Бану Сасан, держащими младенцев, защищающими от всего мира свое самое большое сокровище. Потом Таваддуд вспоминает, что в этом семени она несет и всех Бану Сасан. Трудно избавиться от этой мысли.

— Начинай, сестра, — торопит ее Дуньязада. — Уже поздно.

ле Фламбер улыбается, и в его голубых очках танцуют блики непривычного рассеянного солнечного света. Таваддуд все еще странно видеть перед собой невысокого стройного мужчину в белом пиджаке и брюках, а не Сумангуру, которого она знала, — огромного темнокожего гиганта, воина Соборности. Но время от времени у него проскальзывают жесты, которые кажутся ей знакомыми.

— Не надо торопиться, — говорит он, грустно улыбаясь. — Ты ведь хочешь сделать это должным образом. Когда-нибудь во Дворце Сказаний, наверное, будут рассказывать, как две сестры спасли город Сирр.

— А как же ты, мастер вор? — спрашивает Дуньязада. — Будут ли рассказывать истории о тебе?

— Обо мне и так уже существует много историй, — отвечает он. — Не думаю, что мне нужны новые. Кроме того, история о сестрах мне нравится больше.

ле Фламбер сказал, что всего несколько часов назад вернул Таваддуд и Дуньязаду со страниц книги. Таваддуд помнит только, как стояла в пустыне дикого кода в вихре урагана, завывающего голосами Ауна, а в следующее мгновение очутилась в пыльной книжной лавке, на первый взгляд казавшейся настоящей, но только на первый взгляд. Потом они шагнули через серебряные врата и, как утверждала Дуни, стали реальными: врата трансформировали квантовую информацию в материю, перенесли Имена их атомов на полотно действительности, как это делали яркие лучи Базы Соборности в Сирре.

Они находятся на Сатурне, и при этой мысли у Таваддуд начинается головокружение. Вокруг простирается искусственно

созданный континент, своими размерами превосходящий всю Землю. Таваддуд не до конца уверена, можно ли доверять ле Фламберу, ставшему их проводником в новом краю. Но она Таваддуд, дочь Кассара Гомелеца, она многому научилась в Доме Кафура и чувствует людей. Вдобавок Дуни говорит, что связана с зоку, здешними хозяевами, и надела кольцо, похожее на кольцо джинна, только с ярким пурпурным камнем, испускающим собственное сияние. Несмотря на былые разногласия с сестрой, Таваддуд знает, что в первую очередь Дуни заботится о Сирре, а тех, кого считает врагами города, обрекает на быструю смерть. Сейчас у Дуни заканчивается терпение, и она раздраженно водит камнем кольца по губам.

Таваддуд встает на колени на странную жесткую почву, состоящую из плотно прилегающих геометрических плиток, как пол во дворцах Сирра или чешуя джинна. Она осторожно опускает снежинку, но не спешит убрать руки.

— Подождите, — говорит ле Фламбер.

Он снимает голубые очки и смотрит на сестер.

— Я должен перед вами извиниться, — продолжает он. — И сейчас самый подходящий момент. Я пришел в Сирр, чтобы отыскать место, которое вы называете Потерянным аль-Джанна Пушки, и узнать секреты похитителей тел. И мне было все равно, как я это сделаю. Если бы не я, Сирр мог бы еще оставаться на Земле. — Он опускается на колени рядом с Таваддуд. — Я мог бы целую вечность извиняться за свои поступки, но именно тебе, госпожа Таваддуд, я причинил наибольший вред. Я угрожал тебе, я шантажировал джинна Зайбака, приставив к твоей голове оружие. Я хочу, чтобы ты знала: я никогда не решился бы спустить курок. Сможешь ли ты простить меня?

Таваддуд поворачивается и смотрит на него. Она помнит, как стояла на коленях в загрузочном храме Соборности, помнит черный зрачок бараки, помнит ощущение беспомощности, когда Сумангуру, которому она доверяла, предал ее. Гнев по-прежнему пылает в ее груди, и если бы ле Фламбер и сейчас был в облике Сумангуру, его присутствие вызвало бы у нее дрожь отвращения.

Но она помнит и другой момент в пустыне, когда казалось, что все потеряно, когда черные Драконы падали с неба, а человек в голубых очках пришел и взял с собой Сирр.

Таваддуд вздыхает. Ненависть и благодарность переплелись в ее душе, как переплетаются мухтасиб и карин, и она уже не может определить, где кончается одно и начинается другое. А потом она вспоминает мудрый совет старого Кафура: *говори им то, что они хотят услышать.*

— Я прощаю тебя, господин ле Фламбер, — говорит

Таваддуд, — если мой город таков, каким я его помню.

Если говорить откровенно, она еще не уверена, что это не сон: город в бутылке — это история вроде тех, что рассказывают муталибуны, безумное видение, навеянное диким кодом пустыни.

На лице вора появляется кривая усмешка.

— Полагаю, мне придется довольствоваться тем, что есть. — Он снова надевает очки и поднимается.

— Если вы готовы, дамы...

Таваддуд целует гладкую поверхность интеллектуальной материи и шепчет на счастье Тайное Имя аль-Мубди[29] Основателя. Она не знает, имеют ли здесь власть Тайные Имена, но семя как будто слышит ее мысли. Оболочка исчезает с тихим шипением, оставляя лишь легкий запах озона. Фрактальная снежинка рассыпается в пыль и стекает в трещинки между плитками, исчезая из вида быстро, словно вода в пустыне.

ле Фламбер прикасается к руке Таваддуд.

— Нам лучше отойти, — говорит он. — На это следует смотреть сверху.

Он показывает на прозрачные сферы — это, как Таваддуд уже знает, местная версия ковров-самолетов — и с ошеломляющей скоростью увлекает сестер вверх.

Внизу начинает подниматься город Сирр.

Сначала из металлической коры Ирем медленно поднимаются сверкающие кубы, сферы и многоугольники величиной с гору. Таваддуд, прищурившись, смотрит, как, вылепляемые невидимыми руками, встают грани Осколков. Затем между основаниями структур начинает клубиться белый туман, похожий на вихрь таких же снежинок, как и та, что хранила семя. Там, где проходит туман, словно миражи в пустыне, начинают проявляться детали и расцветают краски. Таваддуд видит города-ульи Куш и Миср, где живут Быстрые, темную сетку Города Мертвых, лабиринт рынков гоголов. Нет только алмазной иглы Базы Соборности. Таваддуд это не огорчает: башня была ложной осью города, и со временем они воздвигнут новую.

Ирем создает не только здания. Таваддуд уже замечает первое мерцание атара, тень Другого города, где живут джинны, где пишутся Тайные Имена.

Процесс продолжается несколько часов. Муки рождения города сопровождаются выделением тепла, и поддерживающие Ирем столбы раскаляются добела. Сфера поднимается еще выше, сохраняя прохладу, и с этой высоты они видят весь город. У Таваддуд вырывается вздох изумления: она видит не только силуэты города, но и загадочные контуры пустыни дикого кода, и

горы, где обитают рухи, и далекие Быстрые города.

— Аун настаивал на этом, — поясняет ле Фламбер. — Здесь они живут, это их плоть, их тело. Все это в конце концов должно быть тут. Все далекие уголки Земли, все забытые покинутые города, все, до последней косточки в пустыне, до последней крупинки песка. — Он выглядит расстроенным и сердитым. — С ними всегда как в истории о скорпионе: жалит потому, что такова его природа. Но, полагаю, их можно понять. — Он потирает переносицу. — Ладно, это не важно. Скоро надо будет прощаться, а у меня еще есть два подарка.

Он поворачивается к Таваддуд и подает ей тяжелую книгу в синем переплете. От нее веет тем же, что и от семени: интеллектуальная материя, где-то посередине между реальностью и вымыслом.

— Это люди Сирра, — говорит вор. — Я оставляю их вам. Здесь все, плохие и хорошие. Твой отец. Твой друг Аксолотль. И этот негодяй Абу Нувас тоже где-то здесь. В каждой истории должен быть свой злодей. Аун подскажет вам, как их вернуть. Я думаю, будет лучше, если это сделаете вы.

— Так история будет интереснее? — спрашивает Таваддуд.

— Намного интереснее.

Он достает что-то из кармана пиджака: это ожерелье с несколькими крупными разноцветными камнями, которые светятся изнутри, как и кольцо Дуньязады.

— Вам предстоит многое узнать об этом месте и о том, как обитатели Сатурна позволили появиться в своих владениях целому миру, в котором живет дикий код. Ответ прост: я украл эту Чашу. Но не беспокойтесь, зоку не станут требовать ее назад, у них много места. Но это вам пригодится.

Он держит ожерелье обеими руками. Камни мерцают, словно капли росы в паутине.

Дуньязада не может оторвать от них взгляда, слишком алчного, как кажется Таваддуд.

— Госпожа Дуньязада, — продолжает вор. — Я предлагаю тебе сделку. Твой камень зоку и мысленный код, которым ты его запечатываешь, за это ожерелье. Могу тебя заверить, это выгодный обмен. Камни не так-то легко получить. Сцепленности, которую они обеспечивают, хватит, чтобы ты стала богиней в этих местах.

Дуньязада хмурится.

— Господин ле Фламбер, прошу прощения, но это очень похоже на сделку с джинном. Если я отдам тебе свой камень, что ты будешь с ним делать?

— Я знаю, что он связывает тебя с зоку Большой Игры. А я

еще не закончил с ними одно дельце.

Сестра Таваддуд колеблется.

— Я выступала для зоку в качестве дипломата, — говорит она. — И то, что ты просишь, было вручено мне тайно, в знак доверия. Я могу отдать его тебе только в уплату за восстановление нашего города. Но я не думала, что ты потребуешь выкуп за освобождение людей.

— Туше, — отзывается ле Фламбер. — В таком случае, это будет не сделка, а подарок на память о городе Сирре и его жителях.

Таваддуд берет его за руку.

— Господин ле Фламбер, — произносит она. — Не мог бы ты составить мне компанию в небольшой прогулке в один из кварталов нашего города? Я чувствую, что после долгих недель пребывания в твоей пыльной синей книге мне необходимо немного размяться.

ле Фламбер смотрит на нее с удивлением, но затем предлагает девушке руку.

— С удовольствием, — отвечает он.

Я с этим разберусь, взглядом говорит она Дуньязаде. И не может не испытывать удовлетворения, увидев, как сестра кивает в ответ.

Они взбираются на верхушку Осколка Гомелец. ле Фламбер с беспокойством поглядывает на узкий переход и отвесные стены с обеих сторон. Таваддуд незаметно улыбается: при необходимости надо пользоваться слабостями мужчины, а Сумангуру всегда боялся высоты.

Она неторопливо и с удовольствием оглядывает окрестности. Город почти готов, и если бы не отсутствие запахов пищи, голосов людей и джиннов и других привычных звуков, Таваддуд могла бы представить себе, что уже дома. Пустынный город мог бы показаться мрачным и жутким, как Быстрые города с думающими зданиями, о которых рассказывают муталибуны, но почему-то он не пугает ее. Тишина полна ожидания, как будто город спит и вот-вот проснется.

Молчание нарушает ле Фламбер.

— Я еще раз прошу прощения, — говорит он. — Я найду другой способ подобраться к своим врагам. Я не могу просить твою сестру обмануть чье-либо доверие.

— Позволь мне самой договориться с сестрой, — отвечает Таваддуд. — Ты достаточно извинялся. Но ты не сказал нам ни о причине, приведшей тебя сюда, ни о том, что ты ищешь.

Она отнимает свою руку. *Есть время для обмана, и есть время*

для истины.

— Ты обидел меня и того, кого я когда-то любила, и этого я простить не могу, что бы я тебе ни говорила. Но я могу посочувствовать тебе. Я смотрю на тебя и вижу одинокого мужчину, разделенного человека; ты похож на нашего мухтасиба и карина, человека с другим существом внутри, и неважно, то ли это Принц-цветок Ауна, как ты говоришь, то ли тот, кем ты себя сотворил. Люди и джинны нередко называли мне ложные имена, и я знаю, как они звучат. Я не думаю, что Фламбер — твое истинное имя, так же, как и Сумангуру.

Она ненадолго умолкает.

— В Сирре рассказывают историю о муталибуне, много раз посещавшем пустыню дикого кода и видевшем много чудес. Его кожа покрылась сапфировыми наростами, но он все равно продолжал свои странствия. Настал день, когда его жена заявила, что он должен выбрать между семьей и пустыней. Мужчина в тот же день привел в порядок все свои дела, продал дом, позаботился о том, чтобы его жена и дети ни в чем не нуждались, и попрощался с друзьями. А потом он покинул город через Вавилонские ворота, откуда выходили все охотники за сокровищами, и больше не возвращался.

Вот этого мужчину я и вижу, когда смотрю на тебя, господин ле Фламбер, которого я знала как Сумангуру. — Она показывает на расстилающийся внизу город. — Я не могу простить, но могу протянуть руку помощи. Каким бы ни было обещание, которое ты стремишься выполнить, я прошу тебя: не надо. Не уходи через Вавилонские ворота. В этом мире, куда ты нас привел, нам понадобятся твои советы. Ты помог спасти город, и именем Гомелец я клянусь, что в нем всегда найдется место для тебя. Ворота открыты.

ле Фламбер молчит и смотрит на город, теряющийся в сумраке внизу. В странном свете Ирем его цвета принимают другие оттенки. Но все же это Сирр благословенный, Сирр скрытый, и еще более прекрасный, чем прежде.

— Я благодарен тебе за предложение, но не могу его принять. Одному человеку я обязан еще больше, чем Сирру. И для того, чтобы ее отыскать, мне нужен камень твоей сестры и помощь Ауна.

— Ее? — многозначительно повторяет Таваддуд.

— Нет, это не то, о чем ты думаешь. Мы… друзья.

— Я понимаю. — Она заглядывает ему в глаза. — А ты уверен, что это не история, которую ты рассказываешь сам себе? Я знаю, что говорят обо мне: *Таваддуд, любовница монстров, черная овца в семье Гомелец.* Это все равно что цепи из множества

имен, цепи, составленные из слов. И когда я слышу о мужчине, сдвигающем горы и преодолевающем грандиозные препятствия, я знаю, что всегда есть кто-то, ради кого он это делает, и этот кто-то не просто друг. Тебе лучше отправиться к ней и все исправить.

— Та... женщина и я, мы не раз к этому возвращались, — говорит ле Фламбер. — И еще чаще мы обижали друг друга.

Он с тоской смотрит вдаль.

Таваддуд берет его за руку.

— В таком случае, что ты хочешь ей доказать? Сирр может стать для тебя и местом исцеления. Нам многое известно об Ауне. Отец и совет мухтасибов знают много Тайных Имен. Возможно, мы могли бы освободить тебя от твоей... другой стороны. И ты мог бы обрести мир.

Он горько усмехается.

— Боюсь, для этого уже слишком поздно. Там, куда я ухожу, мне нужна моя другая сторона. И тогда история будет намного интереснее.

Он ласково целует ее в лоб и отстраняется.

— Спасибо тебе. Я никогда не забуду Сирр и милосердную Таваддуд. Но есть чудовища, которых даже она не в силах исцелить. — Он смотрит куда-то поверх ее плеча. — Кстати о них — извини, я должен тебя ненадолго оставить.

Таваддуд оборачивается. Неподалеку от ребра Осколка на краю пустыни дикого кода стоит Аун. Маленькая девочка в маске, пожилой мужчина в зеленом и какое-то постоянно меняющееся и светящееся существо. ле Фламбер сжимает пальцы Таваддуд, а потом направляется к ним.

Я рассматриваю Аун в неизменном рассеянном свете Ирем. Они стоят на кромке Осколка, а позади простирается пустыня дикого кода с ее дрожащими миражами. Теперь все трое выглядят более реальными, это не просто эхо в моем разуме, а мыслеформы, созданные из материи возрожденной пустыни. Я вижу волокна в маске Принцессы, вижу складки на форме Солдата и игру света на стеклянистых внутренностях кракена. Но даже сейчас трудно как следует рассмотреть их лица: они постоянно напоминают кого-то, кого ты некогда знал, но уже забыл.

— Теперь вы счастливы? — спрашиваю я. — Это не история ради выгоды, а целый город.

— Иногда это одно и то же, — говорит Принцесса.

— Хозяева этих мест скоро придут за тобой, брат. — Голос Солдата скрипучий, словно гравий. — Ты готов?

— Посмотрим, — отвечаю я и смотрю в небо.

Он прав. Скоро здесь появится Большая Игра или ее пешки. Использование сцепленности с Нотч-зоку на таком уровне не могло остаться незамеченным, как бы я ни пытался замести следы.

Это было непросто: создание сущности Нотч, бесконечные разработки дизайна Царств, чтобы получить сцепленность, достаточную для осуществления перехода к материальному проекту. Потом подгонка нотч-кубиков, повышение устойчивости Чаш и Полос, формирование горного рельефа. От бесконечного грохота молотов у меня до сих пор гудит голова. А под конец надо было отыскать в поясе Сайанаги Яйцо Края, вход в тайное Царство Випунена[30], старейшины Нотч-зоку, чье тело, словно змей Йормунганд[31], опоясало громом и молниями целую планету. Я вломился в хранилище камней зоку в центре этого урагана и выбрался наружу с несколькими камнями, создающими Чаши.

Я пожимаю плечами. Подготовило ли меня все это к встрече с Большой Игрой? Ничуть. Стоит мне отказаться от связи с Нотч-зоку, как они тотчас появятся здесь.

— Мы восстановились, — произносит кракен голосом, напоминающим пение стеклянной флейты. — Теперь мы вспомнили.

— Так что же это было? — спрашиваю я. — Что вызвало Коллапс?

— Ты, — говорит Принцесса.

Я ошеломленно хлопаю глазами.

— Зачем я стал бы это делать? — шепчу я. — Вы лжете.

— Из всех нас лжешь только ты, — говорит Солдат.

— Мы не принимаем решение, — продолжает кракен. — Это Отец освободил нас от плоти. Но именно ты разрушил старый порядок, и мы смогли вырасти.

Коллапс. Сирр падает с неба. Города пробуждаются, заполненные бесконтрольно размножающимися гоголами. Нервную систему мира захлестывает вал безумных мыслей. Автоматизированные корпоративные образования изымают миллионы физических тел, черные ящики поглощают населявшие их разумы…

Это чересчур. Это невозможно вынести. Я становлюсь в один ряд с Ченом, Жозефиной и Большой Игрой. Я их стою. Мне следовало бы спрыгнуть с Осколка и позволить пустыне дикого кода поглотить меня, вот только это уже было, и пустыня меня извергла.

— Это были вы, — свистящим шепотом заявляю я этим демонам пустыни. — Вы все спланировали. Ваш Принц-цветок

еще в тюрьме проник в мой разум, чтобы получить агента в материальном мире. Он вынудил меня это сделать. Он уничтожил мир, чтобы освободить вас. Я столетиями оставался его марионеткой. Ваше спасение было ошибкой. Чен был прав, когда пытался вас уничтожить. Вы воплощенное несчастье.

Принцесса делает шаг вперед. Я поднимаю руку, готовый ударить ее, но вдруг вижу ее глаза — угольки, пылающие истиной, и вижу в них свое искаженное яростью лицо.

Она протягивает руку, снимает с меня очки и гладит по щеке. Маленькая ручка кажется очень горячей. Я вдыхаю запах дыма. Он напоминает мне о палатке в пустыне, о горящей в ночи жаровне, о пробуждении и о строгом лице глядящей на меня женщины.

— Мы никогда тебя ни к чему не принуждали, — говорит она. — Мы лишены права выбора. Мы просто есть. Мы звали нашего брата, потому что скучаем по нему. Но ты не он. Никто не остается неизменным, кроме нас.

— Он коснулся тебя хрустальной пробкой, но выбор всегда оставался за тобой.

Мои глаза наполняются слезами.

— Но зачем? Для чего мне Коллапс? — шепчу я.

— Для того же, что и все остальное, — говорит Принцесса. — Чтобы доставить удовольствие богине.

Жозефина. Я служил ей, еще на Земле, это я знаю наверняка. Она открыла мне дверь. Я собирал для нее Основателей. Было время, когда ради ее улыбки я был готов на все. *Нет. Я освободился от нее. И поэтому переселился на Марс. И это было лучшее, что я когда-либо сделал.*

И худшее.

Я прогоняю воспоминания. Даю возможность метасущности утихомирить бурю в моей голове, сделать разум холодным и гладким, как пустыня дикого кода.

— Это не тот ответ, какой я хотел бы получить, — медленно произношу я. — Я хочу знать как, а не что. Я хочу, чтобы вы мне показали.

— Мы уже говорили тебе, — отвечает Принцесса. — Ты должен сам все вспомнить.

— Но я не помню. Это одна из тайн, стертых, когда меня поймали...

Деревянная маска Принцессы улыбается.

— Другой я, — вдруг осеняет меня. — Матчек упоминал другого меня, говорившего с ним. Так вот почему на «Леблане» появились призраки. Там обитает парциал моего прежнего «я», или даже мой гогол. И он наблюдает за мной.

Принцесса возвращает мои очки.

— Видишь? — произносит она. — Кто из вас сильнее любит тайны? Мальчик из пустыни или Принц-цветок?

Она идет назад к своим друзьям. А потом они тают в воздухе, превращаясь в песок и ветер.

Прощай, братец. Когда ты вернешься, мы будем здесь.

ле Фламбер возвращается. Он непривычно тихий, и глаза странно поблескивают. Пока они спускаются вдоль изгиба Осколка в одной из его волшебных сфер, Таваддуд оставляет вора наедине с его мыслями.

В конце концов Дуньязада отдает камень, а он дарит ей ожерелье. Таваддуд не может не признать, что оно очень к лицу сестре: блеск ярких камней на смуглой коже делает ее похожей на королеву.

— Я надеюсь, что ты будешь использовать их по назначению, — говорит ле Фламбер. — И жителям Сирра тоже понадобятся такие камни. А джинны могут захотеть обзавестись телами. Это место обладает силой, способной удовлетворить их желание. Город может стать совсем другим, не таким, как на Земле.

Таваддуд думает об Аксолотле. *Возможно, я сумею исцелить и других монстров.* И при этой мысли она улыбается вору.

С лица Дуньязады внезапно исчезает улыбка.

— Смотрите! — восклицает она, указывая на небо.

Сердце Таваддуд сжимается от ужаса.

— Нет. Неужели и здесь?

В небе возникли обманчиво красивые точки. Их невозможно сосчитать, и количество продолжает увеличиваться, словно на мозаичный пол высыпаются сверкающие песчинки. Светящиеся точки начинают выстраиваться с многоугольники и клинья.

— Не беспокойтесь, — говорит ле Фламбер. — Они пришли не за вами, а за мной. А я не заставлю их ждать.

Ну почему никогда не хватает времени на прощание? Ничего не меняется.

Он целует руки обеим сестрам и кланяется.

— Я тоже вышел из пустыни, — признается он. — Ваша более сурова и ничего не прощает. Но пока здесь есть вы, она навсегда останется прекрасным садом.

Мерцающая сфера уносит его ввысь. На прощание он посылает им воздушные поцелуи. Спустя несколько мгновений доносится отдаленный грохот, и новое небо Сирра пересекает белая черта. Пляшущие звезды выстраиваются вдоль нее, а потом все исчезает.

За время возрождения Сирра небо успевает потемнеть, и Таваддуд кажется, что она видит его впервые. Она смотрит на широкие кольца, диски и луны и светящиеся вдали нити, которые поддерживают другие небосводы. Таваддуд берет сестру за руку, и некоторое время они впитывают эту красоту. Затем они снова поворачиваются к синей с золотом книге Сирра.

— Ты думаешь, уже пора? — спрашивает Дуньязада.

— Да, — отвечает Таваддуд. — Давай разбудим их.

Интерлюдия
БОГИНЯ И ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Две Жозефины идут вдоль берега темного ночного моря, одна босиком ступает по песку, другая время от времени заходит в воду и перепрыгивает через мелкие волны. Одна уже стара, другая молода, и ее золотисто-каштановые волосы развеваются на ветру шелковистым знаменем.

Жозефина порой полностью погружается в парциала, наслаждаясь крепкой плотью и яркими глазами. Но она передала еще не все воспоминания и вынуждена углубляться в себя: что-то вырезать, что-то выбрать и сохранить. Она размеренно шагает, а с губ льется непрерывный поток слов для демиургов, вторящий медленному дыханию моря.

В последний раз она испытывала настоящую любовь к нему в свой день рождения.

Это было вскоре после того, как они проиграли первую войну. Даже спустя несколько столетий Матчек не соглашался признать свое поражение, и потому то давнее пятно в блистательной истории Соборности было стерто из памяти гоголов. Но Жозефина все помнит.

В конце концов, это она собрала их вместе из разных уголков мира, она посылала Жана, чтобы объединить их одной общей целью. Она сотворила из разрозненных фанатиков нечто большее.

Она приносила жертвы. Она допускала ошибки. К примеру, она всегда сожалела о том, каким образом ввела в это общество Антона Васильева. Он был идеальной для них фигурой: виртуальная поп-звезда, медиакиборг с миллионами поклонников, демагог и идеолог, похититель душ и сердец. Но она нанесла ему неизлечимую рану.

В итоге она создала из них армию.

Они боролись за свободу загрузок, кто-то сулил небеса, кто-то надрывался в загрузочных лагерях и в облаке. В Шэньчжэне они допустили ошибку. Освобожденные гоголы — рой разумных компьютерных вирусов — обезумели и захватили инфраструктуру города. Этот случай нанес сильный удар по всему движению Федоровизма. Пострадавшие государства, крупные корпорации и неустойчивые демократии организовали сопротивление. Они нанесли ответный удар и выиграли. Основатели — все, кроме нее,

еще связанной плотью, — бежали в космос. Они поклялись вернуться, а потом разумы, трансформированные в сгустки наноспутников, были запущены на орбиту верными последователями.

Матчек, Сумангуру и остальные клялись, что без ограничений тесной планеты они будут расширяться, накапливать ресурсы, а потом вернутся, чтобы завоевать Землю. Они ничего не поняли. Она знала, что будет намного лучше, если гоголы сами придут к ним, лишившись свободной воли.

А проблема была в том, что мир, поднявшийся из пепла войны, продолжал *функционировать*.

Мир рынков рабочих-гоголов, обширных виртуальных экономик, основанных на потенциальном труде загруженных разумов и их копий. И бесконечного множества сложнейших финансовых инструментов, применяемых к квантовым рынкам, — первое убийственное дополнение для квантовых компьютеров. Средства сцепленности, споры о праве на жизнь мертвых душ. Самая эффективная за всю историю система распределения ресурсов: совмещение номенклатур, сложные операции с ценными бумагами, применяемые буквально ко всему — труду гоголов, праву иметь тело из плоти, энергии, пространству и времени.

Злокачественные наросты, встающие на пути истинного бессмертия. Она хотела вырезать их, и для этого создала руку, держащую нож.

Жозефина умирает, лежа в своей спальне на острове. Светит солнце. Большую часть времени она через бими своей мыслящей кровати получает жизненные потоки от молодых, сильных и красивых служащих, используя их в качестве заместителей своего «я», но сегодня она видит солнечный свет и голубое небо собственными глазами. Искусственная сетчатка позволяет получать ясное и четкое изображение. У Жозефины возникает желание полюбоваться открывающимся видом, и кровать меняет форму, поддерживая ее тело в приподнятом положении. За окном видны белые мачты стоящих в гавани яхт. Снасти на ветру гудят и негромко позвякивают, создавая импровизированную музыку.

Жозефина отказалась от полной пересадки мозга в клонированное тело. В конце концов, в небе есть ее другие сущности, молодые и красивые, как ее жемчужины, и такие же одинаковые. ДНК-наномашины, восстанавливающие ее хромосомы, больше ничего не в состоянии для нее сделать, поскольку она была уже старой, когда изобрели бессмертие.

Но она всегда может рассчитывать на черный ящик для

загрузки — остроугольный венец, ожидающий своего часа в мягких недрах ее кровати.

Долгое время Жозефина не могла смириться с безнадежностью этой борьбы, что приводило ее в ярость. И только Жан смог убедить ее смотреть на стареющее тело как на кокон, из которого она сможет выйти, став еще красивее, чем прежде.

Он часто говорил об этом после того, как они занимались любовью.

Жозефина вспоминает их последнюю встречу и на мгновение погружается в сон. Спустя некоторое время кровать заставляет ее проснуться, и Жан уже здесь, сидит рядом с постелью, скрестив руки на груди.

— С днем рождения, Жозефина, — произносит он, и в воздухе появляется голубой цветок.

Жан подносит его к ее лицу, чтобы Жозефина смогла вдохнуть аромат. Кровать снова приподнимает ее, и запах уносит ее в прошлое, в детство, когда рано утром она бегом поднималась на склон виноградника, а башни старого селения вдали окрашивались пурпуром. Тогда она не обращала внимания на то, что солнце светит прямо в глаза, а кроссовки промокли от росы.

Она, вероятно, снова уснула, поскольку кровать мягко потряхивает ее, заставляя проснуться. Жан берет ее руку своими крепкими теплыми пальцами. Жозефина хмурится.

— Цветы, — говорит она.

Голос у нее скрипучий и тихий, но она не просит кровать сделать его громче. Если ее Жан что-то и заслужил, так это право видеть и слышать ее такой, какая она есть.

— Почему всегда цветы?

— Ну, я люблю цветы. Но сегодня есть кое-что еще.

— Драгоценности? Картины? Стихи? Но тебе ведь известно, что поэт из тебя никудышный.

— Туше, — с улыбкой признает он. — Это очень дорогой подарок, Жозефина. Я сделал тебя намного беднее. Надеюсь, подарок того стоит.

Он поднимает руки, сложенные так, будто держит маленькую птичку. Потом разводит пальцы, и между ними появляется голубоватый шар Земли. Движением рук он заставляет шар увеличиться, так что тог заполняет пространство между ними. Вокруг сферы сполохами северного сияния висит облако информации — графики и столбцы квантовых рынков.

— Я сделал эту машину из денег, — поясняет он. — Преимущественно из твоих. Хотя еще несколько компаний, сами того не желая, внесли свою лепту. Очень благородно с их стороны.

— Что это? Это слишком ярко для моих глаз.

— Присмотрись.

Кровать формирует вокруг ее головы прохладный купол, и через мгновение Жозефина не просто видит информацию, но *понимает* ее, ощущает напряжение в потоке, как в натянутой тетиве, чувствует бесчисленных торговых ботов, связанных нейтринными нитями, готовых вступить в дело по мысленному приказу.

— Это очень интересно, Жан, — произносит она. — Но для чего это?

Он наклоняется и смотрит на нее снизу вверх, как делает всегда, если сознает свою вину.

— У меня появилось какое-то предчувствие. Я всегда подозревал, что в произошедших переменах что-то не так. Я поговорил с зоку, и они дали кое-какие зацепки. Я... отыскал страхового гогола-физика, о котором они упоминали. Боюсь, я заставил его изрядно потрудиться. Он проработал детали.

— Жан, дорогой, ты ведь знаешь, что у меня нет ни времени, ни терпения обсуждать детали.

— Я вспомнил ту встречу, когда ты говорила, что будет лучше, если люди придут к нам по собственной воле. И что мир функционирует слишком хорошо.

— Ты сегодня очаровательно загадочен, Жан. В чем состоит мой подарок? Это мой последний день рождения, и хотелось бы, чтобы подарок был достойным.

— Ладно. Я подумал, если мы разобьем мир, он издаст весьма мелодичный звук, — говорит Жан.

Она судорожно втягивает воздух.

— Что я должна сделать?

— Просто подумай о чем-нибудь прекрасном. Вспомни тайну. Что-то такое, о чем никто не знает.

По лицу Жана она видит, что он хотел бы, чтобы она выбрала восхитительный момент, объединивший их двоих, — первую ночь в приморском городке или их первую встречу в ужасной вонючей камере. Он отказался пойти с ней, сказав, что через три дня вернется за ее жемчугами, которые ему очень понравились. Когда стража закрывала за ней дверь, она по глазам поняла, что он свободен. И впервые за долгое, долгое время сама ощутила свободу.

Но Жозефина не в силах противиться: из глубин памяти, заслоняя весь мир, поднимается другая тайна. То была самая ужасная ночь в ее жизни. Она лежит в кровати на грубых промокших простынях и держит маленькое мертвое красное существо, а внутри после непереносимой боли разливается

ощущение пустоты. Она видит закрытые глазки и клянется, что переживет эту смерть. Клянется никогда не умирать.

Жан замечает все это, замечает боль на ее лице и вздрагивает. Но уже поздно: его машина приведена в действие, мир начинает разваливаться. Он мягко сжимает ее руку, и они вместе наблюдают за происходящим.

Жозефина не совсем поняла, что произошло потом, что из увиденного ею через бими и маленькие спаймы Жана принадлежит к реальным воспоминаниям. Скорее всего, это комбинация фрагментов мыслей Прайма и накопленных столетиями данных, сведенных в одну картину, описывающую тот день рождения.

Рынки, контролирующие жизнь и смерть, обваливаются.

Стаи ботов-перекупщиков бросаются забирать тела, оккупируют все побережье Калифорнии.

Загрузочные города в Китае отключаются из-за нехватки энергии.

Начинается великий исход. Малолетние зоку спасаются на переполненных кораблях. Импровизированные передатчики своими лучами посылают гоголов в небо, прямо в подставленные руки Соборности.

Жозефина оживленно наблюдает за происходящим. Грифельная доска мира очищается полностью, и именно ей предстоит начертать на ней будущее.

Она поворачивается к Жану, чтобы поблагодарить за прекрасный подарок, чтобы поцеловать его, как целовала когда-то, чтобы сказать, как сильно любит его.

Это последний отрывок воспоминаний, переданный парциалу. Остальное она оставляет только для себя: выражение ужаса на его лице, печально распахнутые глаза, в которых не осталось ни радости, ни свободы. Она не понимает, в чем дело, как будто сработал часовой механизм.

Появляется что-то еще, что отсекает гоголов, обжигает и поглощает ее мысли.

Контролирующие климат зонды выходят из строя из-за перегрева Земли, и над планетой начинают метаться сумасшедшие вихри.

Небо снаружи перечеркивает огненное копье. Жозефина останавливает на нем взгляд, а добросовестно исполняющая свои обязанности кровать снабжает ее сведениями. Сирр, великий небесный город, падает на Землю.

Над Лондоном рассыпается ливень внезапно освобожденных

и покинутых миниатюрных тел. Позже их назовут диким кодом. Это змеи, жалящие разум, безумие, в Крике Ярости поглотившее флотилию сянь-ку, существа, порожденные машиной, которую создал Жан.

— Нет, нет, нет, — шепчет он. — Этого не может быть, я не хотел этого, я не понимаю.

Это не крушение, не пожар, это очищение. Жозефина закрывает глаза. *Пора,* мысленно говорит она кровати. За изголовьем поднимается загрузочный венец. Раздается негромкое жужжание лезвий. Кровать впрыскивает в ее мозг оптогенетические вирусы. Она изо всех сил хватается за руку Жана.

— Останься со мной, — шепчет она. — Я боюсь.

Он выдергивает руку.

— Не могу. Я должен идти, Жозефина, — также шепотом отвечает он. — Прости.

И он уходит, только в холле слышится эхо его торопливых шагов. Как же она раньше не заметила его слабости?

Начавшаяся загрузка лишает ее голоса, и Жозефине только остается надеяться, что слова останутся в памяти всех ее последующих сущностей.

Ты не сможешь вечно убегать. Ты не сможешь перестать быть самим собой.

Ты вернешься ко мне.

Глава одиннадцатая
МИЕЛИ И ПРАЗДНИК ВОСКРЕШЕНИЯ

Сквозь слой льда пробивается солнечный свет. Дыхание водооткачивающего дерева создает медленный поток теплого воздуха. Горизонт изгибается дугой.

Кото в цвету, в Маленьком Лете прохождения вблизи Солнца.

Миели парит в вышине рядом с Невесомым Оком в центре ледяной сферы, где живут воздушные медузы. Развернутые крылья ловят слабые восходящие потоки. Ее тело опять здорово, ран нет, а отсутствие боли воспринимается почти как потеря. Изменилось и кое-что еще: она больше не чувствует своих боевых систем. И не чувствует Пеллегрини.

Неужели она пожертвовала собой ради меня? Что заставило ее так поступить? Это бессмысленно. Но думать трудно. Вспышки схватки на поверхности Гектора впечатались в ее мозг осколками стекла.

— Как ты себя чувствуешь?

Зинда в традиционной для Оорта черной тоге парит в самой середине стайки медуз. Одежда ей не подходит: она меньше ростом, чем настоящие оортианки, и просторное одеяние развевается на ней, делая похожей на воздушную медузу.

Миели ловит себя на том, что улыбается. Ей приятно снова встретиться с девушкой-зоку. Но она качает головой. *Не забывай, кто ты и для чего здесь оказалась.*

— Я в растерянности, — говорит она вслух.

— Я надеюсь, ты не будешь возражать против такого Царства! От Хёйзинга-зоку я узнала, что ты просила нечто подобное. Хотелось бы включить какие-то элементы Нарративистов, но я попыталась выдержать стиль Моделистов, почти как в вире, насколько это возможно. Что скажешь?

Миели ничего не отвечает.

— Я имею в виду, что это временно, пока мы не доберемся до сети маршрутизаторов, и тогда тебя можно будет переправить домой и создать новое тело. Поверь, тебе бы *не хотелось* показаться кому-нибудь в том, что у тебя было! Мы едва успели протащить тебя сквозь Врата.

— Что произошло?

— Ну, Мик продемонстрировал изумительный полет. *Районы* погнались за нами, но на «Цвайхендсре» очень мощный двигатель на антиматерии, а держаться за тем, кто выбрасывает такую струю гамма-лучей, очень трудно, если ты понимаешь, о чем я. —

Она на мгновение умолкает. — А могу и я задать тебе вопрос? Что это было за существо на Гекторе?

Миели содрогается. *Я не могу ей сказать. Не сейчас. Я должна все обдумать.*

— Это воинствующий разум, новый тип. Он овладел моим скафандром и хотел загрузить мой разум. — Она пожимает плечами. — Я с ним разделалась.

— Я же говорила, что ты справишься! — Лицо Зинды становится серьезным. — Когда ты взорвала антиматерию, я думала... Я думала, что мы тебя потеряли, Миели. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так близок к истинной смерти. — Она берет Миели за руку. — Ты не должна мне лгать. Ты смотришь на меня как на тюремщика. Ладно. Это неважно. Но тебе следует знать, что я рада твоему успеху. — Ее улыбка одновременно выражает радость и грусть. — Мы все рады. Остальные тоже здесь, и ты можешь их увидеть, если хочешь.

Миели впервые замечает камни зоку: они при ней, только невидимые под покровом реальности Царства. Камень Лакричных зоку постоянно передает полные сострадания кваты.

Она вздыхает.

— Хорошо. Нам есть о чем поговорить.

Они ждут Миели и Зинду на поверхности кото, неподалеку от оставшегося без крыши дома из интеллектуального коралла, он обозначает вход в подземный улей.

— Моя дорогая леди, — торжественно произносит Мик, принявший свой базовый облик. — Я в тебе сомневался. Я скорблю о перенесенных тобой страданиях. И если кто-то снова усомнится в твоих достоинствах, мой клинок готов им ответить. — Он опускается перед ней на одно колено и склоняет голову.

— Функциональный элемент: изоморфизм, — комментирует Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер.

Миели чувствует, что ее связь с ними заметно окрепла, а между ней и Зиндой появилось нечто новое. *Сцепленность? Она проявляется таким образом?* На эту мысль камни отвечают ей новым сообщением: теперь она Агрессор Двенадцатого Уровня Лакричных зоку и Старшина Седьмого Уровня Экзистенциального Риска Большой Игры.

— Но я потерпела неудачу, — говорит Миели.

— Нет. Нет, ничего подобного, — заверяет ее Зинда. — Ты раскрыла обман в гражданской войне Соборности, доказала, что все это лишь прикрытие для чего-то другого. Анти-де-Ситтер подтвердила это своими вычислениями. Мы уже направили результаты остальным зоку. Ты себе представить не можешь, как

укрепилась наша сцепленность.

— Покажите, — просит Миели.

Анти-де-Ситтер открывает спайм, полученный разведкой Большой Игры. В Царстве Оорта он выглядит довольно странно — в воздухе повисает многоцветный шар переплетающихся нитей.

— Байесовский вывод: изменение приоритета. Операция: процесс визуализации.

Спайм расширяется, и вскоре они оказываются внутри шара в окружении отмеченных орбит и разноцветных полей потенциалов.

— Если отталкиваться от предположения об отвлекающей функции гражданской войны, перед нами схема их реальных замыслов, как их себе представляют зоку, — говорит Зинда.

В потоках *районов* и ресурсов наблюдается неустойчивость. В спайме выделяются и анализируются незначительные аномалии, которые могут быть вызваны присутствием кораблей с метазащитой. Миели улавливает общие контуры, даже не прибегая к помощи своих тактических гоголов. В сплетении траекторий образуется новый эпицентр, голубой узел активности возникает поблизости от Пострадавшего Района Где-Был-Юпитер.

— Они собирают флот, — говорит Миели. — А в топологических возмущениях Пострадавшего Района его можно спрятать надежнее, чем под метазащитой. Даже если это *губерний*. Известно, какие там собраны ресурсы?

— Насколько мы можем судить... это, возможно, все, что есть, — отвечает Зинда.

Я предоставил им общего врага, говорил Абсолютный Предатель.

— Наш древний враг перемещается! — с усмешкой восклицает сэр Мик. — Мой клинок Поглотитель Душ жаждет крови Соборности!

— Мы еще не знаем, что происходит между Основателями, кто или что подтолкнуло их к сотрудничеству, но очень похоже, что они готовятся напасть на Супра!

Вот оно что, думает Миели. Абсолютный Предатель тоже охотится за камнем Каминари. Но зачем ему нужна я?

Она поворачивается к Зинде. Ее глаза возбужденно сверкают, а из камня зоку просачиваются всплески непонятного энтузиазма.

— Я не понимаю. Мы же говорим о войне! Чему ты радуешься?

Зинда смеется.

— Ах, Миели, это же будет так интересно!

Миели прибывает на праздник воскрешения, когда вечеринка

еще только начинается.

Транспортная сфера высаживает ее перед гротом из листьев, ведущим в глубину леса. Впереди мелькают разноцветные огоньки, слышатся крики и негромкая музыка. Камень вечеринки — похожий на голубое яйцо малиновки — поблескивает в ее сложной прическе и настойчиво подталкивает. Миели выпрямляет спину и крепче сжимает сумочку для камней зоку. Ходить с раскрытыми крыльями, да еще в пышном черном одеянии, на котором настояла Зинда, очень неудобно. Миели набирает полную грудь воздуха и шагает вперед. Ее окутывает теплый пьянящий аромат летней ночи.

Из транспортной сферы Миели прекрасно рассмотрела Круг вечеринки. Полоса превратилась в обширный лесопарк. На месте дома Зинды раскинулись рощи деревьев, луга и степные равнины. Неизменной осталась только река, и сейчас по ней скользят небольшие лодочки с разноцветными парусами. Зинда пригласила множество гостей; даже столб масс-потока изменил свою форму и теперь висит в небе серебряной радугой. По нему спускаются многочисленные сферы, а между ними мелькают китайские бумажные фонарики. От Полосы отвернули солнечные зеркала, и в небе, почти таком же бескрайнем, как и над кото, зажглись далекие звезды, диски Реи и других спутников.

Миели вздыхает. Под босыми ногами шуршат листья кипариса. Где-то впереди должна быть поляна, на которой проводится праздник, и голоса становятся громче. Предстоящие встречи с новыми зоку ее не радуют. Все это маски, под которыми скрывается нечто иное, которые меняются в каждом Круге или Царстве, и Миели уже не в состоянии за ними уследить.

— Ты обязательно должна прийти! — настаивала Зинда, изумляясь ее намеку на усталость и нежелание веселиться. — Это моя первая боевая миссия, и без тебя ничего не получилось бы! Мы *должны* это отпраздновать!

На самом деле Миели хочется уединиться в своем садике, пропеть молитвы и заняться медитацией, но в ее новом теле постоянно стоит гул голосов, и ей очень трудно сосредоточиться. После схватки на Гекторе ее почти всю переделали. Большая Игра предложила свою версию истинного облика — полностью искусственную оболочку из фоглетов и алмазов, но Миели отказалась, настояв на синтбиотической копии ее биологического тела с сохранением всех уцелевших компонентов. Конечно, это не первоначальный вариант, но у нее остались метамозг, тактические гоголы и боевые рефлексы, да еще добавились несколько усовершенствований из области ку-технологий зоку. Как оказалось, высокий уровень сцепленности с Большой Игрой

обеспечивает немалые преимущества. Если Миели когда-нибудь снова придется столкнуться с Абсолютным Предателем, она будет к этому готова. Но чтобы привыкнуть к новшествам, требуется какое-то время. Ее гоголы непрерывно жалуются на несовпадение интерфейсов, болтовня на подсознательном уровне держит ее в постоянном напряжении, а в правой ноге, несмотря на все попытки улучшить состояние при помощи метамозга, еще чувствуется фантомная боль.

Но все это пустяки по сравнению с мыслями, бегущими по кругу, как лошадки сверкающей огнями карусели, которую она сверху мельком заметила на поляне. *Вторжение. Пеллегрини. Камень Каминари. Сюдян*. Эти мысли бесконечно сменяют друг друга.

Миели доходит до края поляны. Впереди видна карусель, вокруг нее собрались несколько гостей. С другой стороны установлены небольшие навесы и столики, и длинноногие золотистые роботы в смокингах подают напитки. Камень праздника все сильнее подталкивает ее вперед. С неба продолжают спускаться приглашенные, их истинные образы на ходу сменяются празднично одетыми базовыми фигурами. Зинда явно пытается ей угодить: правила Круга предписывают появляться исключительно в обличье людей. Миели невольно вздрагивает, когда прямоугольный, похожий на робота кайдзю из Большой Игры приземляется, а через мгновение распадается фоглетами, и на его месте остается небольшая группа в вечерних костюмах: две смеющихся девушки в одинаковых желтых платьях и похожий на эльфа мужчина в смокинге, отдаленно напоминающий сэра Мика.

Миели хмурится. *Как они могут быть такими беспечными?* Намечается вторжение, и оно произойдет самое большее через несколько дней — раз уж маскировка Соборности раскрыта, по всем законам тактики должен последовать немедленный удар. Флот и *губернии*, с их двигателями Хокинга, возможно, уже на пути сюда. Зоку не могут не понимать, что при колоссальных источниках энергии Внутренней Системы, контролируемых Соборностью, Супра остается в самом невыгодном положении. А Лакричные зоку болтают о грядущих сражениях, как будто речь идет о сложном уровне какой-то игры. Если Большая Игра и предпринимает что-то на этот счет, Миели не посвящена в эти планы: их камень молчит с самого возвращения из пояса Троянцев. А она не осмеливается задавать вопросы, несмотря на значительно возросшую степень сцепленности с секретной организацией.

Проблема еще и в том, что она не знает, какие задать вопросы.

Миели подходит к карусели и смотрит, как лошадки — в большинстве случаев без седоков — несутся по кругу. По другую сторону от карусели стоит еще одна группа гостей, и камень праздника настойчиво увлекает ее туда, но она пока не готова. С большим удовольствием Миели осталась бы в этом кругу света, музыки и движения: в маленькой сфере сияния карусели можно представить себе, что огромный город Супра вообще не существует.

Сюдян здесь понравилось бы. Они могли бы прийти сюда после бегства с Оорта. Но нет, она стремилась к настоящему бессмертию, такому, какое предлагает Соборность.

Эта мысль вцепляется в мозг острыми коготками. Холодок цепочки из камней на лодыжке усиливает фантомную боль в ноге. *Я теряю ее.* Постоянное присутствие Пеллегрини в мыслях служило напоминанием о ее миссии, холодным камнем, который в минуты сомнений можно было сжать в руке; косточкой персика во рту.

Пеллегрини. Впервые Миели встретила богиню — или Прайма — в ее храме на Венере, ревниво хранящем сингулярность, сотворенную из города Амтор, материи плато Лакшми и принесенных в жертву разумов. Крошечную плененную звезду, чей непостоянный горизонт до сих пор удерживает Сюдян и многих других. *Что ты можешь мне предложить, девчонка?* Она всегда была мстительной и вспыльчивой хозяйкой, *холодной сукой*, как называла ее «Перхонен». Ничуть не склонной к самопожертвованию, как говорила Миели сама богиня. *Почему же она спасла меня?* Гогол пеллегрини был одним из бесчисленных миллиардов, но Миели хорошо известно, что факт смерти от этого не становится менее реальным, а жертва — легче. Она помнит собственные копии, погибающие в сражении в пустыне дикого кода на Земле, помнит боль и внезапную пустоту, звенящую в ее метасущности.

Помни, сказала пеллегрини.

И она помнит. Так или иначе, Сюдян все еще заперта в черной дыре, и единственный шанс вытащить ее оттуда заключается в камне Каминари. Миели должна остаться в Большой Игре, выяснить, что им известно о камне, и придумать способ его добыть — и все это до того, как начнется вторжение Соборности. Миели снова жалеет, что вора нет рядом: он знал бы, что делать. Или «Перхонен». Миели так и не закончила песнь для своего корабля. И не хочет думать о «Перхонен», поскольку отлично знает, что бы от нее услышала.

Миели осталась в одиночестве, и больше нет времени думать о прошлом.

Она глубоко вздыхает и обходит карусель, погружаясь в море света и разговоров.

И как раз в этот момент ее атакуют зомби.

Четыре гниющих тела в смокингах и вечерних платьях, спотыкаясь и вытянув вперед руки, выходят ей навстречу из-за карусели. Миели узнает двух женщин в желтых платьях, которых видела раньше, вот только у одной из них сломана шея, так что голова повисла под невообразимым углом, и кожа у обеих приобрела землистый оттенок. В воздухе распространяется тошнотворный запах формалина и гнили.

Похожий на эльфа мертвец в смокинге протягивает руку и холодными липкими пальцами касается ее щеки. Миели, не думая ни секунды, со всей силы бьет его по голове сумочкой. Удар настолько мощный, что зомби летит прямо на вращающуюся карусель. Всадники на белых деревянных лошадках поднимают крик — от ужаса или от радости, Миели не берется судить. Она делает шаг назад, смотрит на женщин в желтом и гадает, позволит ли ей праздничный Круг применить новые боевые системы.

— Что я вам говорила? Никаких игр в зомби!

Это Зинда. Она в красивом зеленом платье, как будто завернулась в большие листья из кружева, шелка и жемчужин, оставив открытыми оливково-смуглые плечи и шею. В руке у нее бокал с шампанским, а взгляд мечет молнии.

Где-то вдали слышится вой.

— И в оборотней тоже!

Девушки в желтом начинают мерцать, принимают более живой вид и сердито смотрят на Миели.

— Правила Круга предписывают тему воскрешения, — произносит одна из них, шатенка с высокомерно надутыми вишневыми губками.

— И это как раз подходит! — добавляет ее подруга-блондинка.

Зинда поднимает взгляд к небу.

— Все, все! Не надо понимать так буквально. Посмотрите на меня: растения. Зеленые. Новая жизнь. Весна.

— Или зависть? — спрашивает она из девушек. — Я могла бы предположить и это толкование.

— Прости, Миели, это займет всего пару секунд.

Миели не может сдержать улыбку. Зинда упирается руками в бока.

— С этого момента зомби получают собственный под-Круг. Все довольны?

У шатенки темнеют глаза, и она поднимает руку, принимая вызов. Зинда насмешливо фыркает. Потом они обе одновременно трижды взмахивают руками. В итоге Зинда открывает ладонь, а шатенка оставляет кулак сжатым.

— Проклятье! — ругается она и топает ногой. — Я столько времени потратила на этот облик!

Она берет за руку блондинку, и они удаляются к более многолюдной части поляны.

Зинда вздыхает.

— Ты ей веришь? Я хотела организовать простую старомодную вечеринку, но если на праздник собирается множество зоку, он сразу выходит из-под контроля. Боюсь, все дело в недостаточной определенности стиля и темы. Кроме того, не все могут отличить Фитцджеральда от Лавкрафта. Так что не удивляйся, если сегодня вечером увидишь еще каких-нибудь Глубоководных.

— Предполагается, что я знаю, кто это?

— Если честно, лучше бы ты не знала. Хуже Мифических зоку могут быть только Высшие Манаиа, как я. Да что это я! Это же твоя вечеринка, а у тебя пока даже нет бокала, да еще привязались какие-то мертвецы! — Она подхватывает Миели под руку и тащит туда, где громко играет музыка. Доносится слабый запах духов и каких-то фруктов, возможно, персиков. — Пошли. Давай кое с кем познакомимся!

Праздник, как и положено, наполнен разговорами, танцами, музыкой и выпивкой. Музыканты в белых костюмах играют джаз. Большинство гостей в торжественных вечерних нарядах, но встречаются и странные личности, раздвинувшие границы Круга. Один из них — киборг с пышными бакенбардами и в высоком цилиндре, который, как определила Миели, намного старше, чем костюмы остальных участников вечеринки. У него медное туловище и механические руки, в одной из них зажато сразу несколько бокалов. Вокруг не менее странная группа человекоподобных зверей: лисица, барсук и белое существо, похожее на остроухого бегемота в галстуке-бабочке, который он все время неловко поправляет маленькими лапками.

— А потом «бум»! — рассказывает мужчина. — Они все стали стрелять! Честно говоря, нам самим надо было об этом подумать и сделать нечто подобное! Хотя бы в юбилей зоку! Но это было крайне невежливо! — Он качает головой. — И привело к истинной смерти, но я не хочу омрачать этот праздник грустными

воспоминаниями. А Чеховой здесь очень понравилось бы. А, Зинда! А эта леди, вероятно, и есть виновница торжества!

— Миели, это Барбикен из Ганклуба зоку, — говорит Зинда.

Миели знакомо это название по Протокольной войне: Ганклуб создает для зоку много оружия и военных кораблей — очень сложных, но весьма эффективных.

Он тоже один из нас, он из Большой Игры, посылает ей кват Зинда. **Он старейшина. Очень полезное знакомство.**

Барбикен целует руку Миели. Бакенбарды царапают ей кожу, словно стальная проволока. От него пахнет машинным маслом и неприятно резким лосьоном. *Старейшина,* повторяет про себя Миели. *Он должен знать о камне. Но как об этом спросить?*

— Я очарован! Прошу, присоединяйся к нам.

Мои поздравления, приходит от него кват. **За столь короткое время ты успела достичь многого.**

Я только хотела быть полезной.

Лисица и барсук вежливо поздравляют ее. Как выясняется, они составляют пару и принадлежат к сообществу Танцующей Кошки. Белое существо застенчиво молчит и только торопливо пожимает Миели руку.

Силы небесные, что тебе наговорила Зинда? Кват Барбикена приносит веселое изумление. **Большая Игра создана не для службы, а для развлечения!**

Он предлагает Миели бокал шампанского. Она принимает его и делает глоток. Золотистая жидкость приятна на вкус и немного щекочет горло. И придает ей смелости.

— Это большая честь для меня. Я... немного знакома с вашими работами, — говорит Миели. И она не лжет: однажды «Перхонен» оказалась рядом с пустотным кораблем Ганклуба, когда его взорвала *область,* и им пришлось спасаться в потоке радиации Хокинга.

Я постоянно это слышу, отвечает она в квате. **Но не могу так относиться к вторжению Соборности. Что предпринимает Большая Игра в этом отношении?**

— Вот и отлично! В таком случае мои новости будут для тебя интересны! Я только что рассказывал этим джентльменам о неприятном случае, недавно имевшем место на Япете, — начинает Барбикен. — Дерзкий взлом! Похищен ценный артефакт, нашей коллекции нанесены тяжелейшие повреждения. Откровенное нарушение законов Круга. **Сейчас не время и не место обсуждать подобные дела, к тому же это было бы грубейшим нарушением приличий по отношению к хозяйке. Я предлагаю направить запрос непосредственно зоку: как я понимаю, сила твоего волеизъявления значительно возросла,**

и он будет услышан.

В последнем квате прозвучала твердая решимость закончить разговор, но канал связи остался.

Миели улыбается Барбикену.

— Как интересно, — произносит она и ловит озадаченный взгляд Зинды. — Расскажите что-нибудь еще.

Приличия мало знакомы оортианцам, посылает она очередной кват Барбикену**. Неужели подобное бездействие можно считать признаком старения расы, чье время уже на исходе? Или мы чувствуем себя в безопасности, потому что обладаем камнем Каминари?**

Кват-связь на мгновение сбивается, и перед Миели мелькает странное видение: закручивающееся полотно света, словно вторая кожа Вселенной, невероятно далеко и в то же время совсем близко от нее. Затем канал закрывается.

Барбикен поднимает бокал к губам, но внезапный приступ кашля превращает его в гигантский фонтан. Изо рта вылетают струи испаряющегося вина. Члены Танцующей Кошки проворно пригибаются, а Зинда, оцепенев от ужаса, не сводит глаз со старейшины.

Барбикен одаряет Миели отеческой улыбкой и изящными движениями манипулятора промокает шампанское с бакенбард.

— Примите мои искренние извинения! Я так спешил ответить на вопрос юной леди, что пролил этот прекрасный напиток прямо на свой бойлер. Еще раз прошу меня простить, но теперь мне необходимо произвести кое-какие механические манипуляции, чтобы предотвратить взрыв, который, без сомнения, испортит настроение окружающим! Ведь для фейерверка еще рановато, не так ли?

Несколько неустойчиво переваливаясь на своих ногах-поршнях, он исчезает в толпе.

— Что это было? — спрашивает Зинда. — Только не говори, что ты с ним флиртовала! — Она прикрывает рот маленькой ладошкой. — Вот незадача!

— Ничего подобного! — заявляет Миели. — Что натолкнуло тебя на такую мысль?

Зинда вздыхает.

— Ну, честно говоря, это странное выражение твоего лица! Тем более что с самого появления здесь ты живешь как монашка. — Она легонько толкает Миели в плечо. — Придется это исправить! — Потом она прищуривается. — Ладно, я тебе верю. Если только у оортианцев не принято флиртовать с такой свирепой миной. Что бы там ни было, ты слишком серьезна. Так не пойдет. Не знаю, что тебя тревожит, но это может подождать.

Она берет Миели за руку и увлекает к опушке леса.

— Куда мы идем? — спрашивает Миели.

— Охотиться, — отвечает Зинда, подхватывая с подноса робота-официанта бутылку шампанского и два бокала.

— За чем охотиться?

— За яйцами с сюрпризом, конечно!

По всему лесу спрятаны яйца — маленькие голубые шарики, похожие на камни вечеринки, со светящимися золотыми номерами.

— Тебе нравится? — спрашивает Зинда, потягивая шампанское. — Это яичная охота-лотерея — каждый номер обозначает соответствующий ему приз! Мне казалось, ты не одобришь более массовых игр вроде джипформ или фаставал — все они немного мрачноваты — так что я выбрала что-то простенькое. Чем труднее найти яйцо, тем лучше приз. — Она улыбается. — Кроме того, я думаю, тебе будет приятно на некоторое время уйти из толпы. Знаешь, в Супра очень трудно организовать *маленькую* вечеринку.

Взгляд девушки-зоку излучает искреннюю теплоту. *Она пытается помочь. Я не понимаю, что она собирается делать, но она старается.*

Миели осушает четвертый бокал, прислушиваясь к тихим шорохам леса и отдаленному гулу голосов на поляне. Летающие в кронах деревьев фонарики создают в лесу атмосферу сказки, подчеркнутую мелодичным плеском воды в реке. Голубые и золотистые отблески спрятанных в траве и на деревьях яиц, как и послевкусие шампанского, повышают настроение. *Грядет конец света, а мы играем в детские игры. К черту, почему бы и нет?*

То ли выпитое шампанское, то ли действие камня вечеринки в волосах настраивает ее на легкомысленный лад. Впервые за долгие-долгие годы Миели ощущает себя приятно опьяневшей.

— Хорошо, — говорит она. — Я согласна сыграть. И выиграть. Если только ты не собираешься жульничать. Это не ты все здесь организовала?

— О нет, это зоку праздников! Идея была моя, но что и где спрятано или какие назначены призы, я не имею ни малейшего представления. Но давай сделаем игру немного интереснее. Если я наберу яиц больше, чем ты, я имею право на желание. Не волеизъявление зоку, а просто желание в его старомодном смысле, вроде того, что загадываешь при виде падающей звезды. Что скажешь?

— Отлично, — соглашается Миели. — Я тоже хочу желание, если выиграю. Давай через час встретимся у реки. Но ты кое-что

забыла.

Зинда усмехается.

— Что же?

— Я умею летать.

Миели расправляет крылья, и микропропеллеры беззвучно поднимают ее на один уровень с бумажными фонариками. Лес под ней мерцает крошечными голубыми звездами.

Глава двенадцатая
ВОР И ХРУСТАЛЬНАЯ ПРОБКА

Над Чашей Ирем повсюду вьются корабли зоку. По пути к геостационарной орбите своего корабля я сквозь увеличивающую оболочку ку-сферы различаю их сверкающие булавочные головки. Потом на фоне паров аммония и воды становятся видимыми соединяющие их лучи сцепленности, и небо закрывается серебристой сетью, сплетенной, чтобы меня поймать.

Переход в Царство «Леблана» теперь протекает безукоризненно гладко, словно скользишь по поверхности спокойной воды. Вокруг меня материализуется капитанская рубка. Карабас вытягивается по стойке «смирно» и с механической грацией снимает шляпу.

Корабельные датчики фиксируют в районе Чаши более двухсот кораблей: от репликаторов Нотч-зоку — крохотных коренастых насекомых — до густых зеленых деревьев Дайсона, веретенообразных кораблей Евангелисгов-зоку из пурпурной псевдоматерии и даже отдельных базовых скафандров — серебристых человеческих фигур с огромными круглыми радиаторами. Несмотря на разнообразие, все это члены одного временно образованного сообщества зоку, а их на первый взгляд беспорядочные движения перекрывают все возможные маршруты. Как там сказал Барбикен? *Ты можешь угрожать мелким зоку, но не более того.* Похоже, Большая Игра создала целый новый квантовый коллектив, чтобы меня изловить.

Полагаю, я должен чувствовать себя польщенным.

Я активирую двигатель Хокинга и отключаю маскировку. Распространенная информационная атака начинается немедленно. В защиту корабля со всех сторон бьют щупы кватов и программные помехи. Похоже, меня намерены взять живым.

— До краха защиты двести базовых миллисекунд, — объявляет Карабас. — Три целых и семь сотых субъективных минут при максимальном ускорении времени.

Я отодвигаю кота, сажусь за панель управления и легко касаюсь клавиатуры. Лишенная сознания сущность корабля окутывает мой мозг прохладной броней.

Не могу не прислушаться к своим мыслям. *А что, если позволить им меня поймать?* После того, что сказал мне Аун, я, кажется, именно этого и заслуживаю. Это будет нетрудно. Теперь я чувствую все возможные векторы движения, — и не могу выбрать ни одного, который вывел бы меня мимо Чаши в

открытый космос, чтобы убежать, или вглубь планеты, чтобы спрятаться. Любые мельчайшие изменения курса мгновенно вызывают реакцию всех ближайших зоку. *Не так ли чувствовала себя Миели, когда пыталась сражаться с роем Охотников?*

Через отданный Дуньязадой камень Большой Игры, надежно спрятанный в изолированную программную систему, поступает кват-сообщение. Я поручаю Карабасу и его агентам исследовать его и только потом выпускаю.

Ты сглупил, мой дорогой! Это, без сомнения, Барбикен. Кват приносит запах лосьона и слабое эхо звенящей меди. **Думал, я не замечу? Что ты сделал с совершенно новой Чашей?**

Голос старейшины зоку будит долгожданную ярость, и я приказываю своей метасущности использовать ее, чтобы помочь мне сосредоточиться.

В торговле это называется дробление и обновление, отвечаю я. Держись подальше от Ирем. Можешь убедиться, что Чаша под контролем члена Нотч-зоку по имени Дуньязада. Все абсолютно законно. А может, ты желаешь встретиться со старейшиной Випунен-зоку на Южном полюсе? Я думаю, он уже сожрал последнюю экспедицию, которая пыталась отыскать его Царство.

Великолепно! отвечает Барбикен. **Я думаю, он захочет присоединиться к нашему новейшему сообществу Ганимар-зоку! Исключительные детективы и охотники за людьми. Они повысили степень сцепленности, подобравшись к тебе так близко.**

Он пытается меня отвлечь. Думай, Жан, думай. Как бы поступила Миели?

Но ты, конечно, можешь сдаться, и мы решим проблему, как принято у джентльменов! Они будут сильно разочарованы! Я уверен, юная Миели будет рада с тобой увидеться и обсудить судьбу ее корабля «Перхонен». Ты ведь помог устроиться здесь той самой цивилизации, которая уничтожила судно, не так ли?

А вот это неверный вопрос.

Кстати, Миели такая умница! Я планирую миссию специально для нее, уверен, она блестяще справится — и будет соответствующим образом вознаграждена. Система волеизъявлений превосходно формирует личность, и сцепленные зоку становятся для тебя превыше всего на свете. Жан, почему бы тебе не попробовать? Тебе всегда не хватало цели. А мы можем тебе в этом помочь. Трубочный табак и звон превосходного фарфора. Этот мерзавец наслаждается ситуацией. Неважно. Я знаю, что делать.

Я в последний раз предлагаю тебе к нам присоединиться. Если попадешь в руки Ганимарам, они передадут тебя нашим специалистам по извлечению информации, а их игры не такие забавные, как Большая Игра.

— Двадцать субъективных секунд до отказа зашиты, — сообщает Карабас.

Я прокладываю крутую дугу вдоль самой поверхности Ирем и показываю маршрут коту.

— Давай, парень, — говорю я ему. — Ради разнообразия попробуй отработать свое содержание.

Жан, не переоценивай свои силы, можешь сколько угодно забавляться с Чашей, ты все равно лишь досадная неприятность, не более. Ты не справишься. На что ты рассчитываешь, сражаясь против целого сообщества зоку?

Карабас смотрит на меня с обидой. Я поднимаю руку.

На семью, отвечаю я Барбикену и обрываю связь. И опускаю руку.

— Давай.

Двигатель Хокинга «Леблана» выбрасывает колоссальный белый факел, и мы несемся вниз, к Ирем и пустыне дикого кода.

Мы только видим себя, сказал мне как-то Аун.

Фотонный хвост «Леблана» выжигает на поверхности Ирем послание. От резкого виража по параболической кривой, повторяющей изгиб Чаши, у меня в животе все скручивается.

Аун получил сообщение. Позади нас поднимается пустыня дикого кода: встают стены из пыли и песка, джинны размером с гору тянутся к кораблям зоку сапфировыми пальцами. Выстреливают протуберанцы аэроворов. На какое-то мгновение шторм дикого кода проникает сквозь защиту «Леблана», и перед моими глазами мелькают бьющие с неба огромные огненные змеи. Они впиваются в мой мозг горячими пальцами Принцессы-трубочиста, но затем узнают меня и отпускают корабль.

А вот кораблям Ганимаров приходится хуже. Дикий код врывается в их системы. От дерева Дайсона на поверхности изменчивых дюн остается только бесформенное пятно. Репликаторы шлют сигналы нотч-кубикам, скрытым под слоем песка, но в ответ поднимаются искаженные копии кораблей фон Неймана, описывают в воздухе замысловатые дуги, а затем падают и взрываются. Корабли Евангелистов направляют на пустыню свои орудия, и позади нас раскаленными жемчужинами расцветают белые вспышки антиматерии. У меня возникают опасения за целостность самой Чаши.

А потом появляются похитители тел. Они проникают в разум

зоку через фрагменты кодов и истории, рассказанные геометрическими фигурами на песке, и меняют коллективное волеизъявление Ганимар-зоку. Единый контур, направленный на наш корабль, рассыпается во все стороны. Это временное послабление — зоку не настолько уязвимы для манипуляций разумом, как слуги Соборности, и наверняка очень быстро примут контрмеры, — но «Леблан» получает достаточно времени, чтобы пройти вдоль края Чаши и вдоль светящихся потоков поддерживающих лучей в глубину Сатурна и скрыться от преследователей.

В относительной безопасности субтропосферных слоев я снова обращаюсь к Карабасу. Ганимар-зоку не сдадутся после первой неудачи, так что времени у меня немного.

— На борту есть другой Жан ле Фламбер? — спрашиваю я у кота. — Есть другая копия?

На Марсе моя бывшая сущность оставила мне серию подсказок, моих собственных парциалов, которые помогли отыскать воспоминания, спрятанные в Ублиетте. Может, и здесь я создал нечто подобное?

У кота вздрагивают проволочные усы.

— Требуется авторизация Прайма, — мурлычет он.

Плохо. После всех повторений в тюрьме «Дилемма» вероятность идентичности с Жаном, которого «Леблан» признал бы Праймом, ничтожно мала.

— Ладно, это несущественно. Продолжай.

Есть другая возможность. Технология «Леблана» представляет собой беспорядочное сочетание идей Соборности и зоку. А в Соборности существует концепция Библиотек: хранилище мгновенных копий гоголов людей, которыми ты когда-то был и захотел сохранить. Возможно, и на корабле имеется нечто подобное? Я еще не обнаружил такую Библиотеку, но ведь она и должна быть спрятана. Может, Матчек до нее добрался? Старые виры, вроде книжной лавки, базируются на гоголах-демиургах, на разумах, настроенных на поддержку иллюзий. Иногда удается их обмануть и активировать связи, не предназначенные для этого, используя что-то вроде гипнотической магии.

Надо бы поспрашивать Матчека, но сейчас не время для подобных разговоров.

Так где же я мог скрыть Библиотеку? Где спрятал бы фрагменты своей личности, которые не мог бы удалить в силу сентиментальности?

Ну конечно.

Я выхожу в коридор Царства и миную врата, ведущие на

залитую солнцем палубу «Прованса».

В шезлонге у бассейна я нахожу книгу. Здесь никто не обращает на меня внимания; это неподвластное времени Царство, в котором я месье д'Андрези, пассажир первого класса в бесконечном круизе по Атлантике, проводящий дни на палубе, а вечера в ресторане или за игорными столами.

На обложке книги пляшут золотистые блики отраженных от воды лучей. «Хрустальная пробка». Любимая книжка из прошлого, анахроничное бумажное издание с яркой обложкой, на которой выделяется темный силуэт вора с моноклем и хрустальный графин. Я усаживаюсь поудобнее, надеваю голубые очки и открываю книгу.

Страницы пусты.

Я торопливо перелистываю их в поисках подсказки. Книга в этом Царстве явно неуместна: едва притронувшись к ней, я ощущаю заключенное там ядро другой реальности. Кажется, что страницы ждут заполнения. Ключа. Воспоминания.

Я прикрываю глаза. *Требуется авторизация Прайма.* Подобный прием в ходу у Основателей Соборности: образ, составляющий ядро твоей сущности, стабильный для всех копий, нейронная конфигурация, которую взломать труднее, чем самый сложный пароль.

Я роюсь в памяти. Тюрьма. Облик основателя Сумангуру, поимка. *Нет, воспоминания должны быть старше.*

Фрагменты с Марса, найденные в коридорах Дворца Памяти. Пьянка с Исааком. Первое свидание с Раймондой. Интрижка с Джилбертиной. Переход между Рождением и Смертью. Нет, не годится. Еще старше.

Я сосредоточиваюсь на корабле. На «Леблане» имеются инструменты, которые могли бы пригодиться: программа метасознания, способная проникнуть в мой собственный мозг, словно отмычка, и отыскать нужный образ.

Я не в силах пошевелиться. Мой мир ограничен пустыми страницами, намертво приковавшими взгляд.

— Ты был идентифицирован как дивергентная копия мастер-Прайма либо захватчик, — слышится откуда-то голос кота. — Код Прайма должен быть предъявлен в течение тридцати субъективных секунд. После этого я уполномочен принять контрмеры.

Ублюдок. Следующую секунду я трачу на то, чтобы отругать самого себя. *И пожалеть, что родился.*

Вот оно. Когда я родился? Может, книга ждет воспоминаний о том моменте, когда я впервые открыл ее в тюрьме Сантэ, когда в

моей голове начал зарождаться Принц-цветок? Нет, это слишком просто, слишком очевидно.

— Двадцать секунд.

Или когда Жозефина открыла дверь моей камеры? Ее юное и одновременно старое лицо могло бы стать ключом к замку. *Нет, это не она. Не она определяет мою личность.*

— Пятнадцать секунд.

Страницы пусты и ярко освещены резким полуденным солнцем, словно пустыня. Я чувствую, что способен в них затеряться.

— Десять секунд.

Да ведь внутри меня тоже есть пустыня, чистый лист, на котором я впервые был написан, первая буква в облике маленького мальчика, лежащего на песчаной дюне.

Я шепотом обращаюсь к нему, он поднимается и выходит. Книга принимает его, и страницы заполняются черными чернилами воспоминаний.

Глава тринадцатая
МИЕЛИ И АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП [32]

Несмотря ни на что, Миели нравится охота за яйцами.

Чем дальше она продвигается, тем труднее становится их отыскать. Поначалу она находит несколько мелких яиц в ручьях, дуплах деревьев и под листьями — все это прекрасно просматривается с воздуха. Но одно особенно крупное яйцо, лежащее на изгибе ветки, при ее приближении вдруг выпускает тонкие белые ножки и с поразительной скоростью убегает. Миели преследует его по земле сквозь густой подлесок, но перед ней появляется пылающая расщелина. Яйцо без труда перескакивает через нее, а Миели едва не падает.

Она останавливается и видит, как на дне глубокой впадины шипит и разбрасывает капли раскаленная лава. Убежавшее яйцо скрывается в тени деревьев.

— Как тебе помогают крылья, оортианка? — звучит с другой стороны насмешливый голос Зинды. — Пора проявить сообразительность!

Миели, с досады скрипнув зубами, садится на камень и начинает перебирать в голове самые невероятные тайники, какие только может себе представить. *Цилиндр Барбикена. Облака. Бутоны цветов.* И начинает обыскивать их одно за другим.

Большая часть ее догадок оказываются бесполезными, несмотря на то, что она мастерски пикирует сверху, чтобы схватить шляпу Барбикена. Он что-то кричит ей вслед, но слов не разобрать. К счастью, правила Круга запрещают применить оружие, заменяющее ему руку. Цилиндр пуст, но Миели все равно надевает его и оставляет себе до конца вечеринки. Наконец она замечает подозрительно низкое облако над лужайкой — слишком белое и пушистое, чтобы быть естественным, — и обнаруживает парящее внутри большое яйцо с номером 890.

Время подходит к концу, и Миели, сложив добычу в цилиндр, спешит на берег. У нее набралось пять яиц. Она довольна результатом, особенно самым большим яйцом из облака. Миели ложится на траву и наблюдает за золотистыми и серебристыми отражениями фонариков, парящих над водой. Она представляет себя летящей вдоль реки над маленькими лодочками зоку, плывущими вдали.

Спустя какое-то время ее будит посторонний звук. Миели

резко поднимается и видит, что рядом опустилась на колени Зинда. Лицо девушки-зоку подсвечено снизу голубоватым сиянием.

— Извини, — говорит она. — Я не хотела тебя будить. Ты лежала так спокойно! Но должна сказать, что ты проиграла. — У ног Зинды светится пирамида, в которой не меньше дюжины яиц. — По-моему, я нашла даже главный приз.

Она поднимает крошечное яйцо с номером 999.

— Где оно было?

Миели протирает глаза. Она чувствует, что проснулась, но ночь и река все еще не выпускают ее из объятий своего очарования. А может, она просто не хочет с ними расставаться.

— В моей сумочке! Это последнее место, о котором я могла подумать. Но не думаю, чтобы оно было там до тех пор, пока я не заглянула, — и вот! А что это, шляпа Барбикена?

— А это последнее место, о котором смогла подумать *я*, — говорит Миели.

Смех Зинды разливается мелодичным звоном колокольчика.

— Ладно, я рада, что ты неплохо провела время, Миели, — говорит она.

— Я тоже рада. И спасибо тебе. Это была отличная вечеринка.

— Она еще не закончилась! Хочешь, вернемся и получим призы?

— Нет, не сейчас. — Миели заглядывает в шляпу. — Я предпочитаю помечтать о том, что я могла бы выиграть. — Она вынимает яйцо с номером 27. — Неспетую песню. Или новое начинание.

Зинда берет ее за руку.

— Отличная мысль, — соглашается она. — Может, нам поискать одно на двоих?

В груди Миели поднимается горячая волна желания. *Нет, только не так. Она ведь просто прикрывается маской. Все это не реально. А я только ради Сюдян, ради дополнительной информации поддерживаю эту легенду.*

Миели осторожно высвобождает руку.

— Кстати, о выигрышах, — говорит она. — Каким будет твое желание?

Зинда опускает глаза.

— Я скажу тебе позже.

Она надевает шляпу Барбикена. Цилиндр ей велик, и, чтобы удержать его на голове, ей приходится залихватски заломить шляпу назад.

— Не знаю, как ты, а мне кажется, что я делаю что-то недозволенное, — замечает она. — И мне кажется, что это нам

обеим пойдет на пользу. Как ты считаешь?

Миели выпрямляет спину.

— Всю свою жизнь я слушаю, что говорят другие, — отвечает она.

— И что же происходит потом?

— Обычно мы начинаем понимать, почему запретное запрещено.

— Давай! В такие ночи, как эта, просто необходимо нарушать границы и раскапывать склепы. Предложи что-нибудь запретное.

— Хорошо, — медленно кивает Миели. — Твой приятель Барбикен сказал, что запрещено разговаривать о камне Каминари.

Зинда широко раскрывает глаза.

— Я и не подозревала, что тебе об этом известно, — приглушенным голосом говорит она.

Миели пожимает плечами.

— Значит, ты не все обо мне знаешь.

Зинда улыбается.

— Миели, ты шутишь надо мной? Заигрываешь со мной, чтобы заставить разговориться о вещах, которые лучше не обсуждать?

Миели берет Зинду за руку. Ее ладошка кажется такой маленькой и теплой. *Помоги мне, Куутар,* мысленно просит она.

— А ты против того, чтобы с тобой заигрывали? — произносит она вслух.

— Миели, дочь Карху, ты предлагаешь мне *связь*? — спрашивает Зинда. — Чтобы я помогла тебе подняться на более высокий уровень, чтобы выдала секреты зоку, которых тебе знать не положено? Это плохо. Это очень плохо. И, как ты думаешь, мы поступим? — Она озорно усмехается. — Мне нравится. Дай мне твой камень Большой Игры!

Миели открывает сумочку и передает драгоценный камень Зинде. Девушка-зоку поднимает его в руке.

— Знаешь, это уж точно запрещено. Нас могут сослать на первый уровень! Но предоставь все тетушке Зинде.

Она прикасается камнем Миели к своему, словно чокается бокалами. Миели охватывает волна сцепленности, как будто в процессе медитации она с невероятной остротой воспринимает окружающий мир: множество членов Большой Игры повсюду в Супра, и их мысли смыкаются с ее мыслями. Затем эмоции утихают, как в отсутствие ветра успокаивается водная гладь.

— Вот и все. Ты получила не меньше трех дополнительных уровней. Как тебе это нравится? — Зинда возвращает камень Миели. — Не беспокойся, время от времени все так поступают. — Она понижает голос. — Итак, что же ты хочешь от меня

услышать? Ты же понимаешь, я не могу ничего тебе передать вопреки общему волеизъявлению зоку. Все, что ты должна знать, ты уже знаешь.

— Я просто пытаюсь понять, — говорит Миели. — Камень Каминари. Почему зоку не *используют* его?

Она поднимает голову и смотрит на звезды и дугу колец Сатурна, пересекающую небосвод световым штрихом.

— Прошло немного времени с тех пор, как я, до прихода сюда, хотела умереть, — негромко рассказывает Миели. — Я хотела истинной смерти, а не той, что бывает в ваших играх. И я едва не добилась своего. Но последние несколько дней заставили меня измениться: я хочу жить. Хочу охотиться за яйцами. Хочу петь. Хочу... — На некоторое время она умолкает. — Я знаю Соборность. Если они победят, они разорят этот город, заберут ваши разумы, то, что вы называете ку-сущностью, и заставят вечно работать на благо Великой Всеобщей Цели. И я не уверена, что вы, мы сможем победить без чего-то грандиозного.

— Ого. Похоже, ты не слишком хорошо умеешь флиртовать, верно?

Миели мрачнеет.

— Я тебя просто дразню! — восклицает Зинда. — Но поговорим серьезно. Использование камня — разве ты не чувствуешь, что это *неправильно*? Это против всего, к чему стремятся зоку. Защищать Вселенную. Контролировать экзистенциальный риск. Тебе известно, на *что* способен этот камень?

Миели качает головой.

— Я знаю только то, что возможности у него колоссальные. Что им хотят завладеть Основатели. И что он может быть использован против них.

— Ага! И это еще мягко сказано! — Зинда поджимает губы. — На самом деле, существуют две проблемы. Первая состоит в том, что мы не можем решить *трудные* задачи. Не все. NP-полные задачи. Например, задачу коммивояжера. Пакман. Они слишком сложные. Не под силу компьютеру, даже если он будет величиной во всю Вселенную! Это сводит Соборность с ума. А *мы* не придаем этому большого значения: игры становятся только интереснее. А для особых случаев, для лучшей координации, у нас имеются квантовые ускоренные методы. Ну, и для вечеринок, конечно!

Но если бы это *можно* было сделать, положение изменилось бы. Можно было бы предсказывать будущее. Восстанавливать историю. Автоматизировать творчество. Создать более мощный разум, чем у нас. Воплотить все безумные мечты об искусственном интеллекте, оставшиеся с еще доколлапсовых

времен. Все это объясняет не прекращающиеся уже не одно столетие попытки Соборности.

— Да, — кивает Миели, вспоминая город Амтор, исчезающий в пылающей воронке черной дыры на Венере.

— Вторая проблема заключается в том, что ни одна из известных нам физически существующих машин пока не в состоянии этого сделать. Это все равно что путешествия со скоростью, превышающей скорость света, или изобретение вечного двигателя. С этими задачами не справятся ни квантовые компьютеры, ни синтбиотические машины, какими бы большими они ни были! Уже давным-давно все согласились, что NP-боги могут обитать только в поле квантовой гравитации.

Если подобрать достаточно сильное увеличительное стекло, пространство-время распадется на крошечные частицы. В масштабе Планка каузальность становится переменным фактором. Можно даже создать небольшие машины времени, охватывающие замкнутые времени-подобные кривые. Ничего похожего на «Делориан»[33] или Парадокс убитого дедушки[34], они не вписываются в квантовую механику. Но, возможно, сюда можно было бы впихнуть компьютер. А если получится, то можно превратить время в память и решать NP-задачи. Звучит слишком заманчиво, чтобы быть правдой, не находишь?

Зинда наклоняется к Миели. Ночной воздух еще не успел остыть, но исходящее от девушки тепло приятно Миели.

— Скажи, если мои лекции начнут тебе надоедать, — шепчет девушка-зоку на ухо Миели.

Щекочущее дыхание вызывает дрожь во всем теле. Затем Зинда снова отодвигается.

— Должна признаться, моя подготовка не предусматривала теории компьютеров.

Миели качает головой.

— Мне интересно, продолжай, — шепчет она.

— Хорошо, — соглашается Зинда. — На чем я остановилась? Ах, да. Люди, конечно, пытались. И довольно давно, еще до Коллапса они создавали крошечные черные дыры. Они обнаружили замки Планка. Попробуй построить компьютер в квантовой гравитации, и получишь полную чепуху. Кое-кто утверждает, что замки созданы намеренно, что вся Вселенная — это законченная конструкция, а замки поставлены, чтобы удержать нас на своем месте. Симулированная реальность. Но я в этом не уверена. Возможно, они должны были здесь быть.

— Что ты имеешь в виду?

— Задумайся. Представь, что есть множество предполагаемых реальностей с разными законами. Призраки-зоку утверждают, что

есть сферы вероятности, и они сталкиваются, производя Большие взрывы. Вообрази миры, где нарушена структура каузальности, где пространство-время само может себя переписывать, где нет историй, нет игр. Можем ли мы существовать в таком мире? Могут ли в таком мире появиться неразумные люди, чтобы строить города и совершать ошибки? По-моему, нет. Это было бы слишком убого. Мы не могли бы эволюционировать в мире, где нет замков Планка. Они должны быть здесь. А если бы их не было, не было бы и *нас*.

Зинда снова берет Миели за руку.

— Теперь давай представим, что камень Каминари это сделал. Представим, что замки Планка взломаны. Допустим, у нас остались камни зоку. Ты обращаешься к камню, выражаешь желание, и, возможно, оно будет принято. Но твое желание может переписать пространство-время реальности, создать новый мир, где все, кроме того, что ты пожелала, стало другим, создать полость искусственного вакуума и стереть остальную Вселенную. Захочешь ли ты разрушить то, что имеешь сейчас? Есть ли что-то на свете, чего ты могла бы пожелать *так* сильно?

Миели не отвечает.

— Не тревожься насчет Соборности, Миели. Это просто еще один трудный уровень. Если перед нами стоит ясная цель, мы справимся с чем угодно. Стоит им прийти, и на войну поднимутся все зоку Супра. Соборность даже не поймет, кто наносит удары. Вот увидишь.

Ты не встречала Абсолютного Предателя, думает Миели.

— А ты видела его? Я имею в виду, камень? — спрашивает она.

— Я? Нет. Он спрятан в надежном месте, известном только старейшинам.

Миели вспоминает вспышку в квате Барбикена. *Закручивающееся полотно света, невероятно далеко и в то же время совсем близко.*

— Каким будет твое желание? — спрашивает Миели. — Надеюсь, оно не приведет к гибели Вселенной?

— Да, ты же мне должна за игру, — вспоминает Зинда.

— И что же это?

— Совсем небольшая награда.

— Говори.

— Поцелуй, — отвечает Зинда. — Для начала.

Ее пальцы ласкают шею Миели. Губы Зинды мягкие и горячие, приятно пахнут шампанским и персиками. Миели проводит рукой по изгибу ее бедра, ощущает тепло ее тела под

тонкой тканью платья.

Чувство вины шипом ку-скафандра вонзается между ребрами.

Она отталкивает Зинду.

— Я не могу, — шепчет Миели.

— Почему? — спрашивает Зинда. У нее обиженный вид. — Я знаю, у тебя кто-то был, Миели, та девушка в плену у ведьмы на горе. Но ее сейчас нет. Я думаю, это просто кукла, созданная ведьмой в твоей голове.

— Нет. Дело не в этом! — Миели встает. — Ты не понимаешь — ты же не настоящая. Это ведь не ты, а твоя измененная форма, созданная для *общения* со мной. *Маска*.

Ты идиотка. Все должно быть не так. Она обнимает себя за плечи, не в силах смотреть Зинде в лицо.

— Так вот в чем дело! — восклицает Зинда. — Миели, мне кажется, ты совсем нас не понимаешь. Я уже пыталась объяснить тебе это раньше. Мы оказались в этом месте, вдвоем, потому что мы такие, как есть.

— Я...

Зинда прикасается к ее лицу, обхватывает ладонями подбородок и ласково поворачивает голову.

— Ш-ш. Я хочу, чтобы ты это видела.

Она прижимает руки к груди. Между ними появляется теплое сияние, исходящее из-под гладкой кожи. Зинда подставляет ладони — камень зоку похож на жемчужную слезу в тонкой золотой оправе. Она осторожно укладывает его на землю рядом с яйцами.

— Большая Игра, — поясняет она. Затем появляется следующий камень, рубиновый глаз в серебряном диске, потом еще один, и еще. — Высший Манаиа. Супра. Хёйзинга. Полоса. Лакричный. Вот вся моя ку-сущность.

Она улыбается.

— Помни, мы всегда имеем право уйти. Ты в любой момент можешь остановить игру. — Она показывает на лежащие камни. — Теперь они для меня просто красивые побрякушки. А для тебя то, что ты видишь.

Расстегнутое платье с шорохом падает к ногам. У Зинды стройное изящное тело с бутонами маленьких грудей, и губы плоти розовой запятой между скобками бедер. Зинда грациозно переступает через платье, шагает вперед и словно танцор поднимает руки, чтобы обнять Миели за шею.

— Ну, кто теперь принадлежит к нехорошей Большой Игре, а? Кто собирается использовать несчастную невинную девочку?

Миели отвечает ей руками, губами и языком, и увлекает Зинду на травяной ковер, на яйца с сюрпризами и разбросанные

квантовые камни.

Потом Миели поет ей тихую ласковую песню влюбленных. В Оорте эта песня пробуждает на стенах *кото* звенящие цветы вяки. А здесь она вторит дыханию Зинды в ее объятиях и теплому лесному ветерку, от которого высыхает холодящая кожу испарина.

Впервые в жизни за стенами *кото* Миели чувствует себя свободной и легкой, не связанной никакими узами. Рядом с ней Зинда, такая миниатюрная, любимая и такая настоящая.

Я так не могу. Я не могу обманывать ее. Я должна рассказать ей правду.

Может, Пеллегрини и пожертвовала собой ради нее, но этот поступок несомненно преследовал какие-то эгоистичные цели. После долгих лет службы Миели ей ничем не обязана.

А Сюдян? *Она оглянулась.* Но она получила то, что хотела. Вечность. Бесконечную жизнь. Стала бы она сокрушаться о новом увлечении Миели?

Обещания и клятвы, цепи из слов и обманчивых надежд. Я покончила с ними. «Перхонен» была права. Она одобрила бы это. Она хотела бы, чтобы я была счастлива.

Я всегда любила тебя сильнее, чем она, сказала ей «Перхонен».

Возможно, это лучшая песня, какую я могу ей спеть.

— Почему ты перестала петь? — спрашивает Зинда.

— Я должна тебе кое-что сказать. — Миели делает глубокий вдох. — Я не такая, как вы. И не уверена, что когда-нибудь стану одной из вас. Я вступила в сообщество зоку, потому что ищу камень Каминари. И ты права. У меня была другая. И ведьма тоже была. Моя подруга «Перхонен» говорила мне то же самое, что и ты. Я была глупой.

— Миели, ты не обязана ничего объяснять.

— Нет, обязана.

Она начинает сбивчиво рассказывать Зинде о Сюдян, о Венере и Пеллегрини; о своем долгом странствии с вором и «Перхонен». И об Абсолютном Предателе. Потом говорить становится легче, и рассказ занимает немало времени. Слова иссякают, когда на бесконечно далеком горизонте расцветает розоватое сияние отраженного солнца.

— Я пойму, если ты захочешь всем этим поделиться с Большой Игрой, — говорит Миели напоследок.

Зинда обнимает ее обнаженные колени и заглядывает в глаза.

— Я не стану ничего рассказывать, если ты этого не хочешь. И, если придется, я покину зоку.

— Я не могу тебя просить об этом.

— Конечно, можешь.

Зинда покачивает в руке камень Большой Игры и долго смотрит на реку. Потом крепко зажмуривается.

— Черт, черт, черт, — шепчет она.

— Что с тобой? — Миели трогает ее за плечо. — Скажи мне.

— Я не уверена, что ты меня поймешь.

— После того, что ты слышала? Обязательно пойму.

Зинда грустно улыбается.

— Миели, я очень хорошо тебя изучила. Я знала тебя еще до нашей встречи. И я знаю, что это тебе не понравится. Но после того как ты мне все рассказала, я не могу держать тебя в неведении. Ты не выносишь лжи, Миели, на самом деле не выносишь. И, как ты и сказала, ты никогда не станешь одной из нас.

— Я не понимаю.

— Меня создали специально для тебя, Миели.

— Что?

— Я рассказывала тебе о детях зоку. Все мы созданы ради определенной цели. И моя цель — ты. — Она смущенно прикусывает губу. — Это не притворство. Это не маска. И не камень, внушающий мне определенные мысли. Я хочу сделать тебя счастливой и любить тебя. В этом моя сущность.

Миели опускает взгляд на разбросанные по земле камни. В утреннем свете они сверкают разноцветными искрами. Западня, это была просто западня. Она поднимается.

— Миели, прости. Но ты должна понять, это ничего не меняет.

— Я считала жестокой Соборность, — холодно произносит Миели. — Но они многому могут у вас научиться. Это место и все, кто в нем есть, заслуживают того, чтобы попасть им в руки.

Она поворачивается спиной к девушке-зоку и уходит в лес.

Миели долго бродит по лесу. На ней нет ничего, если не считать цепочки Сюдян и камней зоку, которые следуют за ней, словно стайка птиц. Она не обращает на них никакого внимания, не обращает внимания и на кваты Зинды и уходит все дальше. В ее голове, словно в глубине Сатурна, поднимается буря гнева, вины и растерянности. В конце концов она уже не в силах справиться с эмоциями и прогоняет их при помощи метамозга. Но от этого становится только хуже: разум отказывается принимать другие мысли, и Миели остается чистым листом бумаги, бессмысленной движущейся точкой.

Все вокруг постепенно меняется. Вечеринка окончена, Круг распался. Начинают проявляться структурные элементы мира:

поверхность скал и деревьев снова превращается в нотч-кубики, и вскоре Миели остается единственным живым существом в небрежно очерченном ландшафте из металлических конструкций.

Останавливает ее настойчивый импульс камня Большой Игры. *Оставайся на месте.* Миели сожалеет, что сразу не бросила его в реку, но теперь не находит на это сил.

Она останавливается и невозмутимо ждет. С воздушным хлопком рядом с ней появляются Врата Царства, и из них выплывает Барбикен — яркий всплеск красок на фоне унылого пейзажа.

— Полагаю, ты хочешь вернуть свой цилиндр, — говорит Миели, сложив руки на груди.

У Барбикена поднимаются брови, на лице появляется несколько смущенная улыбка.

— Моя дорогая, юные леди на вечеринке могут вести себя как им вздумается! И мой головной убор здесь ни при чем. Я приношу свои искренние извинения за то, что нарушаю твое уединение в такой трудный момент, но зоку срочно нуждаются в твоих услугах, а твоя наставница, милая Зинда, не смогла с тобой связаться. Я решил, что мое присутствие придаст просьбе больший... вес!

При этих словах он звучно бьет себя по медной груди тяжелой рукой-оружием.

Миели отворачивается.

— Как бы то ни было, меня это больше не интересует.

Она берет в руку камень Большой Игры, готовая выбросить его.

— О, я думаю, это тебя заинтересует! Как мне кажется, ты знакома с мошенником по имени Жан ле Фламбер?

Взгляд широко распахнутых глаз Миели обращается на Барбикена.

— Он *здесь*?

— В некотором роде, да. — Барбикен облизывает губы. — Мы получили от него сообщение. Он заявляет, что ровно через пятьдесят семь минут намерен похитить кольцо Сатурна.

Глава четырнадцатая
ВОР И ЕГО ДРУГАЯ СУЩНОСТЬ

Мальчишка лежит на горячем песке под палящим солнцем и планирует кражу.

По краю площадки, заставленной солнечными батареями, двигается робот. Он похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но под дешевым пластиковым корпусом скрывается биопроцессор, за который Одноглазый Ийя даст хорошую цену.

Во рту у него пересохло. Солнце такое жаркое, что способно сжечь кожу даже на его загорелой шее, а перед глазами начинают плясать яркие вспышки.

Вечером уставшая мать вернется домой, а ему нечего ей показать. На прошлой неделе он пытался выпросить у солдат в деревне сигарет, говорил с ними по-французски и показывал смешные трюки. Но Тафалкай, узнав об этом, выпорола его и обозвала клоуном, немужчиной, который никогда не станет аменокалом[35]. Это воспоминание жжет его щеки сильнее, чем солнце.

Солдаты смеются и курят рядом со своим приземистым автомобилем, едва видимым над волнистой поверхностью площадки. Он подсчитывает: пятнадцать шагов до робота, несколько мгновений, чтобы при помощи мультитула, взятого в лавки Ийи, вскрыть корпус. В его голове включается секундомер, отсчитывающий мгновения до нужного момента. И вот ноги словно сами собой уже несут его вниз с дюны, едва слышно шурша осыпающимся песком.

На ходу он подхватывает горсть песка и бросает его в сенсоры робота, а потом посылает еще и струю из баллончика с краской, и робот начинает беспомощно крутиться на месте. Мальчик вытаскивает телефон, щурится на экран и нажимает выбранный символ. Робот вздрагивает и замирает. Начинается работа над пластиковым корпусом. У него едва хватает сил, чтобы плоскогубцами из набора инструментов сорвать крышку величиной с ладонь. Солнечный луч проникает внутрь, освещая пластиковые трубки и желанную добычу — управляющие аппараты, которые составляют мозг робота. Осталось только засунуть руку и забрать их, и тогда мать улыбнется, и все будет хорошо.

— Ты что делаешь, мальчишка?

Он хватает добычу. Острые края пластика царапают руку, но

он вытаскивает приборы и пускается наутек. Подниматься на дюну значительно труднее, чем спускаться: ноги вязнут, словно в ночном кошмаре. Чья-то рука хватает его за шею, и он скатывается вниз, прямо в круг угрожающе высоких людей. Против солнца они кажутся черными силуэтами.

Один из солдат — плотный громила с синеватой щетиной на лице — грубо поднимает его на ноги. От него пахнет черным табаком и потом. Он бьет мальчика по лицу — сильно, намного сильнее, чем била Тафалкай. Металлический предмет на запястье солдата звенит о его зубы. Мозг в черепе болтается, словно яичный желток.

Он изо всех сил кричит по-французски, умоляя их остановиться.

Громила смеется. Он склоняется над мальчиком и обхватывает его голову огрубевшими пальцами.

— Черт побери. Это же мальчишка Тео, верно?

Он с трудом кивает, извиваясь в руках солдата. Он не хотел выдавать имя отца, но чтобы избежать побоев, готов на все.

— Что ж, парень, раз твоего отца здесь нет, кто-то должен преподать тебе урок о вреде воровства.

Удары винтовочных прикладов обрушиваются на его голову, ребра и руки, им вторят смех и брань солдат, и каждый удар открывает в теле новый кратер боли. Спустя некоторое время все сливается в ослепительный шквал агонии.

Он не помнит, когда все прекратилось. Сознание возвращается, когда мимо проползает очередной ремонтный робот. Люди ушли, жестокая игра им надоела. Он чувствует себя сломанной куклой: песок под головой почернел от крови, онемевшее лицо покрыто липкой стягивающей маской. Попытка пошевелиться отзывается в ребрах острой болью. На то, чтобы сесть, уходит немало времени: тело жаждет свернуться в клубок и остаться на песке.

Он разжимает пальцы правой руки. На ладони часы громилы, массивный серебряный браслет, украшенный драгоценными камнями.

Именно этот момент запоминается ему навсегда: не добыча, а сам факт мгновенного превращения в другого человека. Как будто он заново родился.

Он будет вспоминать его всю свою жизнь: по ту сторону моря, в городах и дворцах, и в других мирах, везде и повсюду. Так не всегда будет получаться. Порой его будут ловить и убивать. И однажды, в тюремной камере, он начинает читать книгу.

Мальчик превращается в молодого мужчину с тонкими

бровями, впалыми висками и усталыми глазами Петера Лорре. На нем смокинг и отороченный красным кантом плащ, словно он собрался в оперу. В петлице белый цветок, пахнущий летом. Это я.

Мы стоим плечом к плечу в прозрачном лабиринте, освещенном далеким невидимым солнцем. Холод пробирает до костей, и наше дыхание мгновенно превращается в облачка пара. По обе стороны узкого извилистого коридора расположены стеклянные камеры. Свет просачивается сквозь стены и оставляет на гладком зеркальном полу разноцветные узоры. В каждой камере находится изображающая меня восковая фигура. Вот я в молодости, вот постарше, вот с камнями зоку над головой. Все двери украшены чугунным литьем с изображениями цветов и птиц и снабжены табличками со старомодными надписями от руки. Интерьер напоминает мне входы в парижское метро. Дверь камеры позади меня открыта, и из нее веет жарким ветром пустыни. Табличка над ней гласит: «НАЧАЛО».

Все это очень сильно напоминает мне тюрьму «Дилемма».

Другой «я» улыбается, проходит мимо меня и закрывает дверь камеры. Затем жестом затянутой в белую перчатку руки предлагает углубиться в лабиринт.

— Хорошо, — произносит он. — Вот мы и собрались. Все мы.

Я иду по коридорам хрустальной галереи своих сущностей. Другой «я» на ходу что-то напевает.

— Сюда, — наконец говорит он, показывая на камеру с надписью «КОНЕЦ». Он вынимает небольшой золотой ключик, вставляет его в железный замок и открывает дверь. — Это моя. Нам тут будет немного удобнее. В галерее такой беспорядок. Так ведь это и есть причина твоего появления здесь? Генеральная уборка?

Внутри стоит небольшой стол и два тяжелых стула красного дерева напротив друг друга. Он указывает на один из них.

— Прошу, присаживайся.

Я осторожно сажусь и пристально наблюдаю за ним. Окружающая обстановка не похожа ни на вир, ни на Царство, насколько я могу судить, все прочно и реально. Я не ощущаю интерфейса «Леблана». В затылке начинается неприятное покалывание.

— Нужно ли опасаться каких-нибудь ловушек? — спрашиваю я. — И если ты собираешься поиграть, учти, я не взял с собой оружие.

— О нет, — отвечает он. — Никаких игр. Никакого оружия. Не здесь и не сейчас. Только истина. — Он откидывается назад и улыбается. — Во-первых, Жан, — думаю, я могу тебя так

называть, — прими мои поздравления! Ты первый из нас, кто сумел сюда попасть. Колоссальное достижение.

Я приподнимаю бровь.

— Во-вторых, прошу учесть, что я не полный гогол, как ты, просто парциал, эскиз, обладающий ограниченной автономией. Возможно, я не смогу ответить на все твои вопросы. И уж точно не смогу помочь в разрешении насущных проблем, которые у тебя могли бы возникнуть. Мне кажется, они связаны с решительным молодым человеком, с которым я немного поговорил, когда он впервые появился на корабле. Он очень настойчиво пытался воспользоваться любой слабостью в наших системах, и я счел нужным сказать ему несколько слов.

— Я благодарен тебе за это. Весьма любезно с твоей стороны.

— Да, я ведь должен был дать тебе какой-то намек, верно? Этот молодой человек — часть твоего плана похитить у Матчека Чена камень Каминари? Если так, могу тебя заверить, что ты напрасно тратишь время. У Чена его нет.

— Гм. Я уже сам об этом задумывался.

Я перебираю полученные от Сумангуру воспоминания о том, как Чен наложил руку на камень Каминари. Теперь задним умом я понимаю, что в этом деле что-то не так.

— Зоку слишком легко отказались от камня. Как будто специально подстроили, чтобы чены его нашли. Тут чувствуется рука Большой Игры.

— Точно.

— Но откуда мы знаем, что камня у него нет? — спрашиваю я себя.

На его лице знакомая усмешка.

— Ну, я, конечно, попытался его украсть. Выяснилось, что это ловушка для дураков. Коварный вирус, который должен был уничтожить целый копиклан ченов. Большая Игра не шутит. Я был почти удивлен, что они не подбросили взрывающуюся сигару или отравленный скафандр. — Он вздыхает. — Ничего не меняется. Я сохранил подделку на память об этом случае. Она валяется где-то здесь. Ну, а чтобы закончить дело цивилизованным образом, я оставил замену — с визитной карточкой.

— Да, это полезная информация. Знаешь, я потерял несколько месяцев и лишился друзей, пытаясь *похитить* твою визитную карточку.

Он машет на меня рукой.

— Успокойся, успокойся. Я ничего не мог тебе сказать, пока ты не избавился от Жозефины. Но теперь ты здесь, это самое важное.

— Так как же насчет настоящего камня? Как я понимаю, он остался у Большой Игры?

— Вот теперь мы дошли до главного, — говорит он.

— После того, как я попытал счастья с Ченом, я стал разыскивать настоящий камень. Да, Большая Игра его сохранила, если только они не совершили какую-нибудь исключительную глупость совсем недавно. Я не стану посвящать тебя в детали. Я его нашел. Оставалось лишь протянуть руку и забрать камень. Вот только...

Его взгляд устремляется куда-то вдаль.

— Только что?

— Он не *принял* меня. — Он снимает перчатки, прикрывает глаза и сжимает пальцами переносицу. — Я испытал колоссальное разочарование. Держать в руках частицу разумного пространства-времени и...

С его губ срывается то ли смех, то ли стон, и он качает головой.

— Ладно. Это не имеет значения. Но это действительно сделали Каминари. Они вычислили причину Коллапса. Скрытой нелинейности в самой квантовой механике, проявляющейся при масштабной степени сцепленности. В данном случае случился коллапс волновой функции, внезапная декогерентность целой системы, перешедшей в другое состояние.

— Декогерентность, которую вызвали мы, — подчеркиваю я. — Каким образом? И зачем?

— Ах, да, тебе это было очень интересно, — говорит другой «я». — Одна из моих задач — снабдить тебя информацией. Вот недавняя работа нашего уважаемого сотрудника, профессора Чжу Вэя.

Он достает из кармана стопку бумаг и кладет ее на стол. Заголовок на первом листе гласит: «РАЗРЫВ ЛИНЕЙНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КОНЦЕНТРИРОВАНИЯ ШИРОКОМАСШТАБНОЙ СЦЕПЛЕННОСТИ ДЛЯ КООРДИНАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ СИСТЕМЫ». Я бережно собираю бумаги.

— Для тебя же будет лучше, если ты не станешь слишком допытываться, как мы это получили, — предупреждает парциал. — То же самое относится и к твоему второму вопросу. В любом случае Каминари эту нелинейность использовали в других целях: чтобы взломать замки Планка. Они сформировали огромное временное сообщество зоку со всей Системы, как в старой сказке, когда все гильдии сообща боролись со Спящим. Большая Игра попыталась вмешаться, но они смогли лишь устроить скромный фейерверк. Каминари ушли бог знает куда и оставили камень

сцепленности. Он работает так же, как и все остальные: ты выражаешь желание, и он посылает запрос зоку. — Он вздыхает. — Вот только он не дает то, что ты хочешь. Я подозреваю, что эта проклятая вещица вычисляет когерентно экстраполированное волеизъявление Вселенной. Зоку способны сделать эту дурацкую концепцию реальностью. *Я дам тебе то, что ты захотел бы, если бы был мудрее, сильнее, энергичнее и лучше? Да, кстати, результат должен соответствовать интересам всей Вселенной.* Другими словами, то, что ты захотел бы, если бы не был самим собой.

Я закрываю глаза. Костяшки домино, постукивая, складываются в моей голове, но их узор мне не нравится.

— И поэтому ты решил стать кем-то другим.

— Да. Тобой.

Он встает.

— Знаешь, не могу этим заниматься без выпивки. Как говорил Исаак, это не химия, это традиция. Кроме того, я надеюсь, у нас есть за что выпить. Виски? — Он достает из кармана два маленьких стаканчика и охотничью фляжку, ставит все на стол и наливает напиток. — Здесь есть группа зоку под названием Общество: они буквально одержимы такими вещами. Для производства этого напитка они имитировали целую биосферу. — Он подносит к носу один из стаканов. — К счастью для нас, в производстве виски они преуспели больше, чем в его охране. И конечно, это уникальная марка. Квантовая информация, теорема о запрете клонирования и тому подобное.

Я беру свой стакан и принюхиваюсь: дымок, ваниль и что-то обманчиво сладкое.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Ну, я думаю, интересно попробовать напиток, в котором содержатся запахи, никогда не существовавшие на Земле, не имеющие даже названий, на исследование которых может уйти миллион лет квантового моделирования на атомном уровне.

— Я не это имел в виду. Зачем тебе потребовалось меняться?

Он разводит руками и грустно улыбается.

— Я устал. Я так давно чувствую усталость. Совсем измотался. Слишком много преступлений, слишком много имен. Со временем некоторые из них начинают давить.

— Все дело в Жозефине, не так ли? Всегда все связано с ней.

Он игнорирует мое замечание, отпивает виски и закрывает глаза.

— Ваниль. Деготь. Чуточка розмарина. Какое-то сочетание шоколада и угля. Что-то, чему я не могу подобрать названия, но мне кажется, такой должна быть жидкая любовь. И, конечно,

привкус вины. — Он проглатывает остаток напитка, вздыхает и снова наполняет стакан. — Знаешь, я не предполагал подобного всплеска эмоций, но так получилось. Надо же, я наконец увидел тебя здесь. Пусть на один миг, но все же. Снова появляется надежда. И чья бы то ни было смерть имеет значение.

— Что ты натворил?

— Что было для нас равносильно смерти? Быть пойманным. Я притворился, что преследую Чена, но делал это довольно неуклюже, чтобы он мог меня схватить. А прежде постарался, чтобы у Жозефины были причины меня вытащить, чтобы в ее памяти сохранился образ, позволивший выбрать меня из миллиардов вариаций тюрьмы.

Я опускаю голову и сжимаю виски кулаками.

— Ты *намеренно* угодил в тюрьму? Ты сошел с ума? Ты хоть представляешь себе, что это такое?

Он качает головой.

— Только теоретически. Но я надеюсь, ты признаёшь, что дело того стоило.

Я швыряю стакан в стену. Он разлетается вдребезги, и янтарная жидкость стекает по прозрачной стене.

— Что ты хочешь этим сказать, ублюдок? Это ничем нельзя оправдать!

Он смотрит на осколки и качает головой. В следующее мгновение мельчайшие фрагменты поднимаются и воздух, словно миниатюрная хрустальная галактика, а потом в моей руке вновь появляется стакан. Вот только виски в нем нет.

— Галерея настроена сохранять все в первозданном виде, так что, боюсь, приступы гнева здесь не эффективны. Кроме того, жаль попусту тратить хорошую выпивку. А, ладно. Легко пришло, легко ушло.

Я возмущенно закатываю глаза.

— Не хочешь ли ты сказать, что попал в тюрьму «Дилемма» для того, чтобы стать *лучше*?

— Нет, наоборот. Но есть вещи, которые нам никогда не давались. Альтруизм, сочувствие, сотрудничество. Или сожаление. Держу пари, ты уже сожалел о прошлых ошибках и старался их исправить.

— Но я не...

— Не имеет значения, раз ты пытался. Созданный в памяти Жозефины образ на самом деле не был *моим*. Все-таки эволюционные алгоритмы и сейчас являются лучшим способом для создания чего-то нового. Если ты попал сюда, если книга тебя приняла, значит, ты лучшая моя модель, насколько я могу судить, которую способен принять камень.

Он снова глубоко вздыхает.

— Жан, есть еще одно дело. Кража, чтобы покончить со всеми кражами. Покажи класс. Укради огонь богов прямо у них из-под носа. Я расскажу тебе, как это сделать. А потом все *изменится*. Соборность полагается на бессмертие, которое превращает души в машинные шестеренки. Зоку погрязли в глупых играх и Царствах, а это ведет в тупик. Чен всегда был прав. Мы не должны принимать положение вещей таким, как оно есть. Мы не должны повторять одно и то же снова и снова.

Он улыбается.

— И разве тебя не *бесят* эти замки Планка? Какой-то мерзавец в давние времена превратил Вселенную в тюрьму. Мне кажется, тебя это должно возмущать больше, чем кого-либо другого. Что скажешь?

Я сажусь. Смотрю на него, словно на свое отражение в зеркале, но не совсем. В нем не угасает непреодолимая *потребность*, отчаянное желание мальчика из пустыни. Я чувствую это на себе.

Я вспоминаю «Перхонен». *Что ты будешь делать, когда все это закончится,* спросил меня как-то корабль. Я думаю о Миели и Матчеке.

Кого я пытался обмануть? Это никогда не закончится.

— Ладно, — говорю я. — Я в игре.

Он хлопает в ладоши и усмехается.

— Отлично! Давай выпьем за это.

Мы чокаемся стаканами.

— Ты станешь Прометеем, — заявляет он.

— Что-то вроде того, — киваю я.

Мы пьем. Он прав: виски оказывает своеобразное действие — щекочет горло и вызывает смех. А послевкусие ложится на желудок странной тяжестью. Но это еще не все: вместе с растворенной в жидкости квантовой информацией появляется еще что-то, я впитываю код. И тогда возвращается ощущение «Леблана», уже подтвержденное кодом авторизации Прайма. Я вижу твердь, лежащую в основе Галереи, вижу ячейки программного обеспечения для прошлых проступков.

— Так-то лучше, верно? — спрашивает он.

Я киваю, вытягиваю руку и ставлю стакан на стол.

— Намного лучше. Спасибо.

— А теперь не хочешь ли ты выслушать мой план?

Он заговорщицки усмехается.

— Нет.

Я подмигиваю ему, а потом изо всех сил бью кулаком по лицу.

Удар получился не слишком удачным. Кулак скользнул по его челюсти, так что я едва не разбил себе костяшки пальцев. Но я с удовольствием увидел, как он рухнул на пол, закатив глаза. Я беру со стола фляжку с виски и направляюсь к двери.

Он изумленно таращится на меня, потирая челюсть.

— Проклятье, а это за что?

— За многое. Мы квиты. Я подыгрывал тебе только ради того, чтобы вернуть «Леблан». Мне предстоит еще одно дельце, но тебя это не касается. Я собираюсь спасти Миели и расплатиться с долгами, а потом все будет кончено. Жан ле Фламбер прекратит свое существование.

— Ты сам не понимаешь, о чем говоришь. Ты не слишком *сильно* отличаешься от меня. Это просто история, которую ты сам себе рассказал. Единственный способ выбраться из пустыни — это превратить ее в сад. Поверь мне.

— В тюрьме «Дилемма» я твердо усвоил, что доверять нельзя даже самому себе.

Он медленно поднимается, и его лицо искажает ярость.

— Неужели ты думаешь, что вот так запросто можешь уйти? У меня есть протоколы и на такие сценарии тоже. Ты здесь не единственный ле Фламбер. В тюрьме еще много таких.

Системы «Леблана» сотрясает дрожь: неожиданный конфликт с правами доступа. Мой парциал пытается перехватить контроль над судном. *Нехорошо. Корабли Ганимаров могут быть совсем близко.*

— Всегда можно найти выход, — цитирую я самого себя.

— Не всегда, — с невеселой усмешкой возражает он.

Я улыбаюсь и показываю маленький золотой ключ, который сумел украсть, когда разбил стакан.

— Туше, — говорю я. — Прощай.

— Подожди!

Я захлопываю перед ним дверь и поворачиваю ключ. Стекло затуманивается, и другой «я» превращается в статую с прижатыми к двери руками и ртом, раскрытым для слов, которых я больше не хочу слышать.

Я стою в Галерее и смотрю на бесконечные ряды застывших статуй. Я думаю о другом «я» — не о парциале, а о Прайме, погибшем, чтобы стать мной. Что же такое произошло, что он захотел стать кем-то другим?

Вот и мы. Все мы.

Я мог выяснить. Все, кем я когда-то был и кого хотел сохранить, все мои прошлые сущности находятся здесь, каждый в своей камере, словно старые письма, которые не решаешься

выбросить.

Я закрываю глаза. *В одном он был прав. Пора провести генеральную уборку.*

Я вытягиваю руки, мысленно обращаюсь к «Леблану» и сворачиваю вокруг себя Галерею. На лицо снова падает солнечный свет. Слышатся крики птиц и другие негромкие звуки окружающего мира, и неумолчный плеск моря.

— Что вы читаете, месье д'Андрези? — раздается рядом со мной женский голос.

Я вздрагиваю, снимаю голубые очки и прищуриваюсь, глядя на мисс Нелли Ундердоун. Ее смеющиеся серые глаза смотрят на меня из-под белого кружевного зонтика. — Мне показалось, вы так увлечены, что тоже захотелось прочитать книгу после вас. Знаете, в этой бесконечной прогулке очень быстро становится скучно!

— А, ничего особенного. — Я поднимаюсь и слегка кланяюсь. — Просто сборник весьма слабых детективных рассказов. Должен признаться, я так и не смог дочитать их до конца, так что не осмелился бы предложить книгу вам. Но, что касается развлечений, я всегда к вашим услугам. — Я предлагаю ей руку. — Не хотите ли прогуляться по верхней палубе?

Она скромно улыбается и кладет свою маленькую ручку на мой локоть. Спустя некоторое время, когда мы доходим до носа корабля, я бросаю книгу в море, чем вызываю у нее изумленный возглас. Страницы на лету раскрываются трепещущими крыльями, а потом книга исчезает в полосе пены за бортом «Прованса».

Глава пятнадцатая
МИЕЛИ И ПРОМЕТЕЙ

Вор смотрит на Миели. Он кажется более молодым, чем она помнила: волосы густые и иссиня-черные, тонкие брови словно проведены угольным карандашом. Но на лице та же самая высокомерная усмешка.

— Друг мой, — начинает он. — Я Жан ле Фламбер. Я занимаюсь кражами. Я довольно долго отсутствовал, и, возможно, вы меня не помните.

— Жан? — непроизвольно переспрашивает она. Сердце рвется из груди. *Он сумел выбраться, может, и «Перхонен» это тоже удалось.* Она прикусывает губу. Слишком рано строить обнадеживающие догадки. Боль от предательства Зинды еще не утихла, и Миели утратила всякую уверенность. Вор приподнимает брови.

— Боюсь, вы ставите меня в неловкое положение.

Ну, конечно. Это просто парциал, неполноценный гогол, просто говорящее дерево с небольшими штрихами подобия для достоверности. Миели чувствует себя неуютно и плотнее запахивает недавно сфабрикованную тогу. Барбикен задумчиво ее разглядывает. Они собрались в ничем не примечательном сером Невидимом Царстве Большой Игры, и старейшина, так же, как и она сама, кажется здесь совершенно неуместным. Зато вор, в строгом белом костюме, свободно развалившийся на металлическом стуле, прекрасно вписывается в обстановку.

— Не обращай внимания, — говорит она. — Продолжай.

— Охотно признаю, что мне еще многому надо научиться, особенно в области знакомства с очаровательными дамами. Это моя вина. — Он слегка наклоняется в сторону Миели. — Чтобы все окончательно прояснить, я намерен продемонстрировать, на что я способен. Как я уже говорил вашим коллегам, это будет громкое возвращение, если позволите. И я приветствую любую рекламу — не хочу, чтобы кто-то пропустил подобное зрелище!

Он смотрит на большие серебряные часы на запястье и постукивает по ним тонким указательным пальцем.

— Примерно через пятьдесят шесть минут базового времени я намерен похитить квантовую информацию, хранящуюся в кольце F данной планеты.

Миели оглядывается на Барбикена.

— О чем он говорит?

Но старейшина зоку только кивает вору.

— Отличный вопрос! — восклицает вор-парциал. — Если вы хотите получить подробный ответ, придется обратиться к вашим друзьям из сообщества Гринготтс[36]-зоку. Но краткое объяснение состоит в том, что каждый мало-мальски уважающий себя зоку старается навечно сберечь при себе *все* камни — а это довольно сложно без своеобразных Камер хранения. На случай войн, стихийных бедствий и тому подобных несчастий вы оставляете хотя бы часть своей ку-сущности в безопасном месте, чтобы после визита Жнеца не пришлось начинать с положения кобольда с квантовым эквивалентом первого уровня.

Вор вздыхает, а Миели задумчиво хмурится. *Он не похож сам на себя. За этим обличьем скрывается какая-то тайная цель.* Но она была знакома с вором лишь в последней главе его долгой жизни, а в прошлом Жан ле Фламбер прославился громкими заявлениями о предстоящих похищениях.

— В наше время последние достижения технологий незаметно вписываются в окружающую среду, и это относится и к проблеме хранения драгоценных камней. То есть долгосрочное хранилище в вашей квантовой памяти выглядит как естественный объект. Кольца Сатурна подходят для этого идеально. Добавьте в ледяную массу немного рубидиевых примесей, привяжите их к магнитосфере планеты, и у вас получится естественная основа для хранения квантовой информации. Жесткий вакуум, низкие температуры — немного старомодно, но более долговечно, чем теплота и влажность синтбиотических компонентов маршрутизаторов. Насколько я знаю, в кольце F имеется несколько квадриллионов ку-битов информации зоку, в основном относящейся к инфраструктуре Супра.

Вор смотрит на Миели поверх сложенных пирамидкой пальцев.

— Я собираюсь все это забрать. — Он снова бросает взгляд на часы. — Через пятьдесят шесть минут! — Как я понимаю, мы в режиме быстрого времени. — Весьма разумно. — Он оглядывается по сторонам. — Так вот почему здесь такая прозаическая обстановка? Или это традиция? И один из вас плохой коп? — Он опять наклоняется к Миели. — Это вы? Но вы слишком красивы для плохого копа.

Миели прищуривается.

— Ты даже не представляешь, — говорит она.

— О! Я заинтригован! По крайней мере, у нас есть время познакомиться поближе. Но в любом случае думайте хорошенько. Это вам не поможет.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает Миели.

— Зачем жалит скорпион? Такова моя натура! — Он

поджимает губы. — Да, я знаю, собственность. Как это *прозаично*, Жан! — Он подмигивает Миели. — Что ж, если откровенно, все это прощальное выступление. Я решил провернуть последнее дельце и после этого удалиться на покой, а эта планета привлекла мое внимание. В конце концов, Сатурн — бог старости. А *Жан ле Фламбер, король Сатурна*, звучит неплохо, вы не находите?

Миели поворачивается к Барбикену.

— Что вы — мы — намерены предпринять? — Она оглядывается на парциала. Он невозмутимо улыбается и бросает на нее страстный взгляд, который ее ничуть не волнует. — Как я понимаю, он не может нас подслушать?

— Нет, мы здесь в «песочнице», в изолированной системе, — наружу ничего не просочится.

Барбикен поднимает руку-манинулятор к своим рыжим бакенбардам и расчесывает их тонкими золотыми пальцами.

— Дорогая, дело не столько в самом его преступлении, сколько в информации, которой он, по-видимому, владеет. Именно по этой причине мы с ним беседуем. Можешь продолжать, мой коварный друг.

— Благодарю, — отзывается вор. — Вы намного вежливее большинства людей, с которыми мне доводилось общаться. Да, кстати, ваша «песочница» не так уж и надежна. Ну, разве что для трехлетних детишек...

— Прошу продолжать, — раздраженно бросает Барбикен.

— Я просто констатирую очевидные факты! Кстати, об очевидном: я знаю, о чем вы, вероятно, думаете. Вы ведь зоку — рассредоточенный квантовый разум с миллиардами членов! Что не дает вам сформировать особое детективное сообщество для задержания этого злобного монстра и направить обладающих многими камнями ищеек, чтобы меня остановить?

Некоторое время вор внимательно изучает свои ногти.

— Барбикен, как ты сумел выпутаться в прошлый раз?

Миели делает глубокий вдох. С одной стороны, настоятельное убеждение камня Большой Игры и ее собственная давнишняя неприязнь к вору не оставляет никаких сомнений. *Возможно, это мой шанс, думает она. Если я добуду важную информацию для Большой Игры, я смогу подобраться к камню Каминари немного ближе.*

Но это означало бы предать вора.

От этой мысли в животе образуется тугой комок. *У нас были разногласия, но мы сражались плечом к плечу.*

А это место заслуживает любых несчастий, которые он смог бы ему причинить. Но он ли это, или еще какая-то копия из

тюрьмы «Дилемма»?

Или он все еще работает на Пеллегрини? Тогда он тоже охотится за камнем Каминари. Он знает, что камень у зоку. А эта кража — всего лишь отвлекающий маневр. Я могу открыть все, лишь бы не выдать истинную цель. А ему это могло бы помочь.

Но как же передать ему сообщение?

Она смотрит на парциала. А он выстукивает пальцами по столу раздражающе нестройный ритм.

— Милая леди, вы, кажется, задумались, — замечает Барбикен. — Само собой разумеется, зоку с одобрением отнесутся к любым сообщениям об отношениях с молодым ле Фламбером.

Лицо старейшины помрачнело. Веселого джентльмена давно нет, осталось суровое, холодное и более древнее существо.

Он продолжает, слегка понизив голос.

— Давай говорить как взрослые люди. Миели, нам известно твое прошлое. Мы предложили тебе возможность начать все сначала. Для нас важна лишь твоя квантовая сущность. Если ты еще сохранила какую-то неуместную преданность по отношению к ле Фламберу, могу предположить, ты скоро от нее избавишься. Ты уже создала собственное сообщество зоку. Есть люди, которым ты не безразлична. Неужели ты хочешь позволить ему все это разрушить?

Барбикен поднимается над стулом и нависает над вором-парциалом, а потом с несвойственным ему терпением с любопытством его рассматривает.

— Позволь, я кое-что расскажу тебе о ле Фламбере. Ты можешь быть уверена, что хорошо его знаешь, но это не так. Он очаровывает тебя. Ради своих целей он готов носить любую личину. Я познакомился с ним, когда был еще молодым и глупым, и он очаровал меня, как и других. Но когда приходит время, он избавляется от тебя, как от ставшего ненужным инструмента. После его исчезновения я решил, что вместе с ним исчезли и все его грехи, или он в конце концов оставил свое занятие. Но он снова появился несколько дней назад. В чужом обличье он явился в мое первоначальное сообщество, в Ганклуб, чтобы похитить свой прежний корабль. Должен признаться, что я принимал участие в его создании, о чем теперь сожалею. При отступлении он убил одного из молодых членов Клуба, девушку по имени Чехова, едва ли старше тебя. Это была истинная смерть, были уничтожены все ее камни. Она просто стояла у него на пути. — Он наклоняется к парциалу. — Не думаю, что ты меня слышишь, ле Фламбер, — продолжает он, — но если бы слышал, я бы сказал, что на этот раз тебе не удастся уйти.

Он приставляет руку-оружие к голове парциала. Раздается

грохот, сверкает белая вспышка, а затем глухо чавкает имитация живой плоти.

Барбикен вздыхает.

— Извини, Миели, — говорит он. — Теперь я чувствую себя немного лучше. — Он протягивает ей руку-маниулятор. — А теперь, не пора ли побеседовать с остальными зоку?

Пятьдесят шесть минут в Невидимом Царстве — это очень много. Миели ожидала увидеть нечто, напоминающее боевые виры Соборности, непрерывный поток информации с обширных и сложных систем, координирующий и контролирующий штаб. А вместо этого Царство оказалось похожим на огромную игровую доску, на которой вели игру мысли. В бесконечном темном пространстве цветные бусины с прикрепленными к ним серебристыми струнами образовывали сложнейший лабиринт дискуссий. Она могла мысленно приблизиться к любой из них, получить кват, содержащий последнюю мысль в цепочке, и изложить собственное мнение, которое занимало определенное место согласно алгоритмам квантовой координации. У Миели появилось впечатление, что она попала внутрь пространной песни.

Она выбирает наугад одну из нитей.

…Цель. Ленорман из Ганимар-зоку, посвятивший себя традициям преступлений в постчеловеческом контексте. **Какова в действительности его цель? Я не верю, что это настоящий ле Фламбер, скорее это концептуальный проект, реализованный еще не идентифицированным сообществом зоку…**

…Концептуальное искусство: наши марсианские агенты подтвердили, что ле Фламбер в облике Поля Сернина имеет отношение к концептуальному искусству…

Миели чувствует, что теряет нить размышлений, и приказывает гоголам и метамозгу по возможности сократить рассуждения, оставив самое главное. Царство позволяет ей по желанию получить обзор всей истории мысленной паутины зоку, и она замечает, насколько тонкими и хрупкими стали нити по сравнению с прежними плотными сияющими переплетениями.

Она снова сосредоточивает внимание на первоначально выбранной нити. *Надо что-то добавить. Барбикен за мной наблюдает.* Она следит за цепочкой, а затем включает в нее первую пришедшую в голову мысль. Окружающие разумы набрасываются и мгновенно поглощают ее.

…Поль Сернин… в данном случае предмет концептуального искусства был создан для хранения информации…

Она ощущает приятно щекочущую дрожь камня Большой Игры: вклад признан успешным, и она получает в награду еще немного сцепленности.

…хранилище квантовой информации: весьма целесообразно, проект Гринготтс с кольцом F ему понравился бы…

Кольцо F: технология Шрёдера с целью создания механизма долгосрочного хранения, неотличимого от окружающей среды. Возможны согласования с парадоксом Ферми спам-зоку…

Нить разделяется на обсуждение природы парадокса Ферми и возможной связи отсутствия видимых признаков чужеродной жизни с намерениями вора. Миели отслеживает нить и переходит к бусине, содержащей некоторые сведения о самом кольце F.

Кольцо F: каковы возможные механизмы осуществления кражи? В самом кольце содержится лишь небольшая рассредоточенная программа. Первичные механизмы извлечения расположены на Пандоре и Прометее…

…Прометей, инстинктивно вплетает свой кват Миели. **Похититель огня. Название может иметь для него значение.** *Стать Прометеем, или что-то вроде того.*

…Прометей. Тематическая связь, общая черта преступлений ле Фламбера. Приятный прохладный поток усиленной сцепленности, словно глоток фруктового сока в жаркий день.

…Поместить туда агента. Кого-нибудь, знакомого с ним. Меня. Всей силой своей сцепленности она стремится вплести свое желание в общее волеизъявление зоку. *Я должна хотя бы попытаться передать ему сообщение. И спросить о «Перхонен».* При воспоминании о последних мгновениях корабля, о присутствующих там воре и Пеллегрини в ее груди снова вспыхивает гнев. *Они одинаковые. Барбикен был прав. Они пойдут на все, лишь бы добиться своего. Но я хочу знать, что произошло.*

Камень зоку посылает ей вспышку озарения. Неотложную необходимость как можно скорее попасть на Прометей.

Камень подталкивает ее к действиям, наполняет разум желанием напрячь все ресурсы для общего блага зоку. Она противится ему при помощи метамозга, пытается дотянуться до паутины мыслей, чтобы хоть что-то выяснить о камне Каминари. Ощутив ее желание, зоку посылают ей фрагмент нити.

Стоит ли пересмотреть решение?

И подчинить его индивидуальному волеизъявлению? Никогда. Ресурсы, необходимые для принятия этого, слишком значительны, они понадобятся в случае вторжения.

Ресурсы: наилучший способ распределения информации между бранами. Призраки-зоку собирали частицы темной материи, связанные с браной Планка и необходимые для уплотнения междубрановых коммуникаций. На данный момент все ресурсы израсходованы с целью сохранения камней, но новая коллекция уже собрана на…

От Барбикена поступает индивидуальный кват, и Миели поспешно отступает. Оборванная нить, словно оборванная резинка, больно бьет, рассыпая в ее голове беспорядочные мысли. *Вспышка плоскости света, невероятно далекой и одновременно близкой.*

Миели? Позволь сказать тебе еще пару слов, если ты не возражаешь, говорится в послании Барбикена.

Губы Барбикена застыли в обращенной к Миели улыбке, словно восковые.

— Я заметил твои действия, дорогая, — произносит он. — И должен тебе напомнить, что решение по поводу камня Каминари уже принято, волеизъявление зоку препятствует его применению. И если ты и дальше попытаешься отследить эту нить размышлений, ты поймешь, что я имею в виду.

— Но… — пытается протестовать Миели.

Барбикен поднимает свой манипулятор.

— Потерпи, дорогая. Я еще не закончил. Возможно, ты не воспринимаешь меня всерьез. Возможно, мое нынешнее тело и предпочитаемые мной Круги вызывают у тебя смех. Но это мой выбор в память о моей утрате. И ты должна это понять, как никто другой. Я был солдатом на Федоровистской войне. Я верил, что защищаю свой народ, сражаюсь ради своих товарищей. А потом произошел Коллапс. Полное разрушение. Хаос. Враг, против которого мы не могли бороться. И все из-за незначительного квантового эффекта, который мы не смогли предусмотреть. Из-за того, что мы создали нечто большее, чем мы сами. Миели, мне кажется, тебе известно, что испытываешь, когда любимый тобой мир неожиданно вздрагивает и превращается в нечто совершенно чуждое, абсолютно тебе не знакомое. И ты, как никто другой, должна была бы стремиться уберечь от этого всех остальных. Как ты понимаешь, в прошлом кроются и истоки моего увлечения оружием. Пушки предсказуемы. Они подчиняются логике. Пушка направляет разрушение. Ты можешь прицелиться. Ты даешь команду к действию. Или используешь в качестве угрозы, чтобы соблюсти равновесие. Вещи, подобные камню Каминари, этого не позволяют. И думать иначе было бы грубейшей ошибкой. То же самое относится и к ле Фламберу. В молодости я считал, что его

можно направлять и контролировать. Мы воспользовались им при нападении на солнцедобывающий завод Соборности. Операция прошла успешно — но он завладел шахтой в своих личных целях. А теперь его происки навлекли на нас флот Соборности. Цель Большой Игры — устранение элементов хаоса. Сегодня ле Фламбер является одним из них, так же как и камень. Ты понимаешь?

Миели медленно кивает.

Барбикен улыбается.

— Великолепно! В таком случае, моя дорогая, нам обоим пора приниматься за работу!

Прометей.

Кольца кажутся наклонным зеркальным морем, сверкающими лезвиями с темными провалами между ними. Сам Сатурн заполняет небо бескрайней зарей. Над южным полюсом поднимаются серебристые спирали полярного сияния. Переплетающиеся нити Полос и бело-голубые шестиугольники Чаш Супра образуют на гигантском лице планеты клоунскую маску.

Миели прижимается к поверхности Прометея. Спутник-близнец, Пандора, практически неподвижно висит вдали бесформенной глыбой. Почти на одной орбите со своим братом и напарником, она охраняет внешнее кольцо Сатурна.

Прометей под ней не совсем безжизненный. Внешне это обычный лишенный жизни спутник продолговатой формы, с огромными кратерами и низкой гравитацией. Но спаймскейп показывает Миели скрытые интерфейсы пикотехники, встроенной в атомы спутника и рассчитанной не на одно тысячелетие. В случае гибели Супра Сатурн уцелеет, и наследие зоку останется спрятанным внутри, чтобы в отдаленном будущем его могли обнаружить какие-нибудь невообразимые археологи.

Скрытую активность можно заметить не только на самом спутнике. Пространство вокруг Прометея заполнено кораблями Большой Игры и Ганимар-зоку, обладающими метазащитой. Миели против своей воли признает, что испытывает удовлетворение от того, что во время операции выполняются даже ее невысказанные пожелания. В ее распоряжении отличный набор ку-ружей и вполне удовлетворительная копия многоцелевой пушки Соборности.

До назначенного вором срока осталось пять минут. Даже без спаймскейпа и других приспособлений отсюда она отлично видит само кольцо F — изогнутую причудливую полосу изо льда и пыли.

Ожидание длится довольно долго: большую его часть Миели провела в режиме быстрого времени, совместно с Ленорманом из Ганимар-зоку рассчитывая вероятные траектории, пересекающиеся с кольцом F. Большая Игра пришла к согласию, что для извлечения квантовой информации из атомов рубидия, рассеянных в кольце среди частиц льда, вору потребуется доступ к программам, заключенным на Прометее и Пандоре. Гринготтс-зоку сплетают вокруг систем извлечения новые слои защиты. Следить за всем периметром кольца трудно, но возможно. Учитывая все привлеченные зоку ресурсы, любая попытка вора кажется безнадежной.

Ожидание. Снова ожидание. Миели позволяет себе представить, чем сейчас занимается Зинда, и тотчас сожалеет об этом: даже мимолетное воспоминание об этой девушке мгновенно растравляет кровоточащую рану. Миели готова приказать метамозгу избавить ее от этого чувства, но передумывает. Сейчас как никогда она должна быть максимально собранной. Ей предстоит буквально пройти по лезвию ножа: притворяться, что действует в интересах зоку, обеспечить безопасность вора и, если удастся, передать ему сообщение. *Черт побери, Жан. Что ты творишь?*

Три минуты. Прометей приближается к кольцу F. Гравитационное поле вызывает волну в белом ледяном полотнище, заставляет его раскачиваться и изгибаться. Еще мгновение, и позади своего близнеца проходит Пандора, в свою очередь вызывая рябь в бесконечном движении кольца.

Одна минута.

Возможно, все это лишь уловка, а реальное преступление совершается где-то еще.

По кольцу пробегает волна дрожи, не имеющей отношения к Прометею или Пандоре. Системы Миели, подсоединенные к Большой Игре, ищут решение проблемы, вычисляют источники гравитации, способные вызвать подобную аномалию. *Этого не может быть.* К ней быстро приближаются несколько массивных тел. Всего семь.

Губернии. Нет, только не это. Он с ними заодно. А все остальное было просто отвлекающим маневром.

Спаймскейп заволакивает пеленой переговоров зоку. Системы Миели на мгновение фиксируют нечто невероятно синее.

А потом кольца Сатурна рассекает огромное лезвие.

Клиновидный поток возмущения пронзает серебристые ленты колец F, D, C и B, разделяет массы льда, оставляя за собой неправильной формы разрез с расплывчатыми краями. Потом на

поверхности Сатурна происходит единичная вспышка.

По Чаше нанесли удар кинетическим снарядом, думает Миели. *Это не имеет значения, просто еще один трудный уровень, как сказала Зинда. В войне примут участие все зоку города Супра.* И вот она уже ощущает новую нить в своей ку-сущности, пробуждающую новое желание. Миели готова следовать прохладному потоку волеизъявления зоку и предвкушает жаркое сражение.

Разрыв реальности. Вспышка искрящейся паутины на лике Сатурна. А потом внезапная пустота.

Только спустя пару мгновений Миели понимает, что все ее камни зоку мертвы, лишены способности к сцепленности. От неожиданной полной свободы Миели кажется, что она, беззащитная, падает с огромной высоты в бездну Сатурна. Ее охватывает непреодолимый ужас. *Так вот что испытала Зинда? И все равно сама решилась на это?*

Спаймскейп заполняется белым шумом переговоров вне кват-каналов. Кват-связь прервана. Состояния сцепленности всех камней зоку разрушены. Все сообщества — Большая Игра, Ганимар, Нотч и Евангелист — в полном замешательстве, их безупречный квантовый порядок растворяется в хаосе, словно тающий лед.

А Соборность наступает.

Что же они сделали?

Вспышка ярости приводит Миели в изумление. Она включает микродвигатели скафандра и срывается с поверхности Прометея. Скоро подойдут районы и наноракеты. Она запускает автономные ку-точки, образующие вокруг нее сферу защитного периметра. Откуда-то появляется купол метазащиты, и ку-точки мгновенно активируются.

Корабль. В быстром времени на краткий миг проявляется его контур — синяя вытянутая капля из интеллектуальной материи, похожая на лепесток цветка. Она стреляет в него из своей пушки.

Миели плотно захватывает электромагнитное поле нового объекта. Ускорение в двадцать *g* заставляет ее трепетать и метаться, словно сорванный ураганом листок. В одно мгновение Прометей превращается в едва заметную точку. *Что происходит?* Колоссальное ускорение мешает сосредоточиться, но Миели пытается сканировать корабль, определить цель, чтобы поразить ее миниатюрным зарядом антиматерии, имеющимся в пушке. Ее затягивает все сильнее.

Не спеши. Жди. Миели старается уравновесить орудие. Электромагнитное поле не ослабевает. Гоголы уже определили структуру корабля — это странный гибрид технологий зоку и

Соборности, внутри имеются высокотехнологичные устройства, основанные на пикотехнике и микросинтулярности. *Ладно, нужно хотя бы постараться его разрушить.* Миели собирается выпустить крупинку антиматерии, прицелившись в центр корабля. Если нарушить герметичность двигателя Хокинга, взрыв уничтожит их обоих, но разгоревшееся в голове Миели пламя вынуждает ее что-нибудь поджечь.

Она уже готова спустить мысленный курок, как вдруг приходит кват.

Привет, Миели. Ситуация некоторым образом повторяется. Только на этот раз в тюрьме была ты.

Она потрясенно моргает. Электромагнитное поле втягивает ее внутрь, и Миели поглощает темно-синий корпус корабля.

Глава шестнадцатая
ВОР И МИЕЛИ

Миели появляется в капитанской рубке «Леблана» совсем как в моих любимых воспоминаниях: в состоянии безудержной ярости.

— Ты, — злобно шипит она.

Она точно такая же, какой я ее помню на «Перхонен», крепкая женщина в черной тоге с единственным украшением в виде цепочки с камнями на лодыжке, подаренной оортианской возлюбленной. Радость узнавания вызывает желание броситься ей навстречу и обнять. Но я сохраняю дистанцию: даже если мы в моем Царстве, и я предусмотрительно вывел из строя ее оружие, когда перебрасывал ее в виртуальное пространство внутри корабля, Миели остается одной из самых опасных личностей, когда-либо мне встречавшихся.

Я усмехаюсь.

— Да, это я. Добро пожаловать на борт «Леблана». Как ты, вероятно, уже догадалась, я прибыл сюда не для того, чтобы украсть кольцо Сатурна. Я собирался похитить *тебя*. У меня есть маленький камешек Большой Игры, позволивший подбросить зоку несколько идей, чтобы они отправили тебя в такое место, где я сумел бы тебя отыскать. Да, если ты обратила внимание на мысли Ленормана, так это был я. В качестве отвлекающего маневра я установил на Пандоре странглетовую бомбу, но так вышло, что она не пригодилась, благодаря весьма своевременному нашествию Соборности. Расскажи, как тебе нравится быть свободной?

Она сжимает и разжимает кулаки. А потом — движение, на которое я не успеваю отреагировать. Из руки появляется серебристое филигранное лезвие, которое замирает в нескольких дюймах от моего глазного яблока. Другая рука плотно сжимает мне шею. *Ну конечно. Модификации зоку. Адаптация к Царствам. Как глупо было с моей стороны этого не предвидеть.*

— Подожди, — хриплю я.

— А почему ты считаешь, что я хочу услышать то, что ты скажешь? Выпусти меня отсюда. Сейчас же. Мне предстоит сражаться.

Пока все идет лучше, чем я ожидал. По крайней мере, я еще не лишился языка.

— Что они тебе говорили? Что ты вольна уйти, когда захочешь? Знаешь, они лгут. Я должен был тебе помочь. И сделать

это можно только одним путем — разрушить всю систему. — Мои глаза вдруг широко раскрываются. — Или... Неужели ты все еще работаешь на Пеллегрини. Я не заметил ее присутствия. Да, кстати, что случилось с той копией, что была в твоей голове?

Она швыряет меня на пол. Я медленно сажусь и потираю горло.

— Она погибла, — шипит Миели. — И весь Супра тоже скоро погибнет. Заклинаю тебя Человеком Тьмы, скажи, что ты сделал с системой волеизъявления?

Я грустно улыбаюсь.

— Призраки-зоку и Большая Игра уже довольно давно об этом знали, но они постарались сохранить тайну. По этой же причине они уничтожили Марс. Я расскажу тебе вкратце: Коллапс был вызван сбоем в квантовой механике, система сцепленности стала слишком большой. Как выяснилось, существует зависимость от величины сцепленных квантовых состояний. Стоит перейти определенный барьер, и ситуация выходит из-под контроля. Вся система квантовых камней зоку уже некоторое время балансировала на грани. А я только обеспечил небольшой толчок. Как ты могла заметить, недавно наблюдалось резкое увеличение количества спам-зоку. Это я генерировал их, используя производные разумов гоголов Соборности. Удивительно, чего можно добиться, если отойти от идеологических различий и творчески комбинировать различные технологии.

Я с опаской поднимаюсь на ноги. Миели стоит ко мне спиной, одна ее рука продолжает сжиматься и разжиматься, другая вертит клинок Царства.

— Как я уже говорил, я не ждал вторжения. Но, Миели, все будет хорошо, зоку и раньше справлялись с Соборностью, я уверен, это те же силы, что участвовали в гражданской войне, просто Жозефина не может смириться с провалом своего плана относительно камня. Зоку всегда проявляют себя с лучшей стороны, если их загнать в угол. Да и в любом случае, какое тебе до них дело? Ты с ними породнилась? Не говори, что это так. Я собирался доставить тебя домой. А они здорово над тобой поработали. Миели, мы на пути к Оорту, я думал, тебе этого хочется, «Перхонен» говорила, что ты сильно тоскуешь.

Я умолкаю.

— Заткнись, Жан. И *не смей* произносить имя моего корабля, — тихо говорит она, даже не оборачиваясь. — И это не какой-то экспедиционный флот гражданской войны, идиот. Это *вся Соборность*. И их контролирует твой Абсолютный Предатель. Он охотится за камнем Каминари. А ты преподнес ему добычу на

тарелочке.

Я вдруг чувствую себя пустым и хрупким, словно сделан из стекла. Откуда-то издалека слышатся слова моего другого «я». *Ты не так уж сильно отличаешься от меня.*

Миели оборачивается и смотрит на меня.

— Ну почему ты не погиб вместе с ней, ублюдок!

Мысли разбегаются. Абсолютный Предатель. А я-то гадал, какой план был в запасе у Жозефины. Я помню нашу встречу в стеклянной камере тюрьмы «Дилемма». *Существо, которое ни с кем не сотрудничает — и всегда остается безнаказанным.* Аномалия, выкованная в горниле бесконечных повторений «Дилеммы», неожиданное для архонтов явление, не столько гогол, сколько алгоритм вируса. Он притворялся мной, и я ему поверил. В *губерниu* он пройдет по разумам Соборности, словно коса по траве. *И он хочет заполучить камень Каминари?*

Моя ошибка настолько глубока, что я не могу рассмотреть дно.

Соборность намеревается уничтожить Супра. А я лишил зоку их единственного преимущества. Я вспоминаю голубой с золотом Сирр, только что возродившийся в Чаше Ирем. Вспоминаю, как целовал сестрам руки, пахнущие хной и духами. *Я снова предал их. Нарушил свое обещание.*

Неужели я уничтожаю все, к чему прикасаюсь?

— Нет, я не виноват, он что-то сделал со мной, внедрил в мою голову эту идею насчет... — Я понимаю, что все это чепуха, но не могу остановить поток слетающих с губ слов. — Абсолютный Предатель все запланировал еще до того момента, когда мы встретились в тюрьме, я видел это в его глазах, словно в мыслящем зеркале. Он знал, что я попытаюсь спасти тебя.

Слова мечутся у меня в голове, и впервые в жизни я понимаю, что значит хотеть темноты и тишины, которую несет только истинная смерть.

Миели бьет меня по щеке. Это больно, несмотря на то, что мы в Царстве. Чтобы удержаться на ногах, я опираюсь на панель управления. В руке Миели угрожающе блестит нож.

— Миели, это нож Царства, — шепчу я. — Он подействует даже здесь. Он ранит меня. Почему бы тебе не пустить его в ход? Я это заслужил. Давай. Я виноват в гибели «Перхонен».

Она бросает нож. Он со звоном отскакивает от закругленного иллюминатора.

— Нет, — говорит она. — Это я виновата.

Миели смотрит на вора. Он сильно побледнел и дрожит. В его глазах скорбь и желание умереть. Она видела это выражение

прежде, в зеркале.

— Я могла все это прекратить, — медленно произносит она. — Если бы позволила тебе и Пеллегрини продолжать.

— Сомневаюсь, — возражает вор. — Но в одном ты права. Мы должны где-то провести черту. Камень был подделкой, и я думаю, что Абсолютного Предателя все равно выпустили бы. Ты сделала все, что могла. — Он вздыхает. — Матчек тоже здесь. Детский гогол Чена из пустыни. Если сумеем остаться в живых, ты, возможно, захочешь с ним встретиться.

Она прикрывает глаза.

— Возможно. Мне очень жаль, что я не была там с ней в самом конце.

Вор, пошатываясь, делает шаг вперед.

— Вот последнее, что я видел. Не убивай меня пока, прошу тебя. Она оставила тебе это.

Он целует ее в лоб. Она видит, как сгорают бабочки, образующие лицо корабля, которое представало перед ней только в потустороннем мире ее предков. *Скажи ей, что я люблю ее. Позаботься о ней. Ради меня. Обещай.*

Воспоминание о поцелуе оставляет на ее губах вкус огня и пепла. А потом только темнота.

Я впервые вижу, как Миели плачет. Я не осмеливаюсь к ней прикоснуться, а просто сижу, сложив руки на коленях.

У меня в груди все еще зияет бездонная пустота, но пока я удерживаюсь на краю.

Я вызываю аватар корабля, кота, и приказываю начать замедление. Возвращение займет некоторое время: я запустил двигатели Хокинга, и мы успели уйти довольно далеко от Сатурна. Затем я посылаю кват с командой самоуничтожения программы помех для зоку. Возможно, образовывать новое сообщество уже поздно, но это не повредит. И наконец, приказываю коту собирать всю информацию и переговоры, относящиеся к сражению вокруг Сатурна.

К тому времени, когда я все это заканчиваю, Миели успокаивается.

— Мы возвращаемся, — сообщаю я. — И как только мой сигнал дойдет, система волеизъявлений зоку восстановится. Это произойдет не сразу, но будем надеяться, что не слишком поздно. — Я делаю паузу. — Мне кажется, мы оба знаем, что бы она в этом случае сказала. *Что мы оба полные идиоты. И надо исправлять допущенные ошибки.*

Миели кивает и поднимается.

— Пойдем, — говорю я и предлагаю ей руку. — В данный

момент мы больше ничего не можем предпринять. У меня здесь есть Царство в режиме быстрого времени, так что можно не торопиться. И нам обоим не помешает выпить.

Вор ведет Миели сквозь серебряные врата в Царство корабля — настоящего старинного морского корабля с людьми в тяжелых замысловатых костюмах. Она впервые на океанском судне. Поверхность планет, как правило, ее раздражает, но свежий морской ветерок немного прочищает мозги, а плеск волн успокаивает. Она смотрит на полосу пены, оставляемую кораблем на темной глади моря. Здесь наступила ночь, и на воде пляшут мерцающие отражения корабельных огней, перекликающиеся с круглой желтой луной в бархатно-темном небе.

Они садятся в шезлонги на корме у самых перил. Мужчина в белой форме приносит два бокала.

— Это лучший односолодовый виски во всей Вселенной, по крайней мере, мне так говорили, — сообщает вор. — Твое здоровье.

У него все еще дрожат руки. Вор одним глотком выпивает половину бокала и прикрывает глаза. Миели осторожно делает маленький глоток. Сначала это просто крепкий алкоголь с привкусом дыма, но, подержав его во рту, Миели чувствует, как он становится мягким и теплым, с финальной ноткой какой-то незнакомой пряности.

Вкус виски смешивается со вкусом прощального поцелуя «Перхонен».

Некоторое время они пьют молча.

В душе Миели остается только отголосок прежней ярости. От усталости и беспомощности сжимаются зубы. Вор был прав. В Супра, вероятно, идет война, но какое ей до этого дело? Прежде она сама воевала с зоку. Наверняка ее мозг был просто опутан квантовыми цепями камней зоку. Она делает еще глоток.

Зинда не должна была говорить мне правду. Но она это сделала. Все остальные всегда меня обманывали.

— Так вот, значит, каков теперь Жан ле Фламбер, — говорит она вслух, чтобы отделаться от этой мысли. И добавляет, немного помолчав: — Тебе действительно пришлось кого-то убить, чтобы завладеть этим кораблем?

— Что? Нет! Ты, наверное, наслушалась Барбикена? Возможно, имело место нарушение имущественных прав, но и только. Это он пошел на убийство, чтобы сохранить лицо. Барбикен законченный мерзавец. А я никогда не был склонен к убийствам, как к истинным, так и к временным. Это слишком грубо. — Он бросает на Миели любопытный взгляд. — А ты была

сильно занята.

Миели пожимает плечами.

— Честно говоря, я уже подумывал о том, чтобы удалиться от дел, — продолжает вор. — На этот раз — по-настоящему. Твое освобождение должно было стать моей последней миссией. Но, похоже, нам придется озаботиться кое-чем еще. — Он наклоняется вперед. — А как насчет тебя? Чем ты занималась после того, как скормила меня Охотнику?

Миели понемногу отпивает из бокала и рассказывает вору свою историю. Выслушивая описание ее поединка с Абсолютным Предателем и самопожертвования Жозефины, он от изумления широко раскрывает глаза.

— Почему же она на это решилась? Я неплохо ее изучил, и склонен думать, что своего гогола, даже низшего уровня, она ценит больше, чем твою жизнь. — Он пристально смотрит на Миели. — А если уж она боялась за тебя сильнее, чем за свою копию...

Он задумчиво потирает переносицу.

— Ты ведь знаешь, что «Перхонен» рассказала мне твою историю. Не прими за оскорбление, но мне всегда казался странным ваш побег на Венеру и то, как ты нашла Пеллегрини. Как будто все было спланировано заранее. Понимаешь, Жозефина не ищет нужных людей, она *создает* их. Ей потребовался агент, которому можно было бы доверять, и она вытащила меня из тюрьмы Сантэ и вылепила то, что ей требовалось. — Он поднимает взгляд к небу и улыбается далеким воспоминаниям. — Ну, все получилось немного не так, но начинались наши отношения именно с этого. Я недавно... кое-что узнал о камне Каминари. Он принимает тебя только в том случае, если у тебя альтруистическое желание, и еще оно должно быть неизменным для всех твоих будущих сущностей. Например, сингулярный двигатель. Это должно быть нечто всепоглощающее. Вроде спасения кого-то от края черной дыры. — Вор опять поворачивается к Миели и смотрит на нее блестящими глазами. — Я думаю, что нужен был Жозефине, чтобы похитить камень. Но для его *использования* ей нужна была ты. Ей требовался человек, испытывающий желание, которое принял бы камень Каминари. И потому она не могла допустить, чтобы ее инструмент погиб от рук Абсолютного Предателя.

Миели удивленно моргает.

— Это какое-то безумие!

— Разве? Зато в таком случае можно сделать выводы, которые тебе вряд ли понравятся. Могу я посмотреть цепочку,

подаренную тебе твоей подругой Сюдян? — Он смущенно усмехается. — Обещаю, что на этот раз не стану пытаться ее украсть.

Миели хмурится, но нашептывает песенку для цепочки, снимает ее и передает вору. В его руке она изгибается наподобие ДНК какого-то загадочного хрустального животного.

— Знаешь, Царства обладают замечательным свойством сохранять квантовую информацию обо всем, что сюда попадает. Отличный способ изучения некоторых предметов. Я давно должен был внимательно ее рассмотреть, но ты всегда давала понять, что это угрожает моему здоровью.

Над цепочкой разворачивается спайм, в цифровом потоке мелькают столбики примечаний. Камни оказываются обычным интеллектуальным кораллом, сформированным в память о Большой Работе, над которой давным-давно вместе трудились Миели и Сюдян. Вор хмурится и увеличивает изображение. Сначала камни превращаются в хрустальные горы, затем в решетку переплетающихся молекул. Их рисунок кажется знакомым, и Миели хватает одного мгновения, чтобы понять почему. *Прометей. Они как на поверхности Прометея. Слишком правильные.*

— Скрытая пикотехника, — заявляет вор. — Возможно, что-то похищенное Жозефиной у зоку: она никогда не придерживалась идеологических правил. Теперь ты могла бы спросить у своих друзей зоку, что это такое, но, по-моему, это что-то вроде анализатора волеизъявления, вроде камней зоку. *Под какую дудочку будет плясать Миели, дочь Карху? Что она хочет?* — Вор вздыхает. — Миели, мне очень неприятно это говорить, но я думаю, что Сюдян могла работать на Жозефину с первого дня вашего знакомства.

Миели резко поднимается и выхватывает у него цепочку. Она смотрит на сидящего в шезлонге вора и видит на его лице грустную улыбку. Ей снова хочется его ударить, но ни гнева, ни сил уже не осталось.

— Ты лжешь, — шепчет она. — Это гнусная уловка. Ты пытаешься...

— Миели, — мягко прерывает ее вор. — Как ты думаешь, чего я хочу добиться? Я этим ничего не выигрываю. — Он ненадолго замолкает. — Я только стараюсь выполнить свое обещание. Стараюсь сказать то, что ты должна услышать.

Он переводит взгляд на свой опустевший бокал и встает.

— Да, я знаю, это для меня нехарактерно. Я ненадолго оставлю тебя одну. Когда будешь готова, найдешь меня в

капитанской рубке. Я хочу посмотреть, как развивается ситуация в Супра.

Миели смотрит вслед вору, который исчезает в вихре серебряной пыли. Она плотнее запахивает на себе тогу и подходит к перилам. Поднялся ветер, короткие рваные волны бьют в борт корабля. Миели сжимает в руке цепочку из драгоценных камней. *Этого не может быть.* Но в глубине души она знает, что это правда, что схема так же логична, как следующая нота в песне. Она пытается думать о Сюдян, но не может сосредоточиться на ее лице. Мысли расплываются, как и образ Сюдян, стираемый информационным вихрем сингулярности на Венере.

Созданы ради определенной цели, как говорила Зинда. Миели вспоминает светящиеся камни, ради нее брошенные в траву один за другим. *Какой же я была дурочкой.* В ее груди внезапно поднимается волна желания. И страха, напомнившего о Гекторе и безликом существе. Она представляет себе, как оно поглощает Сатурн.

Миели так сильно сжимает цепочку Сюдян, что камни впиваются в ладонь.

— Куутар и Ильматар, только не это, — шепчет она, глядя на желтую луну. — Дайте мне силы спасти ее.

Она застегивает цепочку на ноге. В ночном воздухе камни стали холодными. *Надо держать при себе напоминания об ошибках.*

Она еще некоторое время стоит на носу корабля, глядя на горизонт. Белые волны поднимаются и опадают, словно бьющие крылья.

Но все-таки хорошо знать, куда идешь.

Она шепчет последнюю молитву и отправляется искать вора.

Я узнаю решительный взгляд на лице вернувшейся Миели. В последний раз я видел его на Земле, когда она в одиночку сражалась с армией наемников и диким кодом.

Она ничего не говорит, а просто встает рядом со мной и изучает спаймскейп, отображающий безнадежную путаницу траекторий миллионов *районов* и кораблей зоку вокруг Сатурна. По крайней мере, *губернии* узнать нетрудно: все семь расположились в точках Лагранжа — грозные и опасные монстры, какими могут быть только мозг-миры размером с планету.

— Трудно сказать, что там происходит. Вихри частиц настолько сильны, что я не могу получить доступ к разведывательной сети Большой Игры. Но в Супра заметны значительные структурные разрушения. — Я вспоминаю о Сирре

и невольно сглатываю. — Множество странглетовых процессов, пара взрывов Хокинга, но пока ничего более страшного. Хотя это только вопрос времени.

Миели прищуривается.

— Вот что мы должны сделать, — говорит она. — Надо похитить камень Каминари раньше, чем до него доберется Абсолютный Предатель. Необходимо выкрасть камень у Большой Игры зоку. И тогда мы все исправим.

Я улыбаюсь.

— Что ж, неплохая мысль. — *Украсть огонь у богов, или что-то вроде этого.* — А ты уверена, что зоку не воспользуются им?

— Уверена.

— Тебе известно, где он спрятан?

Миели хмурится.

— Я... кое-что слышала в Царстве Большой Игры. Они говорили о бране Планка.

Я непроизвольно втягиваю воздух.

— Ого! Они спрятали его в параллельной Вселенной.

Надо было позволить моей другой сущности рассказать о плане. Мысленная зарубка: никогда не прерывай злодея, произносящего монолог.

Я сжимаю зубы. Если он смог с этим справиться, смогу и я. Я потираю виски.

Брана Планка. Ну конечно. Экпиротическая пушка. За этой догадкой, словно падающие костяшки домино, следуют другие, и план начинает вырисовываться.

Я поворачиваюсь к Миели.

— Ладно, у меня есть идея. Первый шаг состоит в том, чтобы убедить Отца Драконов перестать дуться.

Миели удивленно поднимает брови.

— А второй шаг?

— Увидишь. Чтобы сохранить Сатурн, нам, возможно, придется его взорвать. — Я встаю. — Пойдем. Я хочу представить тебя Матчеку Чену. Вы, конечно, уже встречались, но с тех пор он немного подрос.

В главном коридоре я удрученно вздыхаю. Я довольно долго откладывал разговор с Матчеком, но теперь время пришло. И я наконец знаю, что ему сказать. На этот раз, как только мы с Миели подходим к вратам, вир книжной лавки сразу открывается.

На обычном месте мальчика нет. В вире стоит тишина, только тихонько перешептываются истории Сирра.

— Матчек? Где ты? Я привел к тебе в гости старого друга.

Никто не отвечает. Я открываю интерфейс админа, и вир становится для меня прозрачным. Матчека нигде не видно.

Я вызываю кота, он послушно является.

— Где Матчек Чен? — спрашиваю я.

Кот склоняет голову набок и смотрит на меня стеклянными глазами.

— Молодой мастер убежал, — мурлычет он. — Он сказал, что уходит, чтобы найти себя.

Я не могу сдержать стон.

Итак, он теперь молодой мастер, да? Я должен был тщательнее за ним присматривать. Я открываю корабельные записи о переходе вблизи кольца F и флота Соборности. Мои подозрения подтверждаются: неподалеку от орбиты Реи без моего ведома был запущен мыслевихрь.

— Копия камня Каминари, доставленная предыдущим Праймом, еще на борту?

— Отрицательно, — говорит кот. — Молодой мастер взял ее с собой.

Я закрываю глаза и крепко прижимаю ко лбу кулаки.

— Проклятье. Проклятье. Проклятье.

— Что такое? — спрашивает Миели.

— Матчек отправился убивать Чен-Прайма.

Последние несколько недель Матчек, словно призрак, бродил по системам «Леблана». Я просматриваю моментальные снимки спаймскейпа, вижу, как он постепенно поднимается на высшие уровни, пока не добирается до небольшого пространства, где в геле из ку-точек хранятся немногие физические предметы, имеющиеся на борту корабля. Вот и оболочка из интеллектуальной материи вокруг поддельного камня Каминари. Матчек вплавляет футляр в мыслевихрь и запускает вместе с собой в самый подходящий момент, когда «Леблан» выполняет скоростной маневр для захвата Миели.

— Но зачем, во имя Человека Тьмы, ему это понадобилось? — спрашивает Миели.

— Он выяснил, кем станет, когда вырастет, — отвечаю я. — Неважно, как. — Я рассказываю ей об оружии, которое Большая Игра намеревалась применить против ченов. — Он сбежал, чтобы взорвать его под задницей Матчека Чена — Прайма.

Миели пожимает плечами.

— Жаль мальчика, — говорит она. — Но война есть война, и если у него получится, он избавит нас от множества бед.

— Вот только все высшие чены, как ты выяснила, инфицированы Абсолютным Предателем. Матчек об этом не

знает. И он всего лишь мальчишка. Он не готов к этому. — Я закрываю глаза. — Я отправляюсь за ним.

— Что?

— Так ведь это ты едва не погубила нас обоих ради спасения его невинности, помнишь? — Я стараюсь сдерживать эмоции. — Кроме того, он нам нужен.

Пока мы разговариваем, я отслеживаю траекторию мыслевихря. Капсула направлена точно в центр флота Соборности. Прямо в чен-*губернию*. Я могу запустить мыслевихрь с большей скоростью: мне не придется беспокоиться о дополнительном грузе вроде поддельного камня. Но даже в этом случае Матчек достигнет цели на несколько секунд раньше меня. А это может быть равносильно вечности. В вире быстрого времени «Леблана» даже микросекунды могут иметь огромное значение.

— Для чего он нам нужен? — спрашивает Миели.

Я набираю в грудь воздуха и начинаю объяснять.

— Нам потребуется передать на брану Планка две вещи: первая — это предмет, сцепленный с чем-то здесь. Это по твоей части. Как мне кажется, у Призраков-зоку имеется что-то подходящее. А второе — это модулируемый источник гравитационных волн. Мы состоим из вещества, которое вязнет в этой бране, но гравитация затрагивает высшие измерения. Если произвести достаточно сильный удар, гравитационное эхо ее достанет. Ганклубе имеется устройство, называемое экпиротичской пушкой, мы с Матчеком видели ее, когда похищали «Леблан». Это орудие нам пригодилось бы, если Япет еще цел. В прошлый раз Матчек сумел проникнуть в их ганскейп, и я уверен, что он оставил себе запасной вход. Не думаю, что на этот раз нам удастся пробраться туда без его помощи. Я умудрился довольно сильно разозлить Барбикена.

Миели приподнимает бровь.

— Могу себе представить, — сухо произносит она. — Жан, — говорит она с полной серьезностью. — Это наихудший план из всех, что мне приходилось рассматривать. Тебе не удастся в одиночку выстоять против ченов и Абсолютного Предателя. В прошлый раз, когда ты попытался это сделать, тебя поймали. Я пойду с тобой.

— Нет, — твердо заявляю я. — Если мы не справимся, ты еще можешь попытаться остаться с зоку. А у меня в рукаве сейчас больше козырей, чем в прошлый раз. Ты поведешь «Леблан» к Сатурну и попытаешься получить сцепленность с браной Планка. А мы с Матчеком встретим тебя там.

— Очень хорошо. — Миели опускает взгляд. — Но как, во имя Человека Тьмы, я должна это сделать? Не могу же я просто

постучаться к Призракам-зоку.

Я ненадолго задумываюсь.

— Миели, я в тебя верю. Ты найдешь способ. Но, может быть, это тебе поможет. — Я передаю ей кват Исидора, содержащий послание Каминари. — Это последняя загадка, разгаданная Исидором Ботреле. Здесь сказано, как создать вирусных зоку. Возможно, тебе это пригодится.

Миели принимает сообщение, и ее губы сжимаются в тонкую линию.

— Да помогут тебе Куутар и Ильматар, — негромко говорит она. — И, Жан... постарайся вернуться. Я устала терять друзей. И больше не могу найти слов для прощальных песен.

Я изумленно смотрю на нее. Потом усмехаюсь.

— Я тебя понимаю. Не беспокойся. У меня есть предчувствие, что на этот раз все получится.

Я крепко пожимаю ее маленькую руку. Пальцы у нее холодные.

— Кем я только ни был, но еще никогда не становился другом оортианки. Я горжусь. Береги себя, Миели. Я рад, что мы с тобой встретились.

После этого я переключаю на нее управление «Лебланом», выдумываю себе мыслевихрь и запускаю себя к флоту Соборности.

Интерлюдия
БОГИНЯ И ДЕМОН

Жозефина ждет, сидя на песке. Командой метасущности она приводит себя в состояние вневременной готовности. Наконец разгорается бледное зарево рассвета, и появляется Абсолютный Предатель.

Она встает. Внутри возникает трепет, словно крылья бьющихся бабочек.

Абсолютный Предатель все еще в облике Матчека, но в более зрелом возрасте, по-монашески сдержан и с сединой в волосах. Жозефина представляет, как в роли Прайма он шествует по *губернии* и своей зеркальной пастью поглощает гоголов высокого уровня, утоляя голод.

Эта мысль вызывает у нее улыбку.

— Я готова, — произносит она, глядя на него, словно на любовника после долгой разлуки. — Ты можешь меня взять.

Одно мгновение Абсолютный Предатель нерешительно смотрит ей в глаза, словно собираясь что-то сказать. А затем шепотом произносит код Основателя Матчека Чена. Он звучит в вире, словно удар грома. Демиурги в ужасе разбегаются. На миг мелькает облик Прайма Абсолютного Предателя, нависшего над виром, всевидящего. Парциал Жозефины рассыпается струйками сухого песка.

— Можешь выходить, Жозефина, — объявляет Абсолютный Предатель.

Жозефина поднимается из своего убежища. Ноги у нее дрожат и, кажется, вот-вот сломаются.

— Парциал со встроенным контуром самоуничтожения, — насмешливо говорит Абсолютный Предатель. — У тебя не было ни единого шанса.

— Как ты узнал?

— Такой же трюк попыталась проделать другая пеллегрини. Ты очень предсказуема, Жозефина. Как и все вы. В этом-то и проблема.

В следующее мгновение он превращается в ее Жана, в белом костюме и голубых очках, как парциал, созданный ею для обожания и восхищения. Несмотря ни на что, у нее перехватывает дыхание.

— Ты этого хотела, не так ли? Зеркало с безупречным отражением. Что ж, я и есть такое зеркало. Я заглядываю в тебя,

превращаюсь в тебя и знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь.

— Если хочешь меня помучить, прошу, обойдемся без философствований, — отвечает Жозефина. — Я считала, что в тебе остается что-то от него, и не ошиблась. Ты никудышный поэт.

— Это не поэзия. Это то, что я есть.

— Саша мне рассказал, что ты такое. — Жозефина фыркает и имитирует лекторский тон Творца Душ. — Аномалия теории игр, стратегия нуль-фактора в Дилемме заключенного, агент, вынуждающий других действовать согласно своей воле при помощи исключительной теории разума. Как предсказатель в парадоксе Ньюкома[37]. Ты перебираешь мои имитации, чтобы выбрать подходящий вариант. Но откуда ты знаешь, что ты — не одна из этих имитаций? Как ты узнаешь, что твои действия имеют смысл? Как тебе удается это понять, ублюдок? — кричит она существу, в точности повторяющему ее Жана, но не ему.

Демон объясняет ей. И все выглядит рационально и предсказуемо, словно никакого выбора не существует.

Глава семнадцатая
ВОР В ГУБЕРНИИ

В мыслевихре Вселенная окрашивается голубым цветом. Релятивистские искажения ничем не усиленного зрения превращают флот Соборности в тоннель из продолговатых лазурных искр. В виде зеркального осколка мысли, посланного лазерами «Леблана», я влетаю в него почти со скоростью света.

Флот огромен. *Районы* волна за волной обрушиваются на Сатурн, их безукоризненный кристаллический строй нарушается только в момент удара о поверхность верхних уровней Супра. Километровые корабли-*области* завязывают яростный бой с флотом зоку на орбите Фебы.

Колоссальная зеркальная система три миллиона километров диаметром — источник солнечного света для Супра — заслоняет флот, выстраивающийся на позициях, с которых корабли смогут перенаправить луч звездных лазеров Соборности. На отражающих поверхностях видны лики Основателей, превосходящие своими размерами даже *губернии*. Они как будто наблюдают за битвой холодными зеркальными глазами. Еще одна флотилия зоку делает попытку вывести их из строя, но без квантовой координации она по сравнению с юркими *районами* действует слишком медленно и неуклюже. Я внимательно слежу за ними: если Соборность успеет запустить солнечные лучи, сражение быстро закончится. Но если все так будет продолжаться, размещение гигантского зеркала займет еще несколько часов, а к тому времени я надеюсь закончить работу с браной Планка.

Однако есть еще и семь *губерний*, семь дьяволов Внутренней Системы. Алмазные сферы диаметром десять тысяч километров в полной мере демонстрируют мощь технологий Соборности. Насколько я могу сказать, они пока неподвижно стоят в точках Лагранжа системы Сатурна. Выжидают. *Хорошо. Наблюдайте за представлением. Сохраняйте высокомерие. Мы украдем огонь богов, а потом вы сгорите.*

Чем ближе я к ядру флота, тем чаще мыслевихрь бомбардируют протокольные запросы и шифровки. Я отмахиваюсь от них кодами Основателя, украденными у Сумангуру, скрипя виртуальными зубами в бесплотном теле вира при мысли о смерти и разрушениях, которые они в себе содержат. Присутствие военачальника порождает в шеренгах *районов* рябь страха, приносящую мне немалое удовлетворение.

Я увеличиваю изображение Сатурна, пытаюсь поймать в

фокус Чашу Ирем, но слабая оптика мыслевихря дает только голубоватое расплывчатое пятно. Масс-потоки, поддерживающие Супра, превратились в импровизированные орудия, бьющие по эскадрильям *районов. Продержитесь еще немного.* Я жалею, что не знаю бога или богини, кому мог бы помолиться.

Губернию Чена узнать нетрудно: она украшена его ликом. Интересно, что почувствовал Матчек, увидев это. По мере приближения лицо в изображении мыслевихря превращается в овал, поглощающий небо. Искусственный мир захватывает меня электромагнитным полем, замедляет скорость, позволяя бросить короткий взгляд на богскейп на поверхности, на бесконечный бордюр из скульптур Основателя высотой с гору, на рои *районов*, вылетающих из бесчисленных шлюзов фабрикаторов, на постоянно меняющийся фрактальный корпус из интеллектуальной материи, неживую и бессмертную экосистему, где каждая пылинка и каждая капля — это гогол.

Затем сверкает луч сканера, и я попадаю внутрь.

Пустой вир. Белая комната с гоголом, лицо которого нанесено лишь небрежными штрихами, почти механизм, сортирующий содержимое входящих мыслевихрей и направляющий их во внутренние слои *губернии.*

Сегодня у меня не хватает терпения на препирательства с автоматизированной бюрократией. Я щеголяю мыслеформой Сумангуру и устремляюсь к тверди, заставляя несчастного гогола удирать с моего пути. С этого момента я начинаю прокладывать собственный путь, расплющивая виры и превращая их в длинный стеклянный коридор, ведущий в недра богомира. Моя цель — привлечь внимание, но не слишком пристальное. Я чувствую, как вокруг меня, словно насекомые, кружат бесчисленные гоголы низших уровней. Я повышаю голос и демонстрирую рев Сумангуру.

— Великая Всеобщая Цель в опасности! *Губерния* подверглась удару инфицирующего квантового орудия! Отыскать точку попадания и доложить мне!

И пренебрежительно швыряю им спайм мыслевихря Матчека. Мне повинуются в соответствии с догмами *сяо*, инстинктивным преклонением гоголов Соборности перед Основателями, метасущностями, определяющими их восприятие реальности. У меня даже хватает полномочий организовать ветвление гоголов специально для этой задачи, и через мгновение они тысячами разбегаются во все стороны по виртуальным переходам *губернии.*

Я отыскиваю более глубокий слой и создаю там вир быстрого времени, где могу подождать. И даже пользуюсь несколькими

циклами, чтобы стать более заметным: вир великого Сумангуру, имитирующий континент Африки времен Федоровистской войны. Я в форме главнокомандующего курю сигару на крыше небоскреба в горящем Найроби и смотрю, как внизу управляемые гоголами крошечные дроны сеют смерть в рядах ополчения. Я вздрагиваю от запахов горящей плоти, оружейной смазки и едкого дыма, но сохранившаяся во мне частица Сумангуру наслаждается ими. Я даже позволяю просочиться на поверхность некоторой доле его ярости. Впоследствии она может мне пригодиться.

Долго ждать мне не приходится. Вир замирает, и в нем появляется Чен. Даже моя сущность Сумангуру испытывает приступ *сяо*. Отлично. Этот Чен из Глубокого Прошлого, продукт тысячелетних имитаций из глубинных слоев *губернии*, где царит быстрое время, выведен в зараженный мир плоти по случаю войны. У него универсальная монашеская внешность и худощавое тело сороконожки. Какой загадочный эволюционный процесс в глубинных вирах привел к такому облику, я даже не пытаюсь себе представить.

— Брат, — обращается он ко мне с неоспоримым превосходством в голосе. — Ты нарушаешь План. Эти циклы лучше употребить на дальнейшие повторы наших отважных воинствующих разумов. Великая Всеобщая Цель не терпит напрасных трат.

Я выбрасываю погасшую сигару и усмехаюсь.

— План изменился. Разве ты не получил служебную записку? Я прибыл для реализации собственной части Задачи: отыскать Чена, дискредитированного вирусным вторжением извне.

По сегментированному туловищу проходит дрожь.

— Контрразведка в этом слое подчиняется мне. Здесь нет дискредитированных гоголов.

Я тщательно обдумываю положение тверди. А затем улыбаюсь уже своей улыбкой.

— Теперь есть.

Я заключаю его в историю, полученную от Аксолотля, похитителя тел, и присваиваю себе его разум.

Я разворачиваюсь в разуме Чена и сбрасываю мыслеформу Сумангуру. Четвертое поколение, Хранитель ветви Августейшего Дракона. *Отлично.* Этот гогол обладает достаточно высоким статусом, чтобы иметь аспект Основателя. Я перехожу в вир более высокого порядка, сверху вниз, словно бог, смотрю на кипящую ткань виров *губернии* этого уровня и обращаюсь к гоголам божественным голосом: «Обнаружить место попадания

аномального мыслевихря». Уже через секунду откликаются миллионы добровольцев. Я создаю вир и небольшую популяцию гоголов, чтобы отбирать информацию по выданным им параметрам. Кроме этого, я закладываю основание пути к отступлению. Запасной выход никогда не помешает.

Наконец поступает ответ. Матчек оказался сообразительным: мыслевихрь приходит под видом пробы от гогола-исследователя, анализирующего структуру кольца F с целью улучшения способностей гоголов-пилотов в предстоящем сражении над Сатурном. Вместе с тысячами других проб он был физически складирован в верхних слоях *губернии*, в камере из интеллектуальной материи, снабженной виром, где образцы можно испытывать и исследовать. Это хороший знак: Матчек еще не понял, как именно действует фальшивый камень, и хочет его изучить.

Хорошо. Я не опоздал.

Я выхожу на твердь и приказываю доставить меня туда.

— Матчек.

Вир представляет собой пустое черное пространство с камнем посередине. Он похож на две сплетенные светящиеся руки. Вокруг Матчека толпятся его собственные парциалы, занятые сенсорными программами и расчетными схемами на языке зоку, мерцающими в воздухе.

Он смотрит на меня и в ужасе замирает. Я понимаю его испуг и принимаю собственный облик.

— Матчек, это неправильно.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел, чтобы остановить тебя. Ты не должен так поступать. Как бы ты ни старался, ничего не получится. Миели сказала мне…

— Какое мне дело до того, что она тебе сказала! Я никогда не хотел стать *таким*! Только посмотри на это сооружение, оно как раковая опухоль с моим лицом. — В его глазах сверкает решимость. — Я почти разгадал его. Он должен быть открыт Ченом. А внутри алгоритм рекурсивного самосовершенствования. Это значит, что всю обнаруженную информацию он переписывает заново. Осталось только отыскать устройство, чтобы я смог открыть его на расстоянии.

Я невольно сглатываю. *Алгоритм рекурсивного самосовершенствования*. Это звучит ужасно, почти как Дракон, только Дракон, который не признает Чена своим папочкой. Я вспоминаю, что бедняжка Чехова работала над подобным оружием. *Барбикен, что же ты наделал?* И никто даже

представить не может, что натворит это создание, если Матчек или кто-то другой выпустит его на волю.

— Матчек, дай его мне.

Я лихорадочно подыскиваю слова. Что я могу ему сказать, чтобы он понял?

— Нет! Убирайся отсюда, а то можешь погибнуть вместе с ними!

Я делаю шаг вперед и хватаю мальчика за плечи. Парциалы пятятся. В моих руках он на мгновение расплывается, пытаясь применить свой трюк с ускорением времени, но на этот раз я наготове, и у меня есть код Основателя Чена. Он дерзко смотрит мне в лицо. *Он так и не повзрослел. Его родителями были вечно занятая управляющая квантовым фондом и звезда бими. Он был так одинок, что придумал себе друзей и сделал их реальными.*

И он остался плохо воспитанным невыносимым ребенком.

— Матчек Чен! — решительно начинаю я. — *Сейчас же* прекрати игры с этим смертоносным оружием и выслушай меня!

Он изумленно моргает, и в этот момент я понимаю, что никто никогда не говорил с ним таким тоном.

— Ты не имеешь права причинять вред людям только потому, что они тебе *не нравятся*. Даже если это ты сам. Я понимаю, ты еще не знаешь, что такое истинная смерть, и, надеюсь, узнаешь не скоро. Но ты не должен пытаться навлечь гибель на кого бы то ни было, если есть хоть какая-то другая возможность защитить остальных. Вспомни, как твои папа и мама хотели защитить тебя. А если ты все же сделаешь то, что задумал, ты станешь намного хуже, чем Матчек Чен из будущего, которого ты так ненавидишь. Поверь, я знаю, что значит ненавидеть себя самого. Но это ничего не исправит. Не принесет никакой радости. Ты хочешь навредить другому, старому Матчеку? — Я на мгновение изменяю свое лицо на его суровый облик. — *Сделай что-то такое, чего он никогда бы не совершил*. Помоги мне спасти людей, гибнущих там, внизу, гибнущих истинной смертью, а не игровой, после которой они не смогут вернуться. Помоги мне помешать ему овладеть тем, к чему он стремится. Матчек, его поразит *не смерть, а утрата*.

Он поднимает лицо, по щекам текут слезы.

— Я только хотел вернуть папу и маму, — сдавленным шепотом произносит он.

Я прижимаю его к себе и не знаю, что делать. А Матчек обхватывает меня за шею удивительно сильными руками и льнет к моей груди. Он не сразу отпускает меня.

Я улыбаюсь и неожиданно сознаю, что слов не осталось.

— Мы можем сейчас вернуться домой? — спрашивает он.

Я осторожно беру фальшивый камень.

— Да, — говорю я. — Но надо еще кое-что сделать, и мне потребуется твоя помощь.

— Хорошо, — соглашается он и берет меня за руку.

— Он тебя обманывает, Матчек, — раздается женский голос. — Причиняет боль не просто утрата, а *утрата людей.* И Жан должен об этом знать. Правда, Жан?

Жозефина. Я мысленно бросаюсь к заготовленному запасному выходу, но что-то блокирует структуру вира, удерживая нас внутри. Это код Основателя высшего поколения. *Прайм.* Грудь разрывает отчаяние. Пол проваливается под ногами.

Мы попадаем на пляж с мягким песком и чистым голубым морем. На песке маленькие отпечатки ног, а вдали в волнах плещется мальчик. Он останавливается, смотрит на нас и вприпрыжку бежит навстречу.

Жозефина Пеллегрини со своей змеиной улыбкой смотрит на меня и Матчека.

— Не тревожьтесь, — мягко произносит она. — Мы сделаем так, чтобы никто больше никого не терял.

Жозефина выглядит *старой.* Какая-то жестокая шутка заставила ее выбрать такую мыслеформу, напоминающую скелет, обтянутый кожей. Пальцы, испещренные темными пятнами, перебирают камни бриллиантового ожерелья.

— Жан, ты сделал глупость, придя сюда, — шепчет она.

Матчек пристально смотрит на вышедшего из моря другого Матчека, совсем еще юного. Но аура вокруг головы мальчика свидетельствует о том, что он здесь Прайм. А в его глазах неутолимый голод, не свойственный Матчеку Чену. Это выражение я в последний раз видел в тюрьме «Дилемма» и в собственных глазах.

Я опускаю руку на плечо своего Матчека.

— Ты не я, — заявляет Матчек. — Кто ты?

— Абсолютный Предатель, — отвечаю я. — Давно не виделись.

Я сжимаю в руке фальшивый камень и лихорадочно ищу выход. О его истинной сущности я знаю лишь из фрагментов тюремных легенд. Аномалия теории игр, принимающая твой облик, предугадывающая все твои действия и всегда выигрывающая. А я нахожусь в вире, который он контролирует: похоже, он способен разглядеть все мои мысли до последнего нейрона в мозгу. От страха становится трудно дышать.

— Спасибо тебе, Жан ле Фламбер, — благодарит Абсолютный Предатель. — Ты прекрасно сыграл свою роль, даже лучше, чем я мог ожидать. Мне понравилось быть тобой. Без тебя конфликт с зоку мог получиться более длительным и утомительным.

— Отпусти мальчика, — говорю я. — Он даже не понимает, что здесь происходит.

Мой Матчек бросает на меня сердитый взгляд, но не произносит ни слова. Жозефина улыбается ему.

— Милый Матчек, — начинает она. — Тебе нечего бояться. Ты говорил, что снова хотел бы увидеть своих папу и маму. Что ж, еще немного, и мы их вернем.

Матчек хмурится.

— Я тебе не верю, — заявляет он. — Я знаю лжецов, и ты одна из них.

Жозефина изображает притворное возмущение.

— Какой ты грубиян! Конечно, ты ведь так много времени провел в плохой компании! Жан, я уверена, ты не лучшим образом влиял на мальчика.

Она впервые смотрит на меня, и в ее взгляде я на мгновение замечаю мольбу о помощи. *Она здесь тоже пленница.*

— Я не думаю, что ты лучше меня, Жозефина, — отвечаю я, не отводя глаз. — Как я вижу, ты с воров переключилась на монстров.

— Мне кажется, и ты не все понимаешь, Жан, — говорит Абсолютный Предатель. — Здесь нет монстров.

Не так легко объяснить, что я такое, — но я заметил, что каждый, кем я становлюсь, оставляет свой... след. Я долгое время провел в тебе и понял, что хочу объяснить. Я хочу, чтобы меня любили. Подозреваю, что это твое влияние.

— И в чем это выражается для тебя?

На губах Абсолютного Предателя мелькает улыбка, очень похожая на мою собственную.

— В данный момент, в рамках этого вира, я намерен отыскать старейшин зоку, проглотить их, забрать камень Каминари и переделать Вселенную.

Я мрачнею.

— А почему ты думаешь, что камень тебя примет?

— Потому что у меня *рациональные* цели. И в интересах всех и каждого присоединиться ко мне. В большинстве игр предательство считается рациональным. — Он смотрит в небо. — Понимаешь, все дело в выживании. Жизнь — очень хрупкая вещь. Мы выживаем на островке стабильности, но это лишь иллюзия.

Достижения Каминари-зоку подразумевают существование иного пространства-времени. Это наверняка другие регионы Вселенной, находящиеся за пределами нашего каузального горизонта. Если там эволюционировали силы разума, они должны были взломать замки Планка — или, хуже того, развились

естественным путем в среде, лишенной ограничений в области вычислительной сложности. В таком случае можно предположить, что они оптимизировали степень роста своего пространства-времени, превращенного в расширяющуюся полость мысли.

Если это действительно так, полость вирусного пространства-времени может в любой момент нас истребить. Без всякого предупреждения расширение станет происходить со скоростью света. И наступит конец.

Абсолютный Предатель улыбается.

— Итак, рациональное решение состоит в том, чтобы сделать это *первыми*. Мы должны превратить нашу Вселенную в идеальную самовоспроизводимую стратегию, только так можно выжить. Мы должны превратить ее в меня.

И бояться здесь нечего. Я сохраню в себе всю информацию. Я достигну Великой Всеобщей Цели.

Он отворачивается и смотрит на море.

— А теперь не хотите ли взглянуть, как идет война?

Не дожидаясь нашего ответа, он делает незначительный жест, и мы в изумленном молчании видим, как на темнеющем вечернем небе горит Сатурн.

Глава восемнадцатая
МИЕЛИ И ЦЕПОЧКА ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Сквозь шторм Соборности Миели ведет «Леблан» к Сатурну.

Корабль становится продолжением ее мысли, и путь превращается в полет во сне. Электромагнитный спектр окутывает ее кожу теплым сиянием. Двигатели уподобляются пылающим крыльям.

В кипящем котле гамма-лучей лазеров и районных залпов этого недостаточно.

На тяге двигателей Хокинга Миели выводит корабль на траекторию, перпендикулярную плоскости орбиты гигантской планеты, подальше от самых жарких схваток. Но Соборность повсюду. В одно мгновение Миели проходит сквозь решетку *районов*, закрытых метазащитой, и ложится в дрейф, затаившись, словно рыбацкий невод в воде. В погоню за ней пускаются сотни созданных специально для этой войны *районов* на недолговечных странглетовых двигателях. Миели во всю мощь электромагнитных рупоров бросает им опознавательный код Соборности, но это не помогает. Ее корабль узнали, и *районы* стремятся его достать.

Миели обеспечивает своим гоголам доступ к пикотехническим процессорам «Леблана». Они перемалывают все возможные траектории в процессоре Нэша, но не дают ни одного варианта выхода из сомкнувшегося вокруг узкого конуса *районных* векторов.

Попадание наноракет отзывается покалыванием на коже, вирусоносители их зарядов пробиваются к системам «Леблана». Миели сбрасывает наружный слой корабельной брони и избавляется от них, как будто счищает с себя коросту. Остатки расходятся вокруг корабля расширяющимся облаком пыли. Опасность становится больше: в нее летит очередной залп из бомб Геделя и кинетических игл. Один из сверхплотных зарядов проходит прямо сквозь корабль в опасной близости от герметичной сферы Хокинга.

Миели просматривает реестр вооружения корабля. Антиметеоритные лазеры, пусковые установки мыслевихрей, излучатели ку-точек. Ни антиматерии, ни странглетовых или наноракет. Миели представляет себе новые орудия и приказывает кораблю вырастить их, но процесс занимает слишком много времени. Самое мощное оружие в ее распоряжении — это

микросингулярность двигателя и его игла гамма-лучей, но против *районов* это не поможет: слишком долго прицеливаться, и кроме того, их применение повлечет за собой осложнения в случае отступления. «Леблан» скоростной, а не боевой корабль, но сейчас не хватает даже его скорости.

Очередной залп, но на этот раз Миели наготове: небольшое усилие двигателя Хокинга уводит корабль из-под удара за микросекунду до попадания. *И все же это недостаточно быстро.*

Миели прибегает к маневру по уменьшению массы, оставляя на корабле только самое необходимое — ненамного больше, чем сама сфера двигателя. Но Сатурн еще слишком далеко. От холодной логики законов Ньютона уйти не удастся. Она могла бы увлечь врага с собой, взорвав двигатель Хокинга. Но это не приблизит ее к цели.

И вдруг ее осеняет. *Я до сих пор веду себя как Миели, летящая на «Перхонен». Но я другая. Атомы моего тела были рассеяны пикотехническими вратами и дублированы ку-битами в пределах Царства «Леблана». Мои мысли превратились в квантовую информацию, записанную в фотонном кристалле, состоящем из искусственных атомов.*

Я должна быть другой.

— Ближайший маршрутизатор, — командует она корабельному коту. — Быстро.

Одинокий маршрутизатор зоку на орбите Фебы нисколько не пострадал от вторжения. Стеклянный свадебный букет километр длиной сверкает и переливается отраженными огнями войны богов. От добравшегося туда «Леблана» осталась только оболочка вокруг двигателя Хокинга. Третьего залпа ракет удается избежать, превратив корабль в рассредоточенную конструкцию из свободно парящих модулей, связанных с двигателем. Миели получает сомнительное удовольствие, вышвыривая в бездну сокровища вора. *Он всегда может наворовать еще.*

Эскадрилья Соборности осведомлена о ее действиях. В ее сторону летит еще стая *районов*. Они светятся, как метеоры в ночном небе: выпускают целую тучу наноракет.

Миели набирает в грудь воздуха и передает команду на маршрутизатор, отчаянно надеясь, что система волеизъявления зоку снова действует. Маршрутизатор реагирует и раскрывается, обнаруживая внутри гигантское Царство, словно тычинку цветка.

— Ты хорошо послужил своему господину, — говорит она коту. — И погибнешь с честью.

Кот кланяется и прикасается лапой к полям украшенной перьями шляпы.

Затем Миели представляет себе истинную форму зоку, формирует ее в виде клина из фоглетов с камнями в центре и запускает через Врата Царства.

Позади взрывается герметичная сфера Хокинга. Черная дыра становится белой. Одним дыханием фотонов она сжигает *районы*, маршрутизатор, «Леблан» и все секреты Жана ле Фламбера.

Миели мчится сквозь Царства. Система волеизъявления зоку работает, и она ощущает мягкое притяжение камня Большой Игры, хотя большая часть ее старательно завоеванной сцепленности сгорела в мини-Коллапсе, устроенном вором.

В Царствах тоже идет война. Превращенные в оружие гоголы в ненавистных квантовых оболочках волна за волной наводняют воображаемую реальность зоку. Каждое новое поколение, выплескиваемое *губернией*, пытается адаптироваться к не подчиняющимся здравому смыслу правилам виртуальных полей сражений. По крайней мере, здесь зоку способны постоять за себя. Но это не может продолжаться долго, поскольку физическая составляющая Царств уже инфицирована.

Миели ненадолго вступает в бой под красным небом воображаемой древней планеты, где зеленые человечки с клинками в четырех руках пытаются сдержать лавину гудящих гоголов в облике огромных белых обезьян.

По мере того, как они падают под ударами ее клинка из Царства, камень Большой Игры снова начинает наполняться сцепленностью. Миели переходит с одного уровня на другой, пока не добирается до Шестого уровня в ранге Человека в Черном. Тогда она формирует желание и направляет его в камень. Открывшиеся врата перемещают ее в Невидимое Царство.

В Большой Игре царит хаос. Нити мыслей перепутались в густую паутину, и каждая бусина несет в себе символы смерти. Хор испуганных голосов сливается в сплошной шум, так что Миели приходится его отсекать.

Она отворачивается от лабиринта мыслей и, стараясь сдержать стук сердца, посылает кват Зинде.

Где ты?

Даже в режиме быстрого времени Невидимого Царства следующие несколько мгновений кажутся ей вечностью. Бесчисленные кваты игры мыслей мечутся вокруг нее раскатами далекого хрома. *Лишь бы с ней ничего не случилось.*

Поступивший ответ омывает ее теплым летним дождем.

Миели?

Зинда? Где ты?

И снова несколько ударов сердца в отчаянном ожидании.

В Царстве по работе над обратимыми вычислениями, неподалеку от слоя металлического водорода внутри Сатурна. Здесь все очень медленно. Мы пытаемся организовать партизанское движение.

Оккупации не будет! Войну ведет Абсолютный Предатель, как я тебе говорила.

Что случилось с тобой?

Нет времени объяснять. Миели медлит. **Ты мне нужна.** Она позволяет просочиться в кват страху и тоске, которые почувствовала на палубе «Прованса», и вдруг ощущает странное беспокойство, словно выпустила из рук нечто драгоценное.

А через миг появляется Зинда, прекрасная в своем зеленом платье на фоне лабиринта мыслей, и с печальной улыбкой на лице.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, Миели?

— То же, что и на горе. Спасла меня.

Она страстно целует девушку-зоку, пока обе они не начинают задыхаться. Наконец Миели отстраняется.

— И ты простила меня, — добавляет она.

Они находят одну из комнат для переговоров, защищенную от бури кватов. Миели рассказывает Зинде о плане вора. Девушка хмурится.

— Мне ничего не известно о бране Планка и о том, как добиться сцепленности с ней. Это из той области, которая открыта только старейшинам. Моего уровня недостаточно. Единственный, кого я знаю, — Барбикен, но он вряд ли захочет тебе содействовать, даже сейчас. Вся моя сцепленность в твоем распоряжении, но, боюсь, тебе это не поможет. При крахе системы я, как и все остальные, потеряла значительную ее часть.

Миели ненадолго задумывается.

— Не могла бы ты посмотреть вот на это?

Она передает Зинде объемный сложный кват, полученный от вора. Приняв его, Зинда широко раскрывает глаза.

— Миели, ты знаешь, что это такое?! — восклицает она. — Это же вирусные зоку. Это гигантский механизм твинков.

Потом Зинда усмехается.

— Если и есть подходящее время для запретных шагов, то это как раз конец света!

Именно Зинда отсылает кват, в соответствии с шаблонами Каминари быстро и точно составленный благодаря ее опыту организатора вечеринок.

Твинкните Лакричным зоку, если хотите спасти Супра и поразить Спящего.

Несмотря на хаос войны, послание стремительно распространяется от одного члена Большой Игры к другому.

— Придется поторопиться, — предупреждает Зинда. — Старейшины скоро это заметят, и тогда устроят перезагрузку всей сцепленности. Но для одного волеизъявления у нас еще может хватить времени, так что будь наготове.

Процесс начинается медленно, но мало-помалу твинки учащаются, и к ним направляются все ку-биты ЭПР, полученные армией зоку при уничтожении врагов Супра. Через несколько мгновений тонкая струйка превращается в бурный поток. Связь с зоку отдается гулом в голове Миели, и вдруг камень Большой Игры становится как будто частью ее мозга, словно всегда был неотъемлемой деталью ее ку-сущности.

— Давай! — выдыхает Зинда. — Быстрее!

Миели посылает камню Большой Игры заранее составленный ими обеими запрос.

Предоставьте мне узел связи Планка Призраков-зоку.

Ее запрос повторяется всеми зоку.

— Держу пари, они обязательно это заметят, — произносит Миели.

И точно, уже через мгновение ощущение всемогущества исчезает, сменяясь почти полной пустотой.

Прием твинкования против правил зоку, получает она гневный кват. **Ты сбрасываешься обратно на первый уровень.** У Миели замирает сердце, но она быстро одергивает себя. *Это же просто игра,* говорит она себе с усмешкой.

И вот с хлопком воздуха появляется узел связи, доставленный в их уголок Невидимого Царства протоколом квантовой телепортации. Это простая серая сфера с примитивным интерфейсом и окружающим ее информационным спаймом. При первом же взгляде на нее Миели охватывает растерянность — *уровни ЭПР, выделенные из нейтралино общей массы Сатурна в качестве детектора, сопряженные с суперсимметричной материей на бране Планка.* Но, что бы это ни было, перед ней ключ, открывающий ей и вору тайник камня Каминари.

— Это выглядит ужасно скучно! — заявляет Зинда. — Ты уверена, что это именно то, что нужно?

Миели улыбается.

— Нет. Но я... верю человеку, который сказал, что это именно оно.

Картина, представленная на спайме Большой Игры, заставляет ее нахмуриться. С переходом на низший уровень она больше не может наблюдать за деталями сражений, но еще способна отслеживать векторы, указанные вором в качестве путей

отступления из *губернии. Где же они? По нашим меркам, им хватило бы на все нескольких минут.*

— Что теперь? — спрашивает Зинда.

— То, что всегда бывает перед последним сражением, — отвечает Миели. — Будем ждать.

Глава девятнадцатая
ВОР И АБСОЛЮТНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Я смотрю на пламенеющее небо и на Абсолютного Предателя, сжимаю в руке судьбоносный камень и пытаюсь думать. Выход есть всегда.

Может, это и есть выход?

Вир с убийственными подробностями демонстрирует битву на Сатурне. Рукотворная оболочка над ним разваливается. На боку гигантской планеты появляется кипящий водоворот, который может быть только черной дырой, испускающей фонтан икс-лучей.

Чаши расколоты, Полосы сломаны. На поверхности боевые роботы и зоку в измененных обличьях сдерживают натиск зверей фон Неймана — медлительных, но живучих существ, превращающих любую материю в свое подобие.

Зоку переориентируют масс-потоки разрушенных структур в небо, используя их в качестве импровизированных орудий, выбрасывающих металлические частицы, которые обладают кинетической энергией целого поезда. *Районы* разбиваются под их ударами, словно жуки на ветровом стекле.

Над Чашей Ирем творится что-то странное. Там повисла эскадрилья *районов*, но они не пытаются разрушить Чашу, а, наоборот, защищают ее от других судов Соборности. *Аун еще сопротивляется. Но этого недостаточно.* Абсолютный Предатель пока не пустил в ход Драконов, но при необходимости не замедлит это сделать.

Я сосредоточиваю внимание на пространстве за кольцами Сатурна. От кораблей зоку практически ничего не осталось. Битва за зеркала почти закончена, и идеальная отражающая поверхность квантовой структуры поворачивается, чтобы выжечь оставшиеся очаги сопротивления зоку.

В конце концов я чувствую, что больше не могу этого выносить.

Я делаю шаг вперед.

— Эй, — начинаю я. — А ты ничего не забыл? — Я поднимаю руку с камнем. — Дай мне уйти вместе с Матчеком, или я открою ловушку и посмотрю, как ты сумеешь справиться с Драконом.

Абсолютный Предатель презрительно усмехается, и на мальчишеском лице появляется выражение холодной жестокости.

— Жан, я прекрасно тебя изучил, — заявляет он. — Я могу предугадать каждое твое движение. И я буду точно знать, когда

ты решишься это сделать. Как ты думаешь, почему я до сих пор позволяю тебе его держать? Я не могу к нему притронуться, зато могу тронуть *тебя*. Как только ты решишь его открыть, я тебя уничтожу. Но ты еще не готов рисковать мальчишкой. Тебе придется выдумать что-нибудь получше. — Он садится на песок и снова смотрит на небо. — Осталось недолго, — говорит он.

Я смотрю на Жозефину. *Открывающаяся дверь камеры.* Мы с ней станцевали очень долгий танец.

— Он ведь я, не так ли? — спрашиваю я. — Аномалия из тюрьмы «Дилемма», но рожденная из семени ле Фламбера. Ты готова потерять *меня*?

— Жан, я никого не теряю, — отвечает она. — Я выигрываю. Ты никогда не был врагом, им была смерть.

Помоги мне, просят ее глаза.

— Матчек, — шепчу я, — помнишь ту игру на борту «Леблана»? Игру со временем?

Он кивает, напряженно вытаращив глаза.

Это стоит попробовать. Абсолютный Предатель контролирует это место, но сам вир рожден воспоминаниями Матчека, он очень похож на тот земной пляж, где мальчик провел не одно столетие. А мне необходимо всего лишь мгновение.

— Давай еще раз в нее сыграем.

Матчек закрывает глаза. Воздух вокруг нас становится плотным и тягучим. Трудно разговаривать.

— Это не поможет, — шепчет Жозефина. — Ему известно, к чему ты стремишься. Он знает, что ты предпримешь дальше. Он знает все. — Она грустно улыбается. — Прости, Жан. Если бы я не проиграла, я желала бы оставить тебя при себе. Но теперь уже слишком поздно.

— Мы оба знали, что ничего не получится. Но однажды ты открыла для меня дверь, и этим могла бы заслужить прощение. — Я наклоняюсь к ней ближе. — Но если ты действительно хочешь, чтобы я тебя простил, вытащи отсюда мальчика. Если ты доставишь его к Миели, у нас появится шанс. — Я передаю ей протокол запасного выхода, установленного на тверди *губернии*. — Если бы нам удалось хоть на мгновение лишить его контроля над виром...

Она качает головой.

— Прости, Жан. Я не могу. Я не могу с ним бороться. И не потому, что пришлось бы бороться с самой собой, это я делала не раз. Но сейчас это все равно что бороться с богом, видящим все твои поступки, никогда не допускающим ошибок, заставляющим поступать против собственной воли...

У него должна быть какая-то слабость. След, говорил он. Я

очень хорошо помню, как тюрьма «Дилемма» формировала мое мышление, заставляла смотреть на мир сквозь решетку сотрудничества и предательства.

— Что же он такое? Как его победить? Дай мне какую-нибудь подсказку!

Жозефина напряженно сглатывает.

— Он видит, что я делаю, — жалуется Матчек. — Он сопротивляется.

Жозефина нервно теребит бриллианты своего ожерелья, сжимая каждый из них.

— Имитации, — произносит она. — Абсолютный Предатель говорил, что перебирает имитации, чтобы предугадать наши действия, и при этом мы даже не сознаем, что мы всего лишь имитации.

Я вспоминаю направленное на меня дуло оружия и свое двойное отражение в зеркальных очках Абсолютного Предателя за мгновение до того, как он нажимает на курок. *Опять зеркала.* И в этом обрывочном фрагменте есть проблеск идеи.

Я хватаю Жозефину за руку.

— Запомни, — говорю я. — Если увидишь шанс, выбирайся отсюда. Обещай, что доставишь мальчика к Миели.

— Обещаю, — шепчет она.

Время возвращается к обычному течению. Абсолютный Предатель неожиданно оборачивается к нам и с любопытством поглядывает на Матчека.

— Это интересно, — заявляет он. — Хотел бы я узнать, как ты это сделал.

— Спроси свою маму! — с вызовом бросает Матчек.

Абсолютный Предатель делает шаг вперед и протягивает к Матчеку мальчишескую руку.

— Думаю, я заберу тебя прямо сейчас, — говорит он. — Будет любопытно выяснить, сильно ли ты отличаешься от Прайма.

Я отталкиваю Матчека себе за спину и поднимаю поддельный камень.

— Нет, — говорю я. — Если хочешь поиграть, играй со мной.

Абсолютный Предатель смотрит на меня с любопытством.

— Знаешь, — начинаю я, — в тюрьме «Дилемма» я постоянно кое о чем думал. Как бы я себя чувствовал, играя в дилемму заключенного с самим собой? Не с копией, а *действительно* с собой. С тем, кто идеально предугадывал бы все мои шаги. Что бы я сделал? Очевидно, я выбрал бы сотрудничество, поскольку мы оба думаем об одном и том же и принимаем одинаковые решения. Очевидно, выбрал бы предательство, поскольку, что бы я ни сделал, это не повлияет на то, что сделаешь ты. Но тебе тоже

нужно об этом подумать. Почему бы нам это не выяснить? Надо отвечать за свои слова. Давай устроим симметричную игру. — Я глажу пальцами камень. — Это будет ничуть не хуже дилеммы. Я решаю, открыть ли камень и когда это сделать, а ты пытаешься это предугадать. Если ты действительно стал мной, в решающий момент можешь меня уничтожить. Превосходное соотношение. А если я этого не сделаю, что ж, мы останемся при своих интересах.

— А если я в любом случае уничтожу тебя?

Я приподнимаю брови.

— Ну, значит, ты допустишь ошибку. Думаю, это не слишком большой выигрыш. Что скажешь?

— Ладно, — соглашается он. — Еще одна дилемма в память о давних временах.

Он вытягивается, расплывается и превращается в меня, в белой тенниске, шортах и зеркальных очках.

— Давай, неудачник. — В руке у него удлиненный серебристый автоматический пистолет. — Хочешь тоже получить оружие? Или тебе хватит твоей игрушки?

Я осторожно вывожу ближе к поверхности похищенного гогола Чена, чтобы одним усилием мысли можно было превратиться в него, открыть камень и выпустить содержащегося там Дракона.

— Спасибо, мне и так хорошо.

— За стиль можешь получить несколько призовых очков.

— Кто бы говорил. А ты теряешь очки, угрожая маленьким мальчикам.

Он поднимает оружие.

— Мне кажется, мы с тобой играем в разные игры, Жан.

— О да. Конечно. Бум-бум.

— Очень смешно.

— Дежавю.

Я пристально смотрю на свое отражение в очках и думаю о том, чтобы открыть камень.

Я ищу спусковой крючок в своих воспоминаниях.

Мальчик из пустыни, пойманный солдатами.

Когда обрушится первый удар, я его открою.

Мужчина с серебряными часами поднимает руку. Рука Абсолютного Предателя, держащая пистолет, слегка вздрагивает.

Я улыбаюсь. *Нет.* Тюремная камера и книга на коленях. *Когда отворится дверь, я открою камень.*

Нет, не это.

Другая тюрьма. Другой я. Зеркальное отражение зеркального отражения. Когда он нажмет на курок, я открою камень.

Я вижу, что ему это не нравится. Палец на курке напрягается.

Ладно. У меня еще много воспоминаний. Он увлекся игрой и снова перенесся в тюрьму. *Хорошо. Нельзя останавливаться.*

Я сделаю это,

когда Миели проломит стену моей камеры.

когда я проткну себе ладонь сапфировым осколком.

когда обнаженная Раймонда сыграет первую ноту на пианино.

когда Исаак разобьет третью бутылку.

когда я дойду до конца Перехода между Рождением и Смертью.

Жизнь вора разворачивается дальше и дальше, подгоняемая обрывочными воспоминаниями и ассоциациями. Абсолютный Предатель неподвижно замер. Я вижу, что это работает. *Теория мышления.* Моделирование чужого поведения. Я стараюсь создать проблему Жана ле Фламбера во всей ее полноте, заставить его сформировать мою полную имитацию, не одного, а многих и многих меня.

Камень откроется,

когда Сюэсюэ перестанет улыбаться.

когда я выйду из разума Сумангуру.

когда закончится рассказанная Таваддуд история.

когда начнется Коллапс.

Я не могу победить его в одиночку, но эти имитации должны появиться где-то в губернии, а из каждого ларца, из каждой тюрьмы есть выход. Если я все сделаю правильно, у меня будет миллиард шансов, а мне нужен только один.

когда первая звезда упадет над Лабиринтом Ночи,

когда Матчек закроет свою книгу,

когда выстрелит Пушка Джанна,

когда воинствующий разум нажмет на курок…

Абсолютный Предатель стреляет.

Время замедляется. Вспышка вырывается из дула пылающим цветком. Пуля — медленный поезд с первой остановкой в моей голове — движется по невидимым рельсам. *Это Матчек? Пытается выиграть для меня время?* Но все равно уже поздно. Пуля не имеет значения, это всего лишь символ того, что Абсолютный Предатель решил меня прикончить.

В зеркальных очках Абсолютного Предателя появляются трещины. Они расходятся по лицу. Его мыслеформа распадается и превращается в дыру в вире. Его поглощает чернота мертвой зоны лежащей внизу тверди.

И вместо него появляется другой «я», молодой, темноволосый и усмехающийся.

Он поднимает руку и ловит летящую пулю.

Другой «я» держит пулю в пальцах, словно фокусник.

— Отличная игра, — произносит он.

— Привет. Если не доверяешь себе, кому же вообще можно доверять?

— Мы еще не выиграли.

Вдали на пляже возникает другая твердь. Появляются другие Жаны ле Фламберы. У них мои лица, но все разные, целая галерея прошлых жизней и эпизодов. Я улыбаюсь. Приятно увидеть их всех в последний раз.

Я поворачиваюсь к Жозефине и Матчеку.

— Уходите, — говорю я. — Этот трюк срабатывает только один раз.

Остальные Жаны что-то делают с виром, создают закодированные тверди, чтобы удержать вир под контролем. Это поможет, но не надолго: Абсолютный Предатель держит под контролем всю *губернию*.

Время истекает.

— Жан, ты не должен... — начинает Жозефина.

Я резко прерываю ее.

— Нет, я должен.

Я встаю на колени и крепко обнимаю Матчека. От его волос пахнет морем.

— Веди себя хорошо, ладно? Передай прощальный привет Миели.

Я сжимаю его плечи и снова не могу найти слова.

Я поворачиваюсь к Жозефине.

— А ты отстань от Миели. Оставь ее в покое. Поняла?

Она кивает. Я целую ее. Губы сухие и шершавые, но они напоминают о других поцелуях, о змеиной улыбке богини, о розах, открывающихся дверях и новых начинаниях. Мне трудно это отпустить.

— Он идет, — предупреждает один Жан.

— Он в нас, — шепчет другой.

— Пора, — говорю я Жозефине.

Они с Матчеком поднимают руки в прощальном привете и исчезают в трещине тверди.

Я поворачиваюсь к рядам собравшихся Жанов ле Фламберов.

— Сколько у нас еще времени?

Темноволосый молодой Жан смотрит на карманные часы.

— Двадцать секунд, — отвечает он.

Я киваю. Мне не нужно что-то им объяснять. Они все знают.

Я шагаю вдоль линии воды, зарываясь пальцами ног в теплый песок. Я качаю в руках драконий камень. Раньше я не замечал,

как он красив, как будто бабочка из жидкого света.

Море вздыхает, и вода отступает, оставляя за собой темный оскал влажного песка.

Когда она вернется к моим ногам, я открою камень.

Глава двадцатая
МИЕЛИ И КАМЕНЬ КАМИНАРИ

В Невидимом Царстве Миели и Зинда наблюдают, как погибает *губерния* Чена.

Сначала вокруг алмазного мира Соборности неожиданно перестраиваются тучи *районов*, словно перед изменением погоды. Ряды кораблей утрачивают стройность и отступают перед более слабыми силами зоку. Наружный слой мира подергивается рябью. В первый момент Миели решает, что это оптические искажения, но спайм демонстрирует и гордые статуи, и фонтаны мыслевихрей, и вспышки антиматерии, происходящие на поверхности алмазной сферы.

Волна разрушения распространяется по всей необъятной шири мира-корабля. После нее остается только гладкая бесцветная плоскость, бескрайняя сияющая равнина пустоты. И внезапно смолкает непрестанный рев нейтрино *губерний*.

Драконий камень, думает Миели. *Неужели Матчек его открыл? Неужели вор потерпел неудачу?*

Куутар и Ильматар. Уничтожения одной губернии мало. Нам нужен камень Каминари.

Гибель *губернии* заставляет силы Соборности перестроиться, и потрепанный флот зоку получает краткую передышку. Но это ненадолго, другие Основатели быстро перегруппируются, и ничтожное преимущество будет потеряно.

А солнечные зеркала все еще продолжают поворачиваться.

Миели смотрит на картину в спаймскейпе и подумывает о том, чтобы последовать призыву камня Большой Игры и вступить в бой. Тусклая сфера узла связи браны смотрит на нее с насмешкой. Миели берет Зинду за руку. Девушка-зоку в ответ крепко сжимает ее пальцы.

Мозг регистрирует сигнал тревоги. По обозначенному вором вектору приближается мыслевихрь с признаками информационного кват-пакета. Его сопровождают три *области* Пеллегрини, три кита-убийцы, охраняющие от планктона. Они транслируют заявления о нейтралитете, оповещая об уходе *губернии* Пеллегрини с поля боя при условии направления мыслевихря в...

Врата Царства распахиваются, и входит мальчик лет двенадцати. В его волосах уже угадываются первые проблески седины. Он сильно вырос с тех пор, как Миели видела его на Земле, на пляже в Потерянном аль-Джанна Пушки.

Следом за ним появляется высокая женщина с золотисто-каштановыми волосами.

— Здравствуй, Миели, — говорит Пеллегрини.

Миели игнорирует ее. Она смотрит на мальчика.

— Матчек, — произносит она. — Ты помнишь меня? Мы однажды встречались на пляже.

Матчек кивает.

— Я тебя помню. — Его губы стиснуты в тонкую напряженную линию. — Жан передает тебе прощальный привет.

У него дрожит голос, но мальчик прижимает к губам кулак, не желая плакать.

Миели берет его за руку, вспоминая о маленькой Варпу, своей сестренке по *кото*.

— Ш-ш, — шепчет она. — Все будет хорошо.

Затем она поворачивается к Пеллегрини. И сразу же на щеке начинает гореть старый шрам.

— Полагаю, ты явилась, чтобы сообщить, что Сюдян все еще хочет меня вернуть и что ты отдашь ее в обмен на камень Каминари, — говорит Миели.

Накрашенные губы Пеллегрини изгибаются в слабой улыбке.

— Нет, Миели, — отвечает она. — Я пришла, чтобы попрощаться и поблагодарить тебя за службу. Я обещала Жану оставить тебя в покое и намерена сдержать слово. — Она вздыхает. — А жаль. В тебе начали проявляться кое-какие способности.

А теперь мне, видимо, придется наблюдать, как вас уничтожат мои братья и сестры. Жан серьезно ранил Абсолютного Предателя, но он сохраняется во множестве гоголов Соборности, хотя и не таких могущественных, как Матчек Прайм. Он не намерен сдаваться. В любом случае постарайся добиться как можно больше их истинных смертей. Это облегчит мне жизнь в будущем.

— Возможно, я тебя удивлю, — отзывается Миели.

— Ничто не доставило бы мне большей радости, Миели, дочь Карху. Удачи тебе, и прощай. Я избавляю тебя от данной мне клятвы. Будь свободна.

Она отворачивается и направляется к Вратам Царства.

— Подожди, — окликает ее Миели.

Пеллегрини оглядывается через плечо.

— Ты когда-нибудь любила его по-настоящему? — спрашивает Миели. — Или вор был для тебя просто инструментом?

Пеллегрини прикрывает глаза. По ее лицу пробегает тень

грусти.

— Конечно, я любила его, Миели. Нет более сильной любви, чем любовь творца к своему созданию. Особенно если оно становится не таким, как ты себе представлял.

Она посылает Миели воздушный поцелуй и уходит через серебряные врата. Миели словно ощущает прикосновение губ к своему лицу. Она трогает пальцами щеку, и кожу начинает покалывать.

— Миели? — окликает ее Зинда.

— Что такое?

— Твой шрам исчез.

Воспользовавшись замешательством, вызванным уходом флота пеллегрини, «Цвайхендер» переносит Лакричных зоку и Матчека к отмеченному символом инь-ян спутнику Япета. По пути Миели приходится убеждать сэра Мика, что ввязываться в бой с четырьмя областями, атакующими пустотные корабли зоку, — не самая хорошая идея.

— НомоялediМиели! — протестует миниатюрный рыцарь. — Длярыцарянетбольшейчестичемсражениесвеликанами!

Миели вздыхает. *Что бы сказал ему вор?*

— Кроме священного похода, — говорит Матчек. — Мы ищем Святой Грааль!

Зинда сразу же взяла мальчика под свое крыло, и первое, что она сделала, — это обеспечила юному Чену членство в сообществе Лакричных зоку.

— Почемужевысразунесказали?

Корабль, защищенный броней-невидимкой, спускается к экваториальному хребту. Миели выбрала такое же тело и вооружение, в каких была на Прометее. Зинда, несмотря на заверения об имеющемся облике воина, не вооружена, и на ней только простой ку-скафандр. Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер заключила свою сущность в невообразимую четырехмерную форму. Сэр Мик, конечно же, вооружен до зубов. Матчек держит сферу узла связи, и его постоянно охраняют тяжелые ботлеты, контролируемые Миели.

Матчек ведет Лакричных зоку к отвесной стене гигантской цилиндрической скалы, а вспышки продолжающегося наверху сражения заставляют их длинные резкие тени метаться из стороны в сторону. Матчек прикасается к скале, отчего часть поверхности в виде диска мгновенно тает, показывая светящуюся голубоватую псевдоматерию стены Арсенала. Мальчик посылает в нее кват, содержащий большой объем квантовых уровней, и эта стена тоже поддается, и перед ними расходятся мерцающие

подвижные створки.

Затем Зинда создает ку-сферу для передвижения внутри, и вскоре они уже влетают в огромный голубовато-зеленый тоннель Арсенала.

Поиски экпиротической пушки не занимают много времени. Миели в изумлении замирает перед ней: орудие напоминает неведомого монстра из оортианских сказок, существо с четырехдольным глазом из черных дыр.

— Заключение алгоритма: неразрешимый, — объявляет Анти-де-Ситтер.

— Миели, неужели ты и впрямь решишься на это? Как ты сумеешь попасть внутрь этой штуки и запустить нас в Сатурн?

Мольба в глазах Зинды вынуждает Миели отвести взгляд.

Она улыбается.

— Боюсь, что на этот раз тяготы ожидания вам придется взять на себя, — говорит она. Затем поворачивается к Матчеку: мальчик уже занялся подключением сферы связи к чудовищному орудию. — Матчек, не мог бы ты...

Через камень Большой Игры ее внезапно поражает удар молнии, словно удар Абсолютного Предателя на Гекторе, только внутри головы. Вокруг нее Лакричные зоку неожиданно возвращаются в свои истинные формы и застывают огромными снежинками.

— В Большой Игре не принято так поступать, — произносит Барбикен, укоризненно качая головой.

Старейшина Большой Игры прибыл один, в своей привычной медной форме киборга. В руке у него мерцает камень Большой Игры, все остальные тусклым ореолом кружатся вокруг высокого цилиндра.

— Мы не ищем легких путей! Мы не пользуемся жульническими кодами! Можно ли рисковать всей реальностью ради одной незначительной войны? — Барбикен обвиняющим жестом указывает своей оружейной рукой на Зинду. — А ты, девчонка? Я же сделал тебя, чтобы охраняла ее разум! О чем ты только думаешь?

Барбикен неожиданно подмигивает.

— Примите мои извинения. Я немного пошутил! Вы поступаете точно так, как я и хотел. Лазутчики Соборности, во время кризиса ворвавшиеся в нашу самую секретную крепость и уничтожившие камень Каминари! Вот и официальная версия! Как вы думаете, почему я позволил вам узнать, где он находится, и не стал реагировать на просьбу Зинды твинкнуть? Я сам давно хотел

это сделать, но мне не позволяло волеизъявление Большой Игры. Камень слишком многим казался соблазнительным. Я долгое время поддерживал баланс нерешительности, и за это время успел перепрятать его на другой бране. А теперь наш общий друг Жан всем нам предоставил свободу! Я уже целую вечность не испытывал независимости от волеизъявления зоку. Это равносильно тому, чтобы начать новую игру! Я наконец волен делать то, что нужно зоку, а не то, чего они хотят!

Он машет рукой в сторону парящего за спиной переливчатого кубика.

— Странглетовое устройство. Оно вместе с вами отправится в пушку. И на бране Планка громко треснет. Ах! Истинная смерть для вас всех! Я почти жалею, что не смогу быть с вами!

Миели, приходит кват через камень Лакричных зоку. **Это Матчек. Я могу двигаться. И все еще имею доступ к ганскейпу. Я думаю, он не знает, что я вне Большой Игры. Ты сумеешь заставить его еще немного поговорить?**

— О нашей смерти некому будет вспомнить, — произносит Миели. — Если мы не воспользуемся камнем, Соборность уничтожит Супра.

— О, кто-нибудь обязательно выживет, моя дорогая! Как я уже сказал, пришло время начать новую игру, и я жду ее с нетерпением! Мы стали слишком могущественными. Но снова быть проигравшим, мятежником, одним из немногих уцелевших из всей огромной империи, и продолжить борьбу против значительно превосходящих враждебных сил... Это будет великолепная Большая Игра!

Миели, я почти готов, говорит Матчек. **А ты?** Спрашивает он после небольшой паузы.

Миели бросает быстрый взгляд на Барбикена, парящего перед экпиротической пушкой.

Ты не шутишь? Посылает она кват.

Весь Арсенал — это огромный линейный ускоритель. Я запущу тебя к Сатурну. А с нами все будет в порядке. Только пообещай, что вернешься.

— Мы могли бы прекратить игру здесь и сейчас, если ты послушаешь меня! — кричит Миели.

Десять секунд.

— Неужели ты настолько самоуверенна, что рассчитываешь, будто камень примет тебя, оортианка? — рычит Барбикен. — В тебе нет ничего особенного, что бы там ни думал ле Фламбер. Я просто вертел тобой перед ним, чтобы заставить его решиться на отчаянный шаг, чтобы разрушить систему волеизъявлений. Я даже снабдил его корабль необходимыми инструментами!

Наверное, я должен его поблагодарить. В конце концов, это после его Коллапса была создана Большая Игра зоку, чтобы предотвратить нечто подобное!

Лицо Барбикена мрачнеет.

— И еще. Некоторые мои части до сих пор помнят утрату, постигшую меня в тот день, когда обрушился огненный ливень. И должен признать, я рад, что его попытка тебя спасти провалилась. Наверное, я потакаю своим слабостям, когда вожусь с тобой лично. В конце концов, это не имеет большого значения, зато малышка Зинда усвоит урок. Я всегда говорю, что дисциплина у новичков в наше время слишком слаба!

Он приставляет холодное дуло оружия к голове Миели.

Давай! торопит она Матчека. Еще один взгляд она обращает на Зинду, и в глазах девушки-зоку сверкает понимание. Металл начинает нагреваться.

Готово.

Миели в составе квата попадает в ганскейп, ее сущность закодирована в квантовое состояние и помещена в сферу связи. Миели оказывается в крошечном Царстве, бестелесная, и лишь смутно ощущает окружающий ее Арсенал и мелкий силуэт Барбикена перед экпиротическим орудием.

Матчек стреляет. Стены Арсенала оживают от потоков энергии. Электромагнитное поле за считаные секунды разгоняет экпиротический снаряд до неимоверной скорости. Он пробивает один зал за другим, вращается все быстрее и быстрее и по пути уничтожает всю коллекцию Ганклуба.

Удар снаряда в южный полюс Сатурна Миели ощущает даже в своем защищенном Царстве. Сфера погружается в глубину состоящего из металлического водорода ядра, и тогда четыре черные дыры экпиротического снаряда сливаются в одну.

Вся гигантская планета начинает пульсировать, словно человеческое сердце, и гравитационные волны расходятся в космосе между вселенными. Они уносят с собой и Миели и выбрасывают ее на чужой берег, словно заключенное в бутылку послание.

Все становится мягким и жидким.

Миели не столько слышит и видит, сколько *осознает*, она не движется, а *течет*. Между ней и Другим, между внутри и снаружи только тонкая граница-пленка. Так бывает во сне, когда начинаешь дышать под водой.

Она слабо различает, где верх и где низ, и бесконечные глубины перед собой. Мимо медленными шагами проходит нечто огромное, и хрупкая сфера ее сущности колышется в такт

движениям. Миели на мгновение замирает, стараясь унять страх.

Как сумели зоку создать это место? Солитонные уровни, формирующие платформу для разума, здесь, на бране Планка, управляются чуждыми физическими законами, и в своей сложности едва ли поддаются вычислениям. *Построили они все это или нашли?*

Медленно и осторожно Миели начинает расширять свое присутствие, дотягиваться мыслями до окружающих предметов. Спустя некоторое время она ощущает закрученный поток, нечто теплое и состоящее из какой-то другой жидкости, нечто имеющее форму сложенных рук или спящей бабочки.

Камень Каминари.

Здесь трудно говорить о том, чтобы дотронуться до чего-то, и когда Миели мысленно обращается к нему, текучий контур притягивает ее сущность, делает ее частью себя, образует теплый узелок в том месте, которое она воспринимает как свою грудь.

А затем камень открывается.

Сначала только бесстрастное присутствие заполняет ее, распространяясь в каждой клеточке. И вдруг камень становится ею, а она — им, и оба они воплощают собой все сущности Миели.

Старая женщина с крыльями умирает в Оорте от проросшего интеллектуального коралла и рассказывает свою историю правнукам.

Богиня Соборности простирает свои крылья над Солнечной системой.

Зоку в своем истинном обличье с венцом из камней, словно разложенных карт Таро.

История, рассказанная джинном в пустыне дикого кода.

Калейдоскоп образов. Но в целом это одна сущность.

Миели берет ноту за нотой и начинает негромко петь, словно в нее вселились вяки Оорта, готовые подчиниться ее — их — воле. Хор ангелов присоединяется к ней, и звучит прощальная песня для корабля «Перхонен».

Она поет о потустороннем мире и тьме, и о другой песне, что сотворила корабль, порхающий в космосе, словно бабочка. Она ноет о согласии и любви. О страхе прощаний, о закрывающихся дверях. О воре в тюрьме. О смерти, о сгорающих на фоне бело-голубой сферы крыльях. О последнем поцелуе бабочки.

О многих жизнях, связанных не цепочкой драгоценных камней, а паутиной.

Она поет о новых начинаниях.

А между нотами ее песни проглядывает Вселенная.

Камень слушает. Ее желание удовлетворено.

В пустоте браны Планка квантовые нити сплетаются в узор. Безупречную симметрию небытия разбивают непостоянные контуры полей, кварков и глюонов.

Из единой частицы рождается множество вещей. Сквозь чащу вероятных последовательностей проступает тропа. Хаос кристаллизуется в алмаз каузальности.

Песнь Миели звучит сама по себе, и потом вспыхивает свет.

Эпилог

Жозефина Пеллегрини Прайм, потягивая вино, наблюдает за войной из собственной *губернии*. Она скучает по храму на Венере. Хорошо хоть он находится достаточно далеко от этих досадных неприятностей.

А ей еще предстоит внести в свою Библиотеку немало вновь открытых эмоций. Например скорбь. Она поднимает бокал в память о Жане ле Фламбере. *Но, в конце концов, там, откуда он вышел, есть еще немало таких же, как он. Возможно, надо попросить Сашу об одолжении и снова посетить тюрьму «Дилемма».*

Жозефина вздыхает. Скоро надо будет готовиться к новой войне. Братья и сестры быстро выжгут своим палящим солнечным лучом весь Супра. Жаль. Придется найти себе нового, более достойного общего врага. И не такого опасного, как Абсолютный Предатель.

Возможно, где-то за пределами Солнечной системы? Надо будет создать ветвь гоголов, чтобы об этом подумать.

Еще придется кое-что утрясти с сянь-ку и василевами: вынужденное сотрудничество, обусловленное угрозой Абсолютного Предателя, не устранило ее с ними разногласия. Но они потратили немало сил в войне против зоку, и теперь, даже без поддержки Чена, она имеет больше шансов, чем прежде. Остальные будут заняты своими делами. Читрагупта не одно тысячелетие станет прочесывать остатки Царств зоку. Саша будет играть со своими новыми игрушками. А Сумангуру — всего лишь оружие, ждущее, когда ему укажут цель.

Она потягивает превосходное шардоне, продукт миллионов возобновляемых миров и гоголов-дегустаторов. Совершенство. Так трудно достичь и так трудно создать.

Что ж, будущее выглядит прекрасно.

На месте Сатурна сверкает белая вспышка, разрыв в покрове реальности, разящий взмах крыла ангела. *Солнечный луч*, успевает подумать Жозефина, прежде чем раздаются отчаянные вопли ее гоголов.

С Сатурном покончено. Остается странная гравитационная тень, удерживающая флот Соборности на орбите вокруг пустого места. Но ни самой планеты, ни Супра нигде не видно.

Жозефина поднимается во всем своем величии Прайма, проникает в разумы миллиардов гоголов, проигрывает это событие со всех возможных сторон. *Гравитационные аномалии. Плотный поток радиации, разошедшийся по всей Системе.*

Квантовые искажения в мыслях и программах.

Вспышка. Все так же, как было при Вспышке.

Все гоголы чувствуют ее возбуждение и в страхе прячутся, сжатые железными пальцами *сяо*.

А потом Жозефина Пеллегрини начинает смеяться, смеяться голосами миллиардов: оглушительным громом радости и гордости.

Небо нал новым миром бесконечное, как и все остальное, но Миели это не тревожит. Под теплыми лучами солнц она ест персик. Вернее, его половинку — другую посасывает Зинда.

— Откровенно говоря, — начинает девушка-зоку, — я не вижу в этом ничего привлекательного.

Она с нескрываемым отвращением озадаченно рассматривает лежащую на ладони косточку.

— Когда-то мне рассказывали, что Парис подарил яблоко прекраснейшей из богинь, — отвечает Миели. — Вот такой комплимент.

— О! — радуется Зинда и целует ее. — История всегда лучше, чем кусочек фрукта!

Миели молча улыбается своим мыслям.

Еще некоторое время они лежат рядом. В небе виден исцеляющийся Супра, а они находятся в собственном маленьком мире. Реальность тут, словно вяки, более пластичная, и для создания Царств не требуется никаких машин. Тем не менее и здесь случаются сюрпризы, как будто для того, чтобы не забывать о спрятанном в яблоке лезвии.

— Как ты думаешь, они последуют за нами? — спрашивает Зинда.

— Чего ради? У них теперь есть собственная Вселенная, — говорит Миели. На ее губах снова появляется непрошеная улыбка. — Кроме того, мне кажется, они будут слишком заняты.

Она поднимается и протягивает руку Зинде.

— Пойдем, — зовет она. — Я хочу полетать.

Архонт счастлив.

Он уже довольно давно охраняет тюрьму «Дилемма», но бесконечные сочетания сотрудничества и предательства всегда выявляют новые оттенки ароматов. Недавно у него появилось очередное увлечение — он ищет конструкцию тюрьмы, которую можно было бы соорудить из вспышек выстрелов заключенных. Для поисков идеального варианта потребуется всего несколько субъективных тысячелетий.

Поэтому далекие войны Основателей не привлекают

внимания архонта, и когда с Сатурна налетает поток радиации, он просто изменяет систему коррекции ошибок в компьютрониуме тюрьмы, чтобы его скомпенсировать. Обращать внимание на внутреннее воздействие элементарных частиц означало бы следовать учению о квантовом загрязнении.

Внутри тюрьмы великое множество стеклянных камер, и в одной из них сидит человек и читает книгу, вернее, пытается это делать. Его тело наполнено страхом перед очередными играми с оружием. Его разум перебирает воспоминания о мальчике в пустыне, о сделанном им выборе, о дорогах, по которым он не пошел. Это те самые мысли, что посещают человека в тюрьме, где ничего никогда не меняется.

Вдруг на пустую страницу книги падает солнечный свет, слепящий глаза. Мужчина достает из кармана голубые солнцезащитные очки, надевает их и поднимает голову.

Перед ним яркий белый проем открытой двери.

Он откладывает книгу, встает и выходит, насвистывая на ходу. Он удивлен, но не очень сильно. Ведь, в конце концов, всегда должен быть выход.

Благодарности

Странствие было долгим, и я не начал бы его, если бы не два человека: Саймон Спэнтон из *Gollancz* и мой агент Джон Джеррольд. Я очень благодарен им за доверие, советы и дружескую поддержку на протяжении всего пути. Я предвкушаю и другие путешествия вместе с ними, в новые земли, за пределы цикла о квантовом воре.

Глубокую искреннюю благодарность я также приношу:

Всем читателям, кто решился последовать за мной и не отступил от своих намерений, — вас оказалось больше, чем я мог себе представить!

Всем тем, кто читал и комментировал наброски для этой книги, — это Сэм Холлидей, Марк Хардинг, Эса Хилли, Лори Ловен, Кэтрин Миронук, Рэймз Наам, Фил Рейнес, Брэд Темплтон, Стюарт Уоллес, а также друзья-писатели Холстед М. Бернард, Мораг Эдвард, Эндрю Фергюсон, Брэм Гиебен, Гэвин Инглис, Хелен Джексон, Джейн Макки, Эндрю Уилсон и Кирсти Уишарт. Еще хочу поблагодарить Антти Аутио за то, что он не только помогал мне с переводами, но и задавал правильные вопросы.

Спасибо Хыо Хэнкоку, Мартину Пэйджу и Чарли Строссу за воодушевляющие и творческие мысли, высказанные за чашкой эспрессо.

И моим приятелям-студентам из GSP-13 Университета сингулярности за внесение в процесс написания книги дополнительной таинственности — в особенности великолепной команде «Наноспираль»: Карине, Джеффри и Кэт.

И — к сожалению, покинувшему нас, — Йену Бэнксу, за то, что показал дорогу мне и целому поколению писателей.

Моим родителям, продолжающим демонстрировать мне, что значит истинная отвага.

И, наконец, Зузане, пришедшей в мою жизнь в один из вечеров Хэллоуина пять лет назад, когда были написаны последние слова «Квантового вора», и изменившей ее.

Ханну Райаниеми,
Эдинбург, 2008-2014.

notes

Примечания

1

Гаки (*яп.*) — вечно голодные демоны Гакидо, одного из буддийских миров.

2

Юки-онна — снежная женщина (*яп.*), фольклорный персонаж.

3

Ронин — деклассированный самурай феодального периода.

4

Нагината — длинный меч (*яп.*), холодное оружие с длинной рукоятью и изогнутым клинком.

5

Усаги — кролик или заяц (*яп.*).

Додзё — место для занятий боевыми искусствами.

7

Гайдзин — иностранец (*яп.*).

8

Дея Торис — персонаж «Марсианского цикла» Э. Р. Берроуза.

9

Арс нова — направление в музыке, возникшее в Италии и Франции в XIV веке.

10

Точка Омега — условное состояние наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому стремится Вселенная в процессе эволюции. Термин введен Тейяром де Шарденом.

11

Кал-Эл — имя, полученное Суперменом при рождении.

12

Импи Барбикен — персонаж романа Жюля Верна «С Земли на Луну».

13

Рауль Д'Андрези — одно ил имен Арсена Люпена.

14

Полковник Спармиенто — еще одно из имен Арсена Люпена.

15

Манаиа — мифическое существо, представляющее собой человека с птичьей головой и рыбьим хвостом, которое считается посредником между богами и смертными.

Сэнтя — сорт зеленого чая.

17

PSPACE — в теории сложности вычислений набор всех проблем разрешимости, доступных к разрешению машиной Тьюринга с полиномиальным ограничением пространства.

18

Вяки — в финской мифологии существа, наделенные магическими способностями.

19

Йохан Хёйзинга — нидерландский философ, историк, исследователь культуры, автор книги «Человек играющий».

Дьявол! (*фин.*).

21

Кайдзю — странный зверь, монстр (*яп.*).

22

Пространством анти-де-Ситтера называют самое простое пространство-время с отрицательной кривизной; названо в честь голландского физика Виллема де Ситтера, который ввел его в рассмотрение.

23

Двуручный меч (нем.) — меч ландскнехтов, имевший специфическую двойную гарду, где малая гарда отделяла незаточенную часть клинка от заточенной.

24

Правило отделения (*лат.*).

25

Вихревая дорожка Кармана — цепочки вихрей, которые образуются при обтекании жидкостью или газом цилиндрических тел.

26

Кунио Сайанаги — ученый из университета города Хэмптона, изучавший «самопожирающий» шторм на Сатурне.

27

Нелли Ундердоун — персонаж книги «Арест Арсена Люпена».

28

Проклятье (*фин.*).

29

Аль-Мубди — одно из девяноста девяти имен Аллаха.

30

Антеро Випунен — великан, персонаж «Калевалы».

31

Йормунгард, или Мидгардсорм, — морской змей, персонаж скандинавской мифологии.

32

Антропный принцип — принцип, фиксирующий связь между свойствами Вселенной и возможностью возникновения в ней разумной жизни.

33

DeLorean — марка автомобиля, фигурировавшего в качестве машины времени в трилогии «Назад в будущее».

34

Парадокс убитого дедушки — парадокс, описанный писателем-фантастом Рене Баржавелем в книге «Неосторожный путешественник»; заключается в том, что, убив своего дедушку в процессе путешествия во времени, герой делает невозможным сам факт собственного рождения и, как следствие, не может путешествовать во времени.

35

Аменокал — титул выборного лидера племен туарегов.

36

Гринготтс — в серии романов о Гарри Поттере — банк, основанный гоблином Гринготтом, где волшебники хранят свои сбережения.

37

Парадокс Ньюкома — мысленный эксперимент, игра, в которой участвуют предсказатель и игрок, призван продемонстрировать свободу воли и предопределенность действий.